

Сергей Слюсаренко
Красный сигнал

S.T.A.L.K.E.R. – 84

Аннотация:

Сын Вадима Малахова идет в Зону, чтобы разыскать своего отца. На своем пути паренек обретает новых неожиданных друзей, раскрывает страшные тайны, при этом он неуклонно стремится к своей цели, уничтожая окружающее зло.

Что такое мир Зоны, и какие они, ее обитатели, если смотреть на них с противоположной стороны? Найдет ли сын отца? Чем закончится эта смертельная авантюра? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге «Красный сигнал» — заключительной части трилогии о Малахове.

Сергей Слюсаренко
Красный сигнал

— Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Шагом... марш!
— Стой, кто идет?
— Фарш!

Михаил Яснoв

Глава первая

«Жду отца»

Жду отца.
Так долго жду...
Жду, не засыпаю...
Жду его шаги в саду —
Сразу их узнаю.
Вот уже звезда в окне...
Три, четыре, пять...
Приходи, поможешь мне —
Звезд не сосчитать!..

Михаил Садовский

2016 год

Каждое лето меня ожидают две поездки. Одна из них — в летний лагерь. Говорят, они раньше назывались пионерскими. А теперь это называется — летний лагерь отдыха. Какой там, к черту, отдых.

Сплошные скучные мероприятия, деревенские с городскими все время дерутся, а мне это совсем не интересно. Но вторая поездка — уже лучше. Мама всегда на месяц отправляет меня к бабушке в Москву. Бабушка — папина мама. Она добрая и в Москве гораздо интересней, чем в лагере. Даже интересней, чем дома. Я даже приятелей там нашел, когда возвращаюсь домой, мы с ними по скайпу болтаем.

В общем, в этом году я сначала поехал к бабушке, а уже потом мне надо было ехать в лагерь, в Ждановичи, под Минском. Бабушка мне позволяла все. Ну, почти все. Не надо было утром рано вставать, зарядку делать не обязательно. Терпеть ее не могу. И есть можно было сколько хочешь, а не доедать обязательно все до конца. И на улице можно было гулять вечером сколько угодно, если только время от времени перезванивать бабушке по сотовому, мол, со мной все в порядке. Ну и само собой, в кино, в музеи и на всякие выставки тоже всегда можно попасть.

А самое главное, у бабушки была дома большая библиотека и много интересных книг. Бабушка говорила, что это еще мой папа библиотеку собирал. Он очень любил фантастику. Мой папа погиб при выполнении задания. Давно, так давно, что я уже начинаю забывать его лицо. То, что он погиб, мне мама сказала. Она не любила вспоминать про папу. Я как-то попросил у мамы, может, есть фотографии или, может, она расскажет, какой он был, но она почему-то рассердилась и сказала, что папа был военным, мало бывал дома, а потом погиб. И чем он занимался, мама не знала. А фотографии она выбросила. У нас квартира в Минске маленькая, и нельзя ее загромождать всякой рухлядью. Это так дядя Саша сказал. Дядя Саша — мамин муж. Он всегда ходит в костюме с галстуком, по утрам делает зарядку и ходит в тренажерный зал. Мой отчим хороший человек, он дарит мне всегда новый пенал к первому сентября и развивающую игру на день рождения.

А у бабушки в шкафу хранились пухлые альбомы с фотографиями. Она мне показывала много папиных карточек, когда он был еще мальчиком. И говорила, что он на самом деле был разведчиком и его очень уважали на работе. Только просила никому об этом не рассказывать. А я еще тогда подумал: если папа был разведчиком, так, наверное, в тылу врага работал, и его, наверное, там тоже уважали.

А однажды, когда мы с бабушкой играли в компьютерную игру, в дверь позвонили — пришел какой-то военный. Бабушка ахнула, обняла его, они ушли в другую комнату и долго

очень тихо там говорили. Потом военный ушел, а бабушка плакала на кухне. Оказывается, она его знала и сказала, что это с папиной работы. Когда бабушка пришла с кухни, я заметил, как она спрятала в секретере какую-то бумажку.

Я ничего не спрашивал, потому что видел, что бабушке не хочется говорить об этом. Но на следующий день, когда она ушла в магазин, я открыл секретер и нашел эту бумажку. Я чувствовал, что это что-то про отца. А вдруг он не погиб или, может, еще что. Это была какая-то серьезная бумага с печатью и подписью. То, что там было написано, я почти наизусть помню. «Дорогая Галина Петровна, Правительство Российской Федерации уполномочено заявить, что ваш сын, Вадим Малахов (Тираторе), в свете открывшихся фактов полностью реабилитирован как на государственном, так и на международном уровне. С него сняты все обвинения, восстановлено звание и государственные награды. С глубоким сожалением вынуждены Вас информировать, что В. Малахов пропал без вести в две тысячи тринадцатом году при исполнении служебного задания в районе Чернобыльской Зоны. Как ближайшему родственнику В. Малахова Вам назначается персональная пенсия. Награды и форма В. Малахова будут храниться в закрытом музее Центра Аномальных Явлений».

Там было еще что-то не важное, и я не запомнил.

Я очень расстроился. Оказывается, мой отец был жив, а мама не хотела мне говорить. Я не стал бабушку ни о чем спрашивать, ведь она не разрешала мне лазить в секретер. И еще это странное слово «тираторе». Я долго искал в интернете и не мог найти, что это значит. Я уже думал, что это, наверное, такой титул у разведчиков, ну, вроде рыцарь или еще как-нибудь. А потом записал латинскими буквами, и мне «гугль» выдал, что с итальянского это переводится как «стрелок». В общем, ничего такого особенного.

А вечером пришли к бабушке гости. Они были очень смешные. Дядя Герман что-то сделал с бабушкиным компьютером, что на нем пошли все мои игры, тетя Клава сказала, что научит меня водить машину, когда в следующий раз я приеду в Москву. И сказала еще, что это будет совсем скоро. И еще они почему-то очень радовались, что для какого-то Тимура нашли антивирус. Это они бабушке рассказывали и еще говорили о подготовке какой-то миссии. В общем, когда они уходили, сказали, что вот-вот все устроится и что мы еще в космос полетим. А я смеялся, ну кто же сейчас в космос летает?

В общем, потом бабушка, провожая меня домой в Минск, сказала, что, может быть, папа жив, просто командировка затянулась, а то, что он погиб, это было ошибкой. И дала мне с собой в самолет много денег, сказала, что это папа давно еще, когда в командировки ездил, копил на большой подарок для меня.

Мама меня встретила в аэропорту и сразу спросила, чего это я такой довольный. Но я не хотел при дяде Саше говорить и сказал, что просто рад всех их видеть. А потом, когда он был на работе, я сказал маме, что папа жив, только пропал без вести, и рассказал про деньги, которые дала бабушка. Мама сказала, чтобы я не верил всяким глупостям. А когда пересчитала деньги, то еще сказала, что деньги ей сейчас самой очень нужны, потому что она себя плохо чувствует. И пока я буду в лагере, ей и дяде Саше надо будет как следует подлечиться в санатории. Она сказала, что потом мне все отдаст или что-нибудь купит хорошее, например, осеннее пальто. Тем более что в лагере мне деньги не нужны.

Хорошо, что я ей только половину показал. А завтра она отвезла меня на вторую смену в лагерь «Юный буржуа» в Ждановичи. Много лет назад этот лагерь назывался «Юный коммунар», и даже кое-где надписи такие остались, но понятно, что в наше время нельзя называть детские лагеря так глупо.

Оказалось, что в лагерь в этом году мы опоздали. Мама не смогла поехать со мной в день заезда, а на следующий все отряды были уже сформированы. Ребята уже подружились и не хотели брать меня ни в одну команду. В общем, сначала было очень скучно, я даже в футбол не играл. Я подружился только с одним пацаном. У него была смешная фамилия Рудик, и мы с ним все время торчали в лесу за забором. В заборе одна доска болталась на гвоздике, мы ее отодвигали и выбирались в лес. Конечно, за территорию лагеря нельзя было уходить, но кто мог узнать? В общем, как-то устроилось все помаленьку.

Однажды воспетка нас предупредила, что завтра в лагерь приедет настоящий сталкер и будет рассказывать что-то интересное. Я сразу спросил, а что, разве это не вымышленный персонаж из книжек про Зону? Все вокруг засмеялись. Все смеялись, потому что я думал, что книжки про Зону — это сказки, ну, типа приключений и фантастики, а оказывается, все это правда и написано по материалам реальных событий.

В общем, все собрались в клубе слушать этого сталкера. Он вышел на сцену из боковой двери. Он был большой, с круглой блестящей головой, он, видно, ее брил и смазывал специальным маслом, чтобы блестела. На нем был бронежилет, за спиной автомат, на поясе висели громадный нож и кобура с черным пистолетом. У него были такие штаны защитного цвета, с кучей карманов, и ботинки на шнуровке прямо до колена. Он начал выступать и сказал странные слова: «Ну что, как поживаете, радиоактивное мясо?», как будто это мы из Зоны, а не он.

Но потом стало очень интересно. Сталкер рассказывал про всяких монстров и чудовищ, про то, как он один ночью переплывал большое озеро, и был шторм, и за ним гналось громадное подводное чудовище. Потом он показывал, какими приемами надо убивать кровососа. Оказывается, когда нападает кровосос, надо сделать шаг в сторону, чтобы он проскочил мимо, и схватить его сзади за щупальца. И все, тот уже никуда не убежит. А со snorkами так вообще оказалось совсем просто. Оказывается, snork, если уже прыгнул, в полете не может поменять траекторию. И поэтому надо всегда, если нападают snorkи, становиться спиной к толстому дереву. Snork как прыгнет, а ты сразу бери и отскакивай в сторону. Snork бабах головой об ствол — и готов. У них, сказал сталкер, черепашки слабые.

И еще он рассказывал, что у сталкеров всегда дружба и взаимовыручка и что сталкер погибнет, но друга в беде не оставит. И что закон у сталкеров, во-первых, никогда не пить и, самое главное, никогда не курить. Мишка Лисовский, который сидел рядом со мной, покраснел. Я знал, он в тихий час курил тайком за туалетом. В общем, сталкеру хлопали, он кланялся, и его всем лагерем хотели пойти провожать. Но сталкер сказал, что у него еще дела с начальником лагеря, и они там долго сидели в корпусе у вожатых и пели песни, даже после отбоя.

Я поздно вечером выходил в туалет и видел, как сталкер уезжал. Он почему-то уезжал на микроавтобусе, у которого сбоку была надпись «Тэатр юнага глядача г. Мінск». Наверное, он потом еще в Минске будет перед детьми выступать. Я думал, как мне повезло — не каждый день увидишь живого сталкера. Вернее, их вообще нигде не увидишь.

А наутро воспетка сказала, что дирекция лагеря объявляет конкурс на лучшую инсценировку про Зону. И что тот коллектив, который победит в конкурсе, будет награжден экскурсией в Чернобыльскую Зону, и нас не просто вокруг повезут, а даже проведут через Кордон и разрешат сделать представление перед настоящим сталкерским коллективом. И подарят настоящие артефакты. Я лично в это не сильно верил. Но пацаны вдруг стали собираться кучками и придумывать, кто интереснее про сталкера сделает постановку. Нас с Рудиком никуда не приняли, сказали, без нас обойдутся.

Ну а мы решили обойтись без них. Ведь не важно, сколько человек в спектакле, можно и вдвоем придумать такое, что все позавидуют! Сначала мы договорились сделать ножи, как у того сталкера, только деревянные. Рудик на родительском дне попросил своего папу привезти нам в понедельник два противогАЗа. Очень важно было еще сделать бронежилеты. А носки черные можно было поверх треников натянуть, и они выглядели бы точно как ботинки у того сталкера.

Ну а потом мы стали придумывать приключения. В общем, Рудик сказал, что он лучше меня придумает, а я не выдержал и проболтался. Я сказал, что лучше знаю, потому что мой отец там, в Зоне, был и пропал без вести. Что он был сталкером, и я лучше знаю. Рудик не поверил, а потом спрашивает, а какая кличка у твоего отца, если он такой знаменитый сталкер? Я возьми и опять ляпни — «Стрелок». Ну, это почему-то на Рудика подействовало, и он стал меня слушаться.

Потом оказалось, что Рудик тоже проболтался. Вечером после отбоя, когда воспитатели уже улеглись, к нам в корпус пришли три пацана из старшего отряда. Они поставили

Лисицкого на стреме, сами заперли палату стулом изнутри и заставили меня встать. Старший из них, его по имени никто не называл, все звали Кацо, говорили, это по-грузински «друг», хоть он никакой и не грузин был, сказал, что я языком много ляпаю и что нечего тут про Стрелка сказки рассказывать.

Надо было не выпендриваться и сказать, что я пошутил. А мне вдруг стало так обидно. Я ведь знал, что мой отец — герой Зоны, что он вообще самый лучший, а эти придурки все его недостойны, и нельзя вот так просто меня заставлять говорить, что мой отец — не Стрелок. Они повалили меня на кровать, и Кацо, пока остальные двое держали меня за руки, разбил мне нос. А потом сказал, чтоб каждый из палаты подошел и стукнул меня. А я так и не заплакал. Когда первый подошел ко мне, чтобы ударить, я вывернулся, схватил табуретку и заехал прямо Кацо по башке. Там такое поднялось! Прибежала воспетка, всех разогнала, потом мне кровь с носа смывала в умывальной комнате. А я знал, что теперь уже точно все сделаю, чтобы попасть в Зону. Я найду отца, ведь он же там, в Зоне! И потом посмотрим, кто врет, а кто нет.

Ну, в общем, в итоге мы поняли с Рудиком, что вдвоем нам не сделать нормальную инсценировку. После того, как я стукнул Кацо табуреткой, найти еще пару человек оказалось совершенно не трудно. И еще потому, что Рудик придумал, что если надеть черные носки до колена и вплести в них веревки, вроде шнуровки, то вообще будет похоже на берцы. На следующий день, как только мы с Рудиком прошлись по лагерю с противогазами и в берцах, все пацаны сказали, что это клево. Мы еще двоих взяли в команду, проверенных. И придумали, что у нас будет история про сталкера, который шел по Зоне и нашел много золота. А потом проболтался, и его бандиты схватили, а золото он раньше спрятал. И сказал им неправильно, где золото лежит, и потом все обратно себе забрал.

А потом был сам конкурс, я сталкером был, и когда меня должны были бандиты связывать, они все перепутали. Но никто ничего не заметил, и жюри громко смеялось. Я даже не знаю почему, ведь это же не комедия. Когда конкурс закончился, директор сказал, что победила дружба и на экскурсию возьмут всех, кто участвовал. И еще сказал, что для выступления перед временным контингентом ООН, так и сказал, я даже удивился, что это такое, надо выучить песню и сделать монтаж про героев-ооновцев. Мы учили какие-то дурацкие стихи, а потом репетировали. В общем, в следующий вторник должна была состояться поездка. Мы с Рудиком готовились как следует. Мы уже знали, что уйдем с ним в Зону. Из столовой мы прихватили немножко соли и хлеба, все равно его никто не ел. Со спичками было сложнее, но воспетка, она курила, как-то раз забыла зажигалку на веранде.

Во вторник приехали два больших желтых «Икаруса». Нам выдали в столовой каждому пакет с пайком на весь день, посадили в автобусы, и мы поехали. Оказалось, что ехать очень долго. Мы уже и засыпали, и просыпались, и петь надоело. Потом съели свои пайки. Сначала съели конфеты, печенье, а потом уже сухую вермишель из коробочек и ломтики сыра и колбасы из запаянных пакетиков, хоть есть и не хотелось.

Приехали мы к обеду. Нас сразу военные построили и повели есть. А потом там же, в столовой, был утренник. Ну, мы выступили, вот только нашу с Рудиком инсценировку показать почему-то не разрешили. И на сцену не разрешили в носках со шнурками выходить. Но все равно на концерте нам хлопали, правда, я так и не увидел ни одного сталкера, только военных.

Потом вечером, когда уже надо было уезжать, я все-таки переоделся, как хотел, взял с собой меч, мне удалось его в автобусе спрятать наверху, где полочка для вещей. Я Рудику говорю: пошли, нам же разрешили посмотреть, как там, на пропускном пункте, живут, вот и прорвемся. А он сдрейфил. Стал говорить, что ногу натер и идти не может и что отец его за противогазы, если потеряем, выпорет. И мне не дал противогаз.

Но я отказываться не собирался. Я взял меч, вышел из автобуса и пошел к КПП. Сначала быстро, а потом немножко медленно, потому что непонятно было, что делать дальше. Я думал, они или не заметят меня и я проскочу, или поймут, что мне очень надо в Зону, и пустят. Я даже придумал, что я им скажу: «Меня Стрелок ждет!» Но военные возле

КПП стояли и о чем-то своем говорили. Я уже вплотную подошел, ну, думаю, сейчас рвану. Я раз мимо них прошел, потом второй. Я даже специально шел так, чтобы было видно шнурки на носках, чтобы они поняли, что я как настоящий сталкер. А они смотрели на меня и улыбались. Вежливо так. А потом вдруг откуда ни возьмись воспетка прибежала, за руку меня схватила и отвела в автобус. Я так понял, это Рудик ей проболтался. И уехали мы обратно в лагерь. Обидно. Хорошо хоть, я никому, кроме Рудика, не сказал, что в Зону ухожу.

Глава вторая

«Кое о чем»

Где-то
Кто-то
Для кого-то
Из чего-то
Сделал что-то.
Кое-кто позвал кого-то,
Оба влезли в это что-то,
Оттолкнулись кое-чем
И поплыли кой за чем.

В. Воскобойников

2018 год

Когда я вспоминаю, как тогда, много лет назад, попытался попасть в Зону, у меня начинают от стыда гореть лицо и уши. Конечно, у меня не получилось тогда прорваться в Зону, я был маленький и ничего не знал и не умел. В общем, после той поездки я и думать забыл о Зоне. К бабушке не ездил уже два года, мама решила, что мне нельзя отвлекаться от учебы, и сказала, что такие каникулы, когда ребенок полностью бесконтролен, меня расхолаживают. Дядя Саша при этом говорил маме, что нельзя лишать мальчика свободы, но в определенных пределах. Да ладно, я все равно знал, хоть и никому не говорил, что все равно когда-нибудь вернусь в Зону.

Конечно, я не жил все эти годы одной мыслью. Так, иногда вспоминал. А потом мы переехали на новую квартиру, в самый центр города. Ну, почти в центр. Меня перевели в новую школу, с математическим уклоном. Ребята в новом классе оказались вроде нормальные. С двумя я подружился. Конечно, в основном дружил я с ребятами из дома. У нас даже команда своя получилась. Юрка Грушевский — мой ровесник и, в общем, мой лучший друг. Еще Володя, которого сразу прозвали Абочка. Он сам вообще был виноват — рассказал, что, когда был маленький, так называл автобус — «абочка». Ну и третьим был Андрюха Кузнецов — Кузя. Он хоть и младше нас был на два года, но классно играл в футбол.

Мы сразу с Юркой и Вовкой сделали телефон — протянули провода через весь двор, и у каждого был микрофон, наушник и батарейка. Когда нужно было уроками заниматься, играли в морской бой. Конечно, у любого есть сотовый и обычный телефон и интернет есть, но тут же все своими руками сделано. И говорить можно было, когда хочешь и сколько хочешь. А после Нового года на каникулах мы из елок, которые выбрасывали соседи, строили настоящий лес. Втыкали елки в снег за гаражами и представляли, что это партизанский лес. Мы делились на две команды — немцев и наших. И засады устраивали. Конечно, понарошку.

Однажды Грушевский предложил, что надо играть не в партизан, а в сталкеров. Мне почему-то не захотелось, и я ушел домой. Сказал, что маме обещал пораньше вернуться. В окно потом видел, как они там разложили костер и сидели вокруг него. После еще Кузя приходил, звал во двор, мол, классно разыгрались и сейчас еще не хватает пацанов для игры, потому что кровососов мало. Я сказал, что уроки делаю. Он посмотрел на меня удивленно, что, мол, за странный человек, который на каникулах уроками занимается. Ну, не хотелось мне в «Сталкера» играть, и все.

Конечно, я никаких уроков не делал. Я послал е-мейл бабушке, спросил, как у нее дела и почему ничего не слышно про тетю Клаву и дядю Германа. Бабушка ответила очень быстро, написала, что не всегда хорошо себя чувствует, что соскучилась по внуку, то есть по мне, и хорошо бы, чтобы я к ней приехал. И добавила, что пока идет подготовка к экспедиции в Зону, но медленно, потому что финансирование совсем урезали, и спустя столько лет надежды найти папу уже нет. Но я не поверил.

У меня давно в письменном столе валялся старый наладонник. Дядя Саша мне его подарил, когда себе купил новый. Вернее, не сразу подарил, а потом, на день рождения. КПК был совсем старый, даже экран не сенсорный, но дядя Саша хранил в отдельной коробочке все инструкции и провода к нему, и наладонник можно было даже подключить к компьютеру. У меня был свой ноутбук, его по школьной программе всем выдавали — вместо учебников и тетрадей. В общем, захотелось мне сделать одну штуку.

Я скачал карту Зоны и вогнал ее в палм. И потом сверху набил кучу разных цифр и подпись — «Только Стрелок скажет, как найти клад». И еще полез в раздел сообщений и написал туда всякого, вроде: «Сталкер Семяцкий погиб в траншее» или, к примеру, «Иди на Медузу». В общем, я играл в своего «Сталкера». В компьютерного «Сталкера» мне все равно не разрешили бы играть, потому что «игра жестокая и ничему хорошему детей не учит», а тут и дяде Саше было приятно, что я с его подарком работаю, и вообще со стороны похоже, что я и вправду уроками занят.

Я много всякого ввел в палм, словно это действительно настоящий сталкерский гаджет. И списки артефактов, и симптомы заражения «жгучим пухом», и даже нашел в справочнике, как переводить бэры в джоули на килограмм и много интересного про радиацию. И еще выкачал из интернета скриншотов из игры и положил их в наладоннике в папку «фото». Вроде как эти фотографии хозяин сделал. Потом, убедившись, что дядя Саша не видит, раскалил на газовой плите здоровый гвоздь и расковырял им в съемной крышке палма дырку — будто пуля попала. И нацарапал — «Собственность Сталкера Тибула». И надпись специально натер об ковер, чтобы старой казалась.

На следующий день мы с пацанами собрались во дворе, сначала в хоккей погоняли, потом, когда устали, уселись болтать в беседке. Кузя стал рассказывать, как вчера классно они играли в «Сталкера». В игре вообще человек десять было, и всем дали роли, а Ирка Половцева с седьмого этажа даже притащила папин туристский спасательный комплект, и ей дали за это роль радистки. Вообще я удивился, что девчонку в игру взяли, ведь это Зона. Но Ирка вроде была не такая, как другие девчонки, даже дралась наравне с нами. А спас-комплект — он классный, я в кино такой видел. Красный жилет, чтобы далеко видно было, а в нем всякие приспособления. Там даже есть такая штука — если вдруг сердце человека начинает слишком слабо биться или человек без сознания, включается радиомаячок и красная ракета в небо запускается. Или если человеку нужна помощь, то он сам может маячок включить и ракетой выстрелить.

В общем, и Груша, и Абочка тоже рассказывали, как здорово вчера играли и что я зря ушел. А я тут возьми и ляпни: «Я в „Сталкера“ никогда играть не буду, для меня Зона — это серьезно». Они стали ржать, как ненормальные, и орать, что я мутант из Зоны и радиоактивное мясо.

И тут я им сказал, что знаю самую большую тайну Зоны и летом туда пойду, чтобы найти самый большой клад Зоны. Они, конечно, еще больше начали смеяться. В общем, я обиделся и про Зону с ними больше не говорил.

Мать с дядей Сашей этим летом поехали в санаторий на три дня раньше, чем начиналась смена в лагере. Поэтому мне доверили три дня побыть дома самому, а потом поехать в лагерь. Один дома целых три дня — это большой праздник. Но я знал, на что эти дни потрачу. Я буду готовиться, а потом не поеду ни в какой лагерь, я пойду в Зону искать отца, stalkера по имени Стрелок.

Я уже ложился спать, родители звонили пару раз, спрашивали, поел ли я и убрал ли в квартире. И тут забренчал дверной звонок. Я испугался, ведь я был один, мало ли кто припрется ночью. Поэтому я выключил свет, подошел к двери и глянул в глазок. Там был Юрка Грушевский. Я впустил его, он сразу пошел на кухню.

— Можно я у тебя сегодня переночую, твои ведь уехали, да? — Юрка был какой-то напуганный, не такой наглый, как обычно.

— А что такое? — В общем, я не возражал в принципе, только как-то было не по себе. — А родители тебя не будут искать?

— Они пьяные. Они никого искать не будут. — У Юрки и вправду родители были такие, в общем, не самые благополучные, как пишут в газетах. — Я влип сильно.

— Что случилось? — Мне почему-то стало страшно.

— Ерунда. Мне Алой позвонил и говорит, давай купим новые сотовые. Я удивился, откуда у Алая деньги?

— А кто такой Алой? — остановил я Грушу.

— Да пацан есть такой, не с нашего района. Ну, ты, в общем, его не знаешь. Ну так вот, Алой говорит, что можно заработать, только ему помощь нужна. И типа, если помогу, то он и мне, и себе по новому сотику наварит. А мне деньги срочно нужны, мне сосед щенка обещал продать — почти овчарку. — Юрка рассказывал, а сам все по сторонам оглядывался, как будто его кто-то у меня дома может преследовать.

— А что надо было делать?

— Да Алой говорит, что он уже все сделал, и надо только получить деньги, но он боится кого-то. Ну, в общем, Алой будет стоять на углу, ему денег притащат, а я типа в стороне должен постоять и, если кто идти будет, пошуметь. Ну, на стреме, ты понял.

Я сразу понял, что или Юрка врет, или это его Алой. Но ничего не сказал.

— Так вот, только Алой от какого-то мужика деньги получил, вдруг полицейские откуда-то налетели, — продолжал Юрка, — и схватили и Алая, и того мужика. И я слышу — что-то кричат про продажу наркотиков. А Алой, гад, стал на меня смотреть, и за мной тоже погнались. Но я убежал нормально. Только, наверное, Алой заложил, где я живу. Я издалека смотрел, сегодня к нашему дому приезжал «бобик» с полицией. Но только мои, я знаю, уже никакие были. Можно я у тебя переночую?

— Переночевать-то можно, но только одну ночь, я завтра уезжаю. И потом ты что делать будешь? Тебе в полицию надо идти и все рассказать, все равно ведь поймают.

— Ну, завтра посмотрю. Сейчас домой пойти — предки просто прибудут. А до утра проспятся и, может, вообще не вспомнят про полицию. А ты почему завтра уезжаешь? Ты же говорил, что до лагеря три дня?

— А не разболтаешь? — строго спросил я.

— Я — могила! Ты же знаешь! — быстро поклялся Юрка.

— Я в Зону уйду.

— В какую? — Юрка ничего не понял. — В нейтральную? Или куда, что ты говоришь... А, стой! В ЗОНУ?

Я тогда пошел в комнату и достал наладонник, который спрятал в письменном столе между книжек. Я показал его Грушевскому, и схему показал и рассказал, что надо найти stalkера Стрелка. И еще про свой план, как в Зону попасть. Он не дослушал и сразу сказал:

— Я с тобой иду. Мне тут все равно делать нечего. А как клад найдем, я уеду за границу. Или еще куда. Или в наемники запишусь.

Я даже обрадовался. Вдвоем намного веселее идти.

Мы до самой ночи, наверное, даже до часу ночи обсуждали, как завтра пойдем в Зону. Я рассказал Юрке, что у меня есть деньги. И честные. На них завтра мы должны были купить надувную лодку, лучше на рынке, чтобы всякие уроды в магазине не косились, и два спас-комплекта, как у Ирки Половцевой. Мы изучили кучу карт из интернета и решили, что в Зону проще всего прорваться с севера на лодке по Припяти.

Заснули мы поздно, может, в час ночи, а может, и в два. Утром я проснулся первым и сразу же сложил все, что уже приготовил, в рюкзак. Потом приготовил завтрак, мама оставила мне в морозилке блинчики с мясом. Их надо было достать из холодильника и разогреть на сковородке. Их было ровно на три дня на одного человека, но я приготовил на двоих, потому что сегодня уходим.

Юрку я долго расталкивал, он все говорил: «Сейчас-сейчас». Но в конце концов встал и сразу пошел на кухню и съел все блинчики. Я себе отдельно подогрел. Потом мы пошли на базар, до него недалеко было на метро. В секции спортивных товаров у нас просто глаза разбежались! Там было столько всего.

Сначала мы нашли и купили жилеты. Юрка сразу свой напялил, словно он прямо тут, на городском рынке, куда-то пропасть может. Жилет был великоват, но мы нашли по бокам специальные ремешки, чтобы подтягивать жилет по фигуре. И еще пришлось Грушевскому купить рюкзак. И получилось, что у него был новый, крутой, а я со старым должен был идти. Я сразу не сообразил сказать Юрке, что, мол, куплю себе новый, а ему — тот, что у меня дома уже собран. А потом, когда попробовал себе лучший взять, так Юрка уже не отдал.

Еще мы купили палатку, спальники, пенки... А лодку вообще было сложно выбрать. Я понимал, что нам не нужна суперпрочная лодка, нам только в Зону попасть, а дальше мы уже пешком пойдем. В итоге мы нашли такую. Она, правда, хоть и двухместная была, но тяжелючая. Мы ее еле тащили. Продавец уговаривал нас купить еще насос, говорил — мы ее без насоса не надуем. Но Юрка сказал, что он в насосах хорошо разбирается и выберет самый лучший в другом магазинчике.

А когда мы, нагруженные, как ишаки, уже уходили с рынка, встретили Бэрика. Это мой одноклассник, Толик Боровик, только его иначе, чем Бэрик, никто не звал. Он был хулиган и двоечник, но не злой в общем-то. Бэрик как увидел рюкзак и лодку, которую мы волокли, так и пристал, что да куда. Я сначала просто отнекивался, типа, на рыбалку пойдем или на озере покатаемся, но он словно пиявка прицепился. А тут еще Груша раз, и ляпнул — а мы в Зону идем. Бэрик сказал, что через два часа он нас на вокзале ждать будет с вещами. Он даже не просил разрешения с нами пойти, а просто сообщил, и все.

Глава третья

Два старика шли по городу,
Поздоровались друг с другом за бороду.

Олег Григорьев

Мы спокойно доехали на электричке до Наровли, никто даже не обратил на нас внимания, подумаешь, туристы с рюкзаками. Правда, Бэрик очень помог, чтобы нас приняли за туристов. Он пришел на вокзал с удочками. Он вообще родителям сказал, что едет с друзьями на рыбалку с ночевкой. Но вот эти самые удочки и придали нам мирный и естественный вид. Ну, едут пацаны на рыбалку, кому они мешают?

Сама Наровля — город маленький, тихий. На платформе, разогретой летним солнцем, было пустынно и пыльно. Пахло хлоркой из маленькой уборной возле станции. Мы пошли через сонный городок к реке, по заросшим травой тротуарам мимо одноэтажных кирпичных домиков. Лодка была, конечно, тяжелая, но вдвоем мы ее все-таки дотащили. Потом долго надували, насос Грушевский купил совершенно неподходящий. По карте до Зоны было километров пятьдесят. И плыть мы должны будем по течению, так что особенно и грести не

нужно. План у нас сложился простой. Мы днем подплываем к самой границе Зоны и потом наваливаем на лодку всяких веток, маскируем ее. А ночью, тоже замаскированные ветками, цепляемся за борта и тихонечко плывем в Зону. Охрана наверняка подумает, что это какой-то речной мусор. Самое главное — на воде нет ни минных полей, ни колючей проволоки. А пройдем границу — только и ищи нас.

Но все вышло по-другому. Оказалось, что проплыть пятьдесят километров по реке не так-то просто. Во-первых, грести все-таки пришлось, иначе плыли мы совсем медленно. Я никогда не думал, что течение в Припяти такое вялое и лодку будет все время сносить к берегу. Бэрик — он захотел грести первым — сразу натер мозоли на руках. Грушевский сказал, что он нес лодку дольше всех, так что грести в итоге пришлось мне. Когда до Зоны оставалось уже километра четыре, Бэрик вдруг завил, что он не может терпеть и ему срочно надо сойти на берег. А то, что я тоже натер руки почти до крови, никого не интересовало. Юрка тоже его поддержал и сказал, что надо делать привал, потому что есть хочется, и вообще нельзя так сразу раз — и в Зону. Надо постепенно входить в атмосферу Зоны. И Толик поддакнул, что в атмосферу Зоны так сразу — нельзя. Откуда они все знают про атмосферу Зоны, а я нет?

Мы выбрали песчаный пляж на правом берегу Припяти и пристали. Бэрик тут же чесанул в кусты, все-таки не зря я ему говорил не лопать эти вонючие пирожки, которые он купил у тетки в электричке. Грушевский сказал, что займется костром, а я должен разбить палатку. Я не спросил, почему он раскомандовался, не хотел сразу начинать выяснять отношения, и молча стал собирать палатку, тем более что она была новая и ставилась легко. Я когда-то читал старую книжку «Пособие туриста», там так сложно палатки собирались. А эта — современная, надо просто несколько палочек пластиковых вставить друг в друга и натянуть на них палатку. Как конструктор. Я быстро закончил, забросил внутрь наши рюкзаки, а Грушевский все дул на какие-то веточки. От веточек иногда, когда Юрка переставал дуть, поднимался слабый белый дымок. Но огня не было. Юрка увидел, что я уже справился, и сказал, чтобы мы с Бэриком собрали дрова для костра.

— А что ты тут делал все это время? — не выдержал я такой наглости. — Каждый свое дело делает. Я палатку, ты костер.

— Ага, а Толик твой золотой будет только кусты минировать? — ничуть не смутился Грушевский.

— Ну, так и скажи ему, чтобы он собирал! — Мне совсем не хотелось сейчас раздавать команды Толику.

— Ты его привел, ты ему и говори! И вообще не мешайте мне, я огонь развожу. — Грушевский отвернулся и стал опять дуть в свои дымные щепки.

Тут как раз появился Боровик и говорит:

— Надо собрать дров, пока этот раздувает. — И пошел в глубь леса. А я за ним.

Добыть дрова было несложно. Вокруг того места, где мы устроили привал, валялось много сосновых веток, достаточно толстых, так что мы с Бэриком натягали сразу целую кучу. Бэрик ловко обломал мелкие ветки и, молча отодвинув Грушевского, сделал из них пирамидку и сразу поджег ее. Грушевский и не сопротивлялся, когда его от костра отлучили, ему, наверное, надоело дуть. Тонкие ветки с иголками моментально занялись, и вверх поднялись языки огня. Мы с Юркой стали подкидывать ветки потолще, и в конце концов костер получился на славу.

Грушевский пошел к палатке, где я сложил наши рюкзаки, и вернулся с большой банкой тушенки и котелком. Котелок был все время пристегнут к его вещмешку.

— Надо сварить суп, — сообщил Юрка. — И палки такие возле костра поставить, чтобы котелок можно было повесить. А я пока открою тушенку.

Опять он командовал. Но вообще, может, не командовал? Он же не говорил: «Готовьте еду, а я посплю». В общем, Бэрик ничего не сказал, и мы пошли вдвоем искать эти палки. Оказалось, что найти подходящие подпорки не так легко. Все сосновые обломки были кривыми и сухими. Я попробовал сломать тонкое деревцо, но ничего не получилось. Ножик я взял маленький, Бэрик вообще ничего не взял, он же просто так с нами пошел, с удочками.

В общем, мы решили, что лучше на берегу найти больших камней и сделать очаг. Это Толик сказал — очаг. Я почему-то думал, что очаг — это вроде особой печки в доме.

На берегу у самой воды нам удалось добыть именно такие камни — на них как раз мог стать котелок. Мы их еле дотащили. А возле костра сидел Грушевский и облизывал палец. Он сказал, что консервный ключ, который был у него в ноже, поломался, и Юрка даже порезался. А в моем ноже ключа не было. В общем, решили сварить суп из пакетиков, мы их много набрали, они легкие. Камни уложили вокруг огня и котелок поставили, сбегав за водой к реке. Нормально стало получаться. Только есть уже сильно хотелось. Пока мы возились, начало смеркаться. Постепенно, не сразу, но если сидеть возле костра, то лес уже выглядел совсем черным. А вода все не закипала, только чуть-чуть шел от нее пар. А от этого хотелось есть еще больше.

— Это кто тут на нашем месте сидит? — вдруг раздался голос.

Спросили так неожиданно, что я даже вздрогнул.

Прямо из темноты леса к костру вышли три пацана. Сразу было видно, что они местные. Выговор у них был сельский, и одевались немножко по-другому, не так, как в городе. У них у всех были длинные спортивные штаны, кроссовки одинаковые и рубашки с закатанными рукавами. Во-вторых, так просто по лесу в темноте могут ходить только местные.

— А где написано, что место куплено? — спросил Грушевский и вскочил. Он так проголодался, что уже был готов драться.

— У тебя на лбу сейчас и напишем. Вы что, городские, небось из Минска? — ответил один из местных, который был повыше.

— Ну, попробуй! Напиши-напиши! — Юрка был хоть и ростом с меня, но сильнее, я помню, мы с ним когда-то боролись не серьезно. — Тоже мне Пелевин выискался.

Пелевин почему-то смутил местного, и он замолчал. Грушевский и долговязый стояли друг напротив друга, и мы с Толиком встали по обе стороны от Юрки. Два остальных чужака тоже построились стенкой.

— Эй, Минск, что вылупился? Мы тут таких фраеров много видали. Приходят и природу нам портят. — Сельский отступил на шаг, важно достал сигарету и закурил, выпустив дым прямо в лицо Грушевскому. — Я щас свистну, и наших толпа прибежит. Мы городских ой как не любим!

— А самому слабо? — насмешливо спросил Бэрик. — Попробуй тронь, ну!

— И трону! — Старший сделал шаг вперед, так что почти уткнулся носом в нос Грушевского.

— Ну, тронь! — не сдрейфил Юрка.

— И трону! — не отступал местный. — Ща как вмажу, мало не покажется.

— Ну, вмажь!

— Ото мне делать нечего — с городскими соплями разбираться.

— Сам сопля, утрись!

— Сам утрись!

Надо сказать, что два других местных пацана наблюдали, не двигаясь и не произнося ни звука. И тут раздалось шипение. Вода в костре закипела, и котелок, который начал дрожать на камнях, перевернулся и залил костер. Все уставились на облако пара.

— Пацаны, а у вас есть, чем консервы открыть? — спросил я неожиданно для себя. — У нас нож поломался.

— Ну, есть, — ответил один из местных, не тот, который с Юркой ругался, другой, белобрысый и пониже ростом. — А что?

— Ну что? Суп сварим, пожрем. Всем хватит. — Я понял, что драться уже никто не будет.

— Давай открою. — Долговязый сказал это уже спокойно и отступил от Грушевского.

Юрка тоже расслабился, подобрал с земли банку с тушенкой и протянул ее гостю.

— Меня Юрка зовут, — сказал Грушевский.

— Я Юзик, — ответил местный.

— Витек, Лесь, — представились двое других.

Они смешно протянули руки для пожатия.

Мы обычно никогда не жали руки, когда знакомились, а эти церемонно так, важно. И ладони у них были сухие, твердые. Я еще подумал, что, наверное, пацаны в селе работают с малых лет. С граблями, лопатами и вилами. И потому у них такие руки твердые.

Юзик положил банку на землю и достал из кармана складной нож. Он был некрасивый, потертый, с одним лезвием. Но лезвие было громадное, наверное, это была финка. Мальчишка вогнал его в крышку и спокойно вскрыл банку, разрезая жест по кругу. Конечно, и мы так могли открыть, только кто ж знал, что жест такая мягкая.

— Не надо переводить мясо на суп, — сказал белобрысый Витек, видя, что я собрался вывалить содержимое в воду, которая оставалась в котелке. — Тушенку на хлеб намазать надо, а суп можно и из ваших пакетиков сварить.

А мы и вправду уже приготовили пакетики, они лежали возле костра. Юзик посмотрел на очаг, хмыкнул и пошел в лес. Через несколько минут он вернулся с тремя палками. Он просто срубил три тонких деревца. Конечно, нож у него был здоровенный. Потом, когда уже повесили котелок нормально, мы развели огонь посильнее и через несколько минут вода — мы ее долили — закипела.

А тушенка, намазанная на хлеб, оказалась необыкновенно вкусная! И суп нормально пошел, правда, пришлось пользоваться одной ложкой, оказывается, только я взял. А потом местные вырезали из веточек что-то вроде вилок, и мы жарили на костре сало. Они сами спросили, есть ли у нас сало. У нас было немножко. Потом, когда уже совсем темно было, мы пошли купаться. Вода была такая теплая, что я даже не ожидал.

Местные оказались нормальными ребятами. Мы еще долго сидели у костра, анекдоты травили. А потом Лесь спросил, чего мы вообще тут делаем? Как туристы будем по лесу ходить и по реке плавать или просто так на вылазку порыбачить приехали? А Бэрик взял и брякнул, видимо, для важности:

— Мы в Зону идем.

На какое-то время над костром повисла тишина. Только нервно потрескивали сосновые ветки в огне.

— Жить надоело? — первым прервал паузу Юзик. — Вам жить надоело?

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, — сказал Бэрик.

Я никогда не пил шампанского. Вернее, попробовал один раз, когда гости были у мамы, — ничего особенного, кислятина. Непонятно, зачем ради него рисковать?

— Смелые вы больно, как я погляжу. — Юзик заговорил как взрослый или как учитель. — Зачем в Зону лезть? Опасно там, и все равно уже ничего не найти. Лучше вон — сразу под поезд. Тоже сдохнешь, но зато быстро.

За лесом, как назло, послышался шум проезжающей электрички.

— А ты откуда знаешь, что ничего не найти? — сердито спросил Грушевский.

— А мой крестный в Зону ходил, — ответил Юзик. — Он такого потом рассказывал. Тока хромой вернулся, весь седой и ни фига не заработал. Сам потом говорил, что лучше бы в Португалию поехал на стройку, чем в Зону лезть.

— А что рассказывал? — спросил я. Я же на самом деле ничего не знал о настоящей, не книжной Зоне.

— Да всякое. Он мужик крутой, он кровососа голыми руками завалил. — Голос Юзика стал таким, каким пацаны рассказывают всякие боевые истории. Я подумал, что он врет, но не стал с ним спорить.

— А почему ничего не нашел?

— Так как же найдешь? Там или карта нужна, или сталкерам башляй, а потом барыгам сдавай все, что нашел. Барыги — они всегда обмануть норовят. А еще всякие бандиты и военные... Ерунда там. Без карты нельзя, так что давайте лучше вы тут отдыхайте. Мы придем еще. Можно рыбу половить. — Юзик ткнул рукой в направлении Припяти. — Если сом из Зоны поднимется — такое можно поймать, что о-го-го!

— А у нас есть карта, так что мы обойдемся без сталкеров и всяких барыг! — снова ляпнул Бэрик.

Ну, кто его за язык тянул! Если бы я знал, что Бэрик такое трепло, я бы никогда его не взял с собой.

— И в Зону вы вообще не пройдете! У вас ни пропуска, ни денег нет! — подскочил Лесь.

— А мы и так сможем! — Тут уже у Грушевского развязался язык.

Ну почему они такие, раз — и все секреты выкладывают? Ладно, если бы спрашивали, а то для того только, чтобы покрасоваться.

— Нет у вас никакой карты, — уверенно сказал Юзик. — Небось купили в городе у какого-нибудь жулика. В городе все такие.

— Андрюха, покажи ему! — Юрка обернулся ко мне и протянул руку. — Покажи им палм. Пусть посмотрят!

Делать было нечего, не покажи я им наладонник, нас точно бы потом врунами назвали.

— Только в моих руках, — сказал я, не доверяя пока еще этим пацанам.

Я залез в палатку и вытащил из рюкзака КПК.

— Вот смотрите. — Я вернулся к костру и, полазив по меню, нашел ту самую схему. — Вот карта. И написано, что надо сталкера одного найти, чтобы точно расшифровать координаты. Они тут зашифрованы.

— Таки без сталкера никуда, — буркнул Витек. — Какая разница, барыги, сталкеры?

— Ну, так мы же не будем его просить нас по Зоне водить. А все, что там найдем, поделим по-честному, — сказал я. Правда, голос чуть подвел, но они не заметили.

— А если не найдем или если ничего в том кладе не будет? — Юзик не унимался.

— А тебе-то что? Это наша забота, — ответил Грушевский.

— А мы с вами пойдем, — неожиданно сообщил Юзик.

Опять все замолчали. Мы — потому, что не знали, хорошо это или плохо, а наши новые друзья, видимо, и сами не ожидали, что Юзик такое брякнет.

— Так вы же не знаете, как мы хотели в Зону войти, — нашелся я. — И потом, с чего вы решили, что мы вас с собой возьмем?

— Ну, так рассказывайте, как входить будете. — Витек подбросил в костер несколько сосновых веток, подождал, пока разгорится, и добавил: — И как вы будете по Зоне идти, если даже суп сварить не можете и ножа у вас нет?

Глава четвертая

Вышел бы Егор во двор,
Только трусит —
У дверей сидит Трезор,
Вдруг укусит?
И Трезор вошел бы в дом,
Только видит,
У окна сидит Егор,
Вдруг обидит?

Борис Заходер

Лягушки квакали громко и сердито. Казалось, они были очень недовольны тем, что мы плывем посреди реки, как бесформенная куча палок и веток. Река пахла необыкновенно. Запах осоки, пестрых водорослей, тины смешивался и висел над водой, словно дурман. И вода вокруг лодки журчала тихо-тихо, разбиваясь о свисающие ветки, словно говорила: «хлюп — хлюп — хлюп, плывем — плывем — плывем».

Мы послушались местных ребят и стартовали в четыре утра. Птицы еще не проснулись, спала речка, спал лес, а над водой нависал легкий туман. Мы двигались по течению Припяти совершенно беззвучно, чуть подгребая руками, чтобы нас не прибило к берегу. Выяснилось, что Юзик уже бывал раньше у самой границы Зоны. Ему поручили скомандовать, когда нам нужно нырнуть и дышать только через трубочки из бузины, которые мы вырезали заранее. И хотя мы все ждали команды, все равно она раздалась неожиданно. Я набрал воздуха в легкие, взял в рот трубку и опустился под воду. Хорошо, что мы прорепетировали до того, как отплыть. Потому что дышать было трудно, под водой было страшно, казалось, что мы вообще перестали двигаться. Я держался уже из последних сил, но внезапно почувствовал под ногами ил, словно река обмелела. Потом вообще стал цеплять по дну коленями, уже не мог держать голову под водой и встал.

Светало. Юзик стоял на берегу реки и ржал как ненормальный. Он сказал, что уже давно пригнал лодку к берегу и смотрел, как мы на четвереньках изображаем из себя водолазов. И друзья его тоже ржали. Он их предупредил, что мы уже приплыли, они выбрались из воды и от души повеселились над городскими.

Было раннее утро, сороки, летящие по своим делам над низинкой, разгоняли туман мелкими вихрями. Потом белая мгла постепенно растаяла, и ее рваные клочья вместе с сыростью унес легкий ветерок. Мы были в Зоне. Я так подумал — мы уже в Зоне. У меня zakралось одно очень большое сомнение, и я сразу спросил Юзика:

— А как же так, что тут лето? Ведь везде пишут, что в Зоне всегда осень. А тут вдруг лето. Ты уверен, что мы прошли Кордон?

— А кто тебе сказал, что за Кордоном уже Зона? — с издевкой спросил Юзик. — Мы только Кордон прошли, вон видишь, видно колючку. — Он показал пальцем куда-то назад, вверх по течению, но я ничего там не увидел. А Бэрик с Грушевским закивали, мол, видят.

— Крестный говорил, как стену тумана пройдем, тут тебе и Зона, — добавил Юзик. — Так что надо нормально топтать дальше, пока не дойдем до той стены.

— Так нет никакой стены! — озабоченно сказал Витек.

— Надо идти, а стена будет. — Юзик уже всю строил из себя опытного сталкера.

— А кто сказал, что будет? Может, крестный твой все наврал, а сам с мужиками в соседней деревне... — начал осаждать его Грушевский.

— Еще слово про моего крестного скажешь — будешь сопли кровавые жевать, понятно? — злобно сказал Юзик.

— Ладно, ребята, чего вы, в самом деле. Идти надо дальше, вернее, мы же еще можем спокойно плыть на лодке, — остановил я их стычку.

— Так лодка двухместная, — недовольно буркнул Бэрик.

— Так то на двоих взрослых рассчитано. Читай, на борту написано — 300 кг, — успокоил я его. — Разместимся как-нибудь.

В общем, пока мы болтали, уже и плавки высохли. Мы оделись и кое-как уместились в лодке, разбросав все маскировочные ветки. Было, конечно, тесно, зато Витек и Лесь взяли весла и стали грести, у них это ловко получалось, и мы понеслись по реке вниз. Назло дурацким лягушкам. Плыли недолго, минут двадцать. И вдруг нас словно в молоко опустили. Вот она, туманная стена. Мы проскочили ее почти за секунду и вышли по ту сторону, это уже точно была Зона. Но никакой осени. Светило солнце, и было тепло.

— Ну, что, на берег? Пора привал делать? — предложил Юзик.

— Да на фиг привал, — зашумел Бэрик. — Надо плыть, пока до людей не доберемся. Нам же не привалы приваливать, а Стрелка найти надо побыстрее.

Конечно, Толику понравилось плыть в лодке, когда другие гребут. Сиди себе, по сторонам глазей. Но тут прямо перед лодкой вода стала такой гладкой, словно ее кто-то крутанул. Лодку сильно толкнуло, и на секунду громадный хвост, наверно, рыбы или кого-то другого, показался над водой и громко хлопнул по поверхности. Поднялся столб брызг, нас всех окатило, и Лесь с Витьком загребли к берегу, словно за нами гналась торпеда. Они так разогнались, что лодка даже выскочила на полкорпуса на берег. Мы выскочили на песок,

Юрка не забыл потащить за носовой конец лодку. И только потом мы посмотрели туда, где только что вынырнуло чудовище. Вода была гладкая, ни кругов, ни ряби ней не было.

— Ну, что, сдрейфили? Сомы не видели? — неожиданно спросил Юзик.

— А ты сам первый сдрейфил, — отозвался Грушевский.

— Я не дрейфил, все побежали, ну и я побежал, — ответил Юзик и стал вытаскивать из лодки вещи, вроде как показывая, что разговор окончен.

Деревенские, не советуясь с нами, стали разбивать палатку и разводить костер, словно они тут были хозяева. Самый маленький из них, Лесь, начал рыться в наших рюкзаках, он искал продукты.

— Ты бы хоть разрешения спросил! — возмутился Бэрик.

— В походе все общее, — ничуть не смутился Лесь. — А вы соль взяли хоть?

Хорошо все-таки, что я взял, а то бы они опять стали над нами смеяться. Правда, Лесь повертел в руках пластиковую коробку с йодированной солью «Экстра» и поморщился.

— А мы тут долго торчать будем? — спросил меня Грушевский.

— Пожрать надо! — за меня ответил Лесь, который услышал Грушу. — Нельзя с пустым брюхом в поход идти.

— Ну, перекусили бы на ходу, а зачем сразу стоянку делать? — Юрка явно спешил в Зону.

— Без жидкого и горячего пусть городские ходят, — пробурчал Витек. — Щас сварим кашу, поедим и пойдем.

— Откуда у нас каша? — спросил я.

— А это что? — Лесь показал пачку макарон. — Вот ее и сварим.

— Это макароны, — объяснил я, вдруг у них такого не бывает.

— Ну, из них что, не каша? — Лесь искренне удивился.

— Ну ладно, каша так каша. — Я подумал, что, наверное, у сельских свои названия для макарон.

В общем, через несколько минут вода уже кипела, Лесь бросил туда макароны, зачем-то мелко поломав их, и посыпал приправой, которую нашел у меня в рюкзаке. Над берегом поплыл вкусный запах. Тут, наверное, уже все поняли, что очень хочется есть.

В ивовых кустах, подступавших к берегу совсем близко, раздался шорох, потом раздвинулись ветки, и показалась собачья морда. Я сразу понял, что эта собака — слепая. У нее на морде вообще глаз не было. Собака поводила носом и осторожно вышла на открытое пространство. Она была худая, шерсть на боках висела клочьями, и в ней торчали репья. Я оторвал кусочек хлеба и кинул псине, видно же было, что она голодная. Собака поймала кусок на лету, даром что слепая.

— Ты чего гадость эту кормишь? — вдруг зло спросил Юзик.

— Ну, хоть и слепая, все ж собака, жалко ее, — ответил за меня Юрка.

— Собак надо душить, и слепых, и зрячих, — сказал Витек. — И тем более кошек.

Видно было, что сельские жутко испугались собаки. Они напряглись и даже есть перестали. И подобрались так, словно готовились убежать или драться. А псина хотела еще, она робко, все время нюхая воздух, подошла ближе и ткнулась мне в руку своим мокрым носом. Воняло от нее несусветно. Я дал еще кусочек, и псина завиляла хвостом. Я почесал ее за ухом, а она села рядом, видимо, ждала еще подачку. Хлеб у меня кончился. Пес подождал и понял, что от меня больше ничего не получит, подошел к Юзику и ткнул его носом. Но тут Юзик подскочил как сумасшедший, подхватил палку с земли и с размаху ударил пса. Тот взвыл, отскочил, но, видимо, удар был не очень сильный, и собака скуля села неподалеку.

Тогда Юзик и его приятели подбежали к собаке и стали ее бить. Юзик и Витек палками, а Лесь ногами в кроссовках. Собака сначала огрызалась, потом выла, потом стала, словно резиновая игрушка отзывать всхлипыванием на каждый удар. А потом замолчала. Мы сидели и ничего не могли с собой сделать. Нам было страшно. А пацаны эти потом взяли собаку за ноги и, подтащив к берегу, бросили в реку. Она, видимо, еще живая была, стала в

воде барахтаться, и тут страшная пасть вынырнула из воды и схватила собаку за бок. Собака исчезла под водой, и только красное пятно осталось на поверхности.

— Если ты еще будешь всякую мерзоту прикармливать, пойдем без тебя, ясно? — Юзик говорил зло и при этом тяжело дышал, он запыхался.

— А зачем ты собаку убил? — совсем тихо спросил Юрка.

— Это не собака, а выродок черныбыльский, он бы в глотку тебе через пять минут вцепился, — вмешался Витек. — Давайте дожирайте, идти пора.

Мне есть уже совсем не хотелось. Немножко тошнило.

Я встал, выплеснул еду из тарелки и пошел сполоснуть ее к реке. Потом подумал и вернулся. Просто вытер травой и запаковал в рюкзак.

— А это что за ерунда? — Лесь увидел, как я, перепаковываясь, достал спас-жилет.

— Это спасательный комплект. Человек надевает его на себя, а он подаст сигнал, если вдруг что-то не так, введет лекарство, чтобы стимулировать сердце, и будет координаты выдавать, — объяснил я. — И еще можно активировать его самому, пустить ракету сигнальную, чтоб спасатели видели, где искать.

Хотя мне не хотелось объяснять, хотелось послать его подальше.

— А почему у нас такого нет? — Лесь поднялся и взял в руки комплект.

— А у нас у самих только два таких. Мы вдвоем с Юркой идти собирались.

— Вот и будет вам один и нам один, — подошел Юзик и забрал у Лесья оранжевый жилет.

— Отдай! — Мне не нравилось, что они командовать начали.

— Ладно, не надо, опять устроим тут разборки. — Юрка полез в свой рюкзак и достал жилет. — Пусть так и будет: нам один, возьми, и им один.

Я забрал у Юрки его жилет, демонстративно надел его и стал разбирать палатку.

Глава пятая

«Рыбья дразнилка»

Эй, сом!
Эй, сом!
Ше-вель-ни
Хвос-том!
А я тебя
Не боюсь!
Дай подергаю за ус!
Ты — ленивый,
Ты — проворный,
Ты — серебряный,
Ты — черный.
И не хлопай пастью зря,
Не поймаешь пескаря!

И. Гамазкова

Мы пошли вдоль воды по узкому песчаному пляжу, который отделял реку от лесной опушки. Из леса доносился острый запах хвои, который смешивался с запахами, идущими от реки, — влажными и чуть отдающими подгнившими водорослями. Похоже было, что здесь давно никто не ходил. Не было видно ни следов людей, ни мусора, который всегда остается в тех местах, где появляется человек. Лодку тащили по воде на веревке, плыть на ней так и не решились. И еще удалось договориться с сельскими, что они будут нести один из рюкзаков, а то спас-комплект забрали, а провизию тащить не хотят.

Мы старались идти только по краю реки, казалось, что всякие аномалии и артефакты тут лучше видно. Конечно, в книжках все описано, но ведь на самом деле их никто ни разу не видел. Вот что такое «жгучий пух», первым узнал Грушевский, хорошо, хоть только чуть по ноге попало. Он заорал как сумасшедший и стал чесать ногу. Ожог ему намазали кремом из аптечки и замотали бинтом, но он все равно ковылял последним и все время поскуливал.

Мы тащились очень долго, наверное, два часа, и пришли к такому месту, где деревья подступили прямо к реке, песчаный пляж кончился, и вправо уходила тропинка прямо через лес.

— Все, хватит, — заявил Юзик. — Так можно и ноги протянуть. Нужно ставить лагерь для ночевки. Рыбу ловить будем.

— Вот я вспоминаю того сома, который возле нас плавал, и думаю — кто кого ловить будет? — спросил Юрка.

— Не ссы, городской, — нагло ответил Юзик. — Пока ты на берегу, все, что в воде, — нас боится! Зря эти удочки дурацкие тащили, что ли?

— Ничего они не дурацкие! Нормальные, — немного растерянно ответил Бэрик.

Я подумал, что и вправду скоро надо обед делать, после обеда точно сил никаких не будет идти. А с другой стороны, если наловить рыбу, то консервы дольше сохранятся, и вообще — это же интересно!

— Давайте, привал делаем! — сказал я, все-таки изображая старшего.

На травке на самом срезе пляжа мы побросали вещи, палатку ставить пока не стали. А Толик занялся своими удочками. Сельские подошли к нему поближе и стали глазеть. Ну, я думаю, Юзик зря удочки Боровика дурацкими назвал. Я сколько знаю Толика, он все время про рыбалку и про всякие хитрые снасти рассказывал. Не знаю, ловил ли он когда-нибудь рыбу, но рассказывать об этом любил.

Бэрик дал Юзику удочку с телескопическим удилищем, а себе взял спиннинг. Я не знал, что это спиннинг, думал, в чехле — вторая удочка. А Толик достал короткое удилище, потом из рюкзака вынул специальный чехол, в котором была катушка. Вся сверкающая, с ручками, рамками и надписями не по-русски. И еще у Бэрика была целая коллекция блесен.

— Червей накопать надо, — с умным видом заявил Юзик. — Так, пацаны! Быстренько.

Ну, он это говорил своим приятелям, понятно, что ни я, ни Юрка не стали бы ему копать червей. Мы с Грушей решили заняться костром. Я попросил у Юзика его нож, чтобы вырубить стойки для котелка. Юзик так ехидно усмехнулся, но нож дал. Очень скоро мы вернулись с дровами. Юзик с приятелями ковырял землю в поисках червей.

— Ну, что тут за места! — завидев нас, заорал Юзик. — Ни мотыля, ни червей дождевых нету.

— А мне и не надо, — отозвался довольный Бэрик. Он все еще ладил свой спиннинг.

— Дай нож. — Юзик протянул мне руку. — Надо поглубже копнуть.

Он забрал свой нож и, подойдя к самой кромке пляжа, загнал лезвие по рукоятку и стал им ковырять.

— Комары есть, значит, и мотыль должен быть, — говорил он, вгрызаясь в мокрый песок.

Мы с Юркой переглянулись и начали складывать шалашиком дрова и укладывать в середине тонкие веточки. Я уже знал, что так костер загорится быстрее.

— О, нашел! — заорал довольный Юзик и выкинул наверх комок слипшегося песка.

Нам стало интересно, что он там нашел, и мы подошли поближе. Комок был весь в маленьких дырочках, словно яблоко, поеденное червями. Юзик раздавил комок, и мы увидели, что он полон красных, блестящих, будто лакированные, червячков. Я знал, что это мотыль. Читал.

— Какой крупный, мы сейчас таких лещей наловим! — обрадовался Юзик. И вдруг заорал: — Ай, кыш!

Он подскочил и затряс ножом. Он тряс его, потом попытался очистить лезвие рукой, но только заорал от боли. Бросил лезвие и стал что-то выковыривать из ладони.

— Что такое? — Все подбежали к Юзику.

— Мотыль, зараза, бешеный какой-то! — чуть не плача сказал Юзик. — Вот смотрите, я хотел с ножа согнать, а он как грызанул!

Юзик протянул руку с растопыренными пальцами. На ладони была маленькая ранка, которая почти не кровоточила.

— Хорошо, что я эту сволочь выдрал. А то он мог влезть под кожу и прямо в сердце пролезть. У нас в деревне так было! — Юзик немного успокоился.

— А вдруг он там яйца отложил? — спросил Юрка и украдкой глянул на меня. Ясно было, что он решил над Юзиком поиздеваться.

— Как отложил? — всполошился тот.

— Ну как — раз, и отложил споры. Они будут у тебя в организме созреть, а потом как вылупятся, начнут тебя есть изнутри. И ты не почувствуешь, потому что они впрыскивают такой яд, что человек не ощущает боли. И съедят тебя, а ты и не заметишь. А потом однажды утром ты прогнешься, а у тебя по животу бугорки бегают, как будто кто-то изнутри вылезти хочет. Это самый опасный момент. Если его прозевать, то ты лопнешь, и полетит зеленая жижа, и уже не личинки, а здоровые особи. И они кинутся других заражать. Это уже не твоя личная беда, это будет проблема всей Земли.

— Ты это откуда знаешь? — спросил бледный Юзик.

— А ты что, не знаешь? — с нескрываемым удивлением спросил Бэрик, включившийся в шутку.

— Так что надо руку рубить, пока не поздно! — мрачно сказал Груша. — У нас есть топор, ребята?

— Нету! — заорал Юзик.

— Тогда твоим ножом придется пилить. Но это гораздо больней. — Юрка с совершенно угрюмой миной подобрал валяющийся на песке нож. — О! А червячки-то из него хорошую пилу сделали.

И вправду: лезвие ножа было словно обработано напильником — вместо острой кромки торчали мелкие зубья, как во рту у ерша.

— Это кстати, — продолжил серьезно Толик. — Очень удобно кость перепиливать. Ну, что, Юзик, снимай штаны!

— А штаны зачем? — Юзик был просто раздавлен.

— А если обделаешься во время операции, в чем дальше пойдешь? Постирать не сможешь, вернее, постирать, может, и получится, но выкручивать одной рукой неудобно. Мы же тебе не сразу туда крючок приделаем.

— Как-ка-кой крючок? — Юзик даже начал заикаться.

— Рыболовный! — Тут мы не выдержали и заржали.

— Что, смешно? — Юзик, кажется, не понял, что мы шутили. — Мне с крючком всю жизнь ходить, а вам смешно? Идиоты!

— Да успокойся, никто тебе руку резать не будет!

— Почему? — Юзик удивился.

— Да ладно, йода достаточно, — пожалел его Бэрик.

— А если начнутся бугорки на животе? — Живописание заражения личинками все-таки Юзика сильно потрясло.

— Да ладно, шутка это была!

— Но у меня же яйца?

— Какие «яйцы»? — передразнил его Юрка.

— В руке! — Юзик чуть не взвизгнул.

— Надо их йодом залить, и все пройдет. — Это уже я сказал. Понятно, что с этим парнем шутить не стоило.

В общем, мы ему накапали йода на ранку и вручили испорченный нож.

— А как же рыбалка? — Юзик уже успокоился и только время от времени дул на поцарапанную ладонь.

— На, возьми. — Бэрик кинул ему красненький тюбик.

— Это что такое?

— Искусственный мотыль. Я никогда не пользовался, но говорят, помогает.

Юзик скривил недовольную мину, но взял удочку и пошел от нас вдоль речки вверх по течению, видимо, там было какое-то удобное для рыбалки место.

— Ладно, я тут уже час с вами спиннинг сушу, закину-ка я блесну, — важно сказал Толик и подошел к воде.

У Толика был очень серьезный вид. От того, что он был такой серьезный, сразу закинуть блесну не удалось. Он, видимо, не нажал какую-то кнопчку, и после его замаха блесна как болталась на удилище, так и осталась болтаться, никуда не полетела.

— Чего уставились? — закричал на нас Толик, чтобы мы не заметили его смущения. — Костер разводите.

Ну и правда, не надо смотреть, а то не будет получаться. Мы с Грушей пошли разводить огонь, а деревенские уже давно рядом с Юзиком сидели.

Мы возились с огнем, но я исподтишка наблюдал за Бэриком. Видно, у него не было опыта забрасывать блесну, но с пятого раза все-таки получилось. Наверное, за Толиком не только я следил, но и рыба тоже. Не успела блесна упасть в воду метрах в десяти от берега, как оттуда выпрыгнула громадная, именно громадная, рыбина и проглотила блесну.

— А-а-а-а! — от восторга заорал Толик под треск катушки, которая разматывалась с бешеной скоростью.

Он стал притормаживать леску. Поддерживать вверх удилище, которое согнулось, как тростинка. На шум прибежал Юзик с приятелями. Он в руке держал палочку с нанизанными мелкими рыбешками, которых успел наловить, пока Толик возился с блесной.

— Выводи, вывод! — стал сразу подсказывать Витек, он первым добежал. — Это точно сом!

— А сомы прыгают? — спросил Юрка.

— Теперь да, — не отрывая глаз от спиннинга, ответил Витек. — Не дергай, не дергай!

— Пацаны, ищите дубину, его оглушить надо! — не выдержал Лесь.

— Его сначала вытащить надо!

— Пацаны, помогите, — просипел Толик. — Оно сейчас спиннинг вырвет у ме...

Мы рванулись ближе к Толику, Юзик с Бэриком вдвоем вцепились в рукоятку спиннинга. Лесь метнулся к дровам, которые мы собрали для костра, и выбрал палку помассивнее. Он подошел к самой реке и стал с дрыном наизготовку. А тем временем Толик и Юзик постепенно накручивали леску на катушку. Вернее, катушку крутил Толик, а спиннинг они держали вместе.

Постепенно на поверхности воды стали появляться волны от рыбины, ее подтягивали все ближе и ближе к берегу. Вот уже показались спинные плавники. Когда рыба, а и вправду она была громадная, уже била хвостом на мелководье, Лесь кинулся к ней с дубиной, шлепая кроссовками по воде. Он замахнулся и хотел огреть ее по башке. Но, наверное, рыба все поняла, извернулась и вцепилась зубами в дубину. Рыбина легко мотнула головой, и Лесь остался без оружия. Но он не хотел оставлять поле битвы, ухитрился схватить рыбу за хвост и пыхтя потащил ее на берег.

Через мгновение рыбина, громадная, как акула, лежала на песке. Она мотала головой, разевая пасть, и время от времени норовила укусить кого-нибудь из нас или ударить хвостом. Юзик, желая ее подразнить, показал ей палочку с болтающимися на ней рыбешками. Мол, смотри, гадина, и тебя на палочку насадим. Зря он так. Рыба метнулась и, вырвав из рук Юзика его добычу, проглотила рыбешек вместе с палочкой. Юзик обиделся, выхватил нож и вогнал его рыбине прямо туда, где голова растет из туловища. Рыба внезапно заорала, как тигр, и сдохла. Никогда не думал, что рыбы могут орать.

— Ну все, капец гадине, — удовлетворенно сказал Юрка, все еще тяжело дыша. — Я пошел костер разводить, а вы ее разделайте. Знатную уху замутим!

— Да зачем уху! Я вообще предлагаю ее на вертеле зажарить, — сказал Толик. — Как быка. Вкуснее, чем крупная рыба на вертеле, блюда не бывает.

— А уха полезнее, — не соглашался Юрка.

— А что нам мешает сделать и то, и то? Мяса у нее на полк солдат хватит! — Лесь нашел решение, удовлетворившее всех.

Рыбину, конечно, надо было разделывать не на песке. Ее, тяжелую, как мешок с цементом, перетащили на траву. Разделывать сразу вызвались Витек с Лесем, ну а я взял котелок и пошел за водой.

Потрошить рыбу оказалось делом морочливым. Во-первых, у нее была не чешуя, а шкура, прочная, как кожа на куртках. Еле вспороли брюхо, всяких кишок было там чуть ли не ведро! А вот в желудке нашли столько всего, что можно было потом статью в газету «Мир природы» написать. Кроме рыбешек, которые продолбал Юзик, в утробе рыбы нашли:

автомобильный номер 23–14 КИА,
теннисную ракетку «Данлоп» со струнами,
человеческий череп с золотыми зубами,
пять тюбиков с клеем ПВА,
ботинок, скорее всего туристический,
будильник «Заря», он еще тикал,
моток колючей проволоки.

Я думаю, от этой проволоки рыба сильно мучилась и все время хотела есть. Вот и выпрыгнула за блесной.

Обед у нас получился просто великолепный. И уха тоже, хотя я бы скорее это назвал рыбным бульоном. Лесь просто кинул несколько кусков в котел с водой и сварил. А потом, после ухи, мы насадили большие ломти рыбы на палку и стали жарить над костром, время от времени поворачивая.

После обеда мы повалялись на теплой травке, болтая о всякой ерунде. Но внезапно Юрка поднялся и сказал:

— Ребя, мы тут на ночь устроимся, а вдруг вечером что-нибудь вроде такой рыбы на берег выйдет?

— Точно, надо найти нормальное место для ночевки. — Юзик вскочил как ошпаренный. — Мне рыбка вообще по фиг, а вот если здесь такой мотыль, то какие тогда комары? Надо уходить!

Ну, я тоже возражать не стал. Еще было полно времени до сумерек. Мы быстро собрались, залили костер и пошли дальше.

Глава шестая

Вот и лето к нам пришло,
И на улице тепло.
Если хочешь погулять,
Поиграть в песочке,
Надеваем трусики,
Платье и носочки,
Сандалики, панаму,
Берем за руку маму.

Валентина Клементьева

Мы пошли по тропинке, но совсем скоро, как только встретилась большая поляна, остановились. Во-первых, устали, во-вторых, непонятно было, куда идти дальше. Тропинка могла завести куда угодно, нам надо было посоветоваться. Поэтому без всяких споров решили сделать привал, отдохнуть и, может, даже подремать.

На этот раз я сам, по своей инициативе, поставил палатку, а Юзику и его друзьям сказал, чтобы они занимались костром. Бэрик и Грушевский тоже сами вызвались идти за дровами и через минуту натащили целую гору сосновых веток. Костер нам нужен был на

всю ночь, и поэтому приготовили приличный запас. Юзик метнулся к речке за водой, а Лесь опять был главным поваром. После сытного обеда есть не очень хотелось, и мы сделали только чай и хлеб со сгущенкой. Витек побродил вокруг поляны и вернулся с пучочком какой-то травы с мелкими сиреневыми цветочками.

— О! — засмеялся Толик. — Витек букетик собрал!

— Сам ты букетик, — обиделся тот. — Это чабрец. Его в чай добавляют. Пахнет хорошо и вообще лечебный.

Чай с чабрецом нам понравился, несмотря на пряный и немного горьковатый вкус. Пока его пили, мы поболтали о том о сем и решили, что на сегодня хватит. Надо привыкнуть к Зоне, проникнуться ее атмосферой, как в книжках пишут.

В общем, немного усталые, мы уселись на траву вокруг костра. Сначала анекдоты рассказывали, потом решили играть в корову. Это игра, когда одному загадывают показать какое-нибудь слово, а остальные должны отгадать, что это. На две команды разбились, ну, понятно как, и стали играть. Очень смешно было, когда Витек изображал свинью. Очень было похоже. Мы так смеялись, что даже животы стали болеть. Насмеялись и побегать захотелось. Поэтому решили поиграть в футбол. У нас была только одна консервная банка, мы ее загнули, чтобы не порезаться, и стали гонять. Неудобно на траве, но весело. Трое на трое играли.

И тут к нам на поляну вышел пацан. Он был странный. Совсем голый, грязный, невысокий, и рот у него был такой, как бывает, когда болезнь «заячья губа». Замурзанный мальчишка топтался на краю поляны, словно стеснялся. Ну, я ему и говорю:

— Давай с нами в футбол, на воротах постоишь? — А нам как раз вратарь нужен был.

Пацан стоит, переминается с ноги на ногу и ворчит что-то несусразное.

— Ты что, не понимаешь? Или немой? Чего надо? — Юзик зло так его спросил.

А тот глянул на Юзика тоже недобро и давай бурчать громче. Я понял, что он, наверное, не совсем нормальный. Ну, не то чтобы сумасшедший или умственно отсталый, а может, просто говорить не умеет. Но ведь и ему интересно поиграть. Наверное, из дому сбежал, заблудился и по Зоне шатается. Только мне неприятно было, что он совсем голый. Я полез в рюкзак и нашел свои трусы запасные. И дал пацану. Он протянул руку, взял и пялится на них. Я ему показываю: «Мол, надень, а то стоишь как ангел, писюном светишь».

Он смотрел-смотрел на трусы. Потом, видимо, сообразил и стал напяливать. Смешно так. Сел на траву и записал две ноги в одну дырку. Ну, все ржут, а он злиться начинает. В общем, тут Бэрик и говорит:

— Ну, что вы, уроды, над человеком издеваетесь? — И помог ему.

Пацану очень понравились трусы. Он встал и стал смотреть — и так и сяк. А потом голову, как сова, назад повернул и стал заглядывать, как у него сзади на попе. Да уж, повеселил опять всех. Бэрик ему стал объяснять, как на воротах стоять. Ясно уже было, что мальчишка не совсем нормальный, но добрый.

Бэрик воткнул две палки и стал между ними. Я ему ногой банку бросил, Бэрик поймал. Ну, показываем этому пацану, как мячи брать. А тот понял. Стал на место Бэрика и даже позу принял, как Толик, вратарскую. Ноги расставил, руки растопырил, присел и качается туда-сюда. Умора, как он быстро сообразил. А тут Юзик, он в стороне стоял, разбежался и со всей дури как шарахнет ногой по банке. Он, наверное, хотел под шумок гол закатать. Хотя мне показалось, что он хотел этому пацану банкой в башку засандалить. Но банка полетела как-то криво и высоко. А мальчишка вдруг как прыгнет. Прямо как обезьяна. И поймал банку.

Мы еще поиграли немного, пока не убегались. Ни одного гола забить тому пацану не смогли. А он как поймает банку, начинает верещать, так смешно.

Потом мы опять сидели у костра. Снова чай варили. А малец этот, видать, еще боялся и сел чуть в стороне. Бэрик ему кружку с чаем дал и сахара кусок, осторожно так, он понимал, что пацан неловкий. Мы нарочно взяли рафинад, чтобы не рассыпался. Мальчишка кружку не взял, только сахар, и долго вертел кусочек в руке, как будто впервые видел. Непонятно, из какой совсем дикой глуши он сбежал. А потом Юрка показал ему — мол, вот, кусать надо.

Пацан попробовал и сразу схрумал весь кусок и еще руку протянул. Ну, мы еще один ему дали, не жалко.

— А зовут тебя как? — спросил Юзик. Он впервые вообще обратился к пацану.

Тот не понял вопроса, помычал что-то.

— Я — Юзик, — ткнул Юзик себе в грудь пальцем. — Вот Лесь, ЛЕСЬ! Вот Андрюха. Вот Бэрик. А ты, папуас дикий, по-человечески не понимаешь!

Юзик говорил громко, видимо, думая, что дикий мальчишка так поймет лучше. А он и вправду понял. Ткнул в себя пальцем и прогудел «Ыду». Так и стали его звать Ыду.

Ыду, слопав сахар, решил, что и чай такой же, и схватил кружку. А чай был еще горячий. Ыду глотнул и заорал так, что стало страшно, словно ему язык прищемили. Ну, мы кинулись его жалеть. Не все, конечно. Юзик все еще смотрел на Ыду как на какого-то вонючего зверька. Ыду успокоился, только когда еще сахара дали. Он уже понял, что сахар можно не кусать, и сидел, сосал его.

И тут словно ниоткуда на поляне появилось два страшных существа. Они были вроде людей, но на морде вместо рта у них висели и шевелились щупальца, как осьминожки. Я сразу понял, это кровососы. И что нам всем пришел конец. Они, видно, в стелс-режиме, как пишут, на поляну пробрались, наблюдали за нами и сейчас всех сожрут. А кровососы сразу подошли к Ыду и стали его гладить по голове. И что-то начали бормотать. Страшно так. Ыду совсем их не боялся. Он терся об одного из кровососов головой и тихо ворчал. Я понял, что этого пацана, наверно, кровососы усыновили. Или, может, у них такие дети. И еще я понял наконец, что в Зоне все по-другому. И еще подумал, что интересно, как человек устроен. Сколько я думал ночами про Зону, как здесь страшно и как я буду пробиваться через аномалии и мутантов... А на самом деле все оказалось не так. Как-то по-обыденному.

Кровососы погундели, погундели, потом взяли Ыду за руку и пошли в лес. На нас они никакого внимания не обращали. А Ыду уперся ногами и уходить не захотел. Только что-то гудел и словно хныкал. Тогда кровососы отпустили его и сели на краю поляны. Видимо, они боялись, что мы его обидим. Пока кровососы с Ыду разбирались, мы стояли как вкопанные. Но потом, когда стало ясно, что ничего нам не грозит, мы слегка успокоились.

Уже в общем-то начало смеркаться, и спать захотелось страшно. Юзик со своими приятелями сказал, что надо строить шалаш, в палатке тесно, все не уместятся. Лесь с Витьком пошли ломать еловые ветки, а Ыду с ними увязался. Родители его сидели и спокойно смотрели. Ну, я так думаю, что они спокойно смотрели. По крайней мере не гудели и никого из нас еще не съели. Ыду оказался очень сильный, он рвал ветки, словно это была трава. Сельские ловко построили шалаш и постелили на земле ветки, сначала еловые, а сверху наломали березовых, чтобы не кололось. И попросили у нас еще подстилку. Темнело быстро, мы все пошли спать. Ыду полез в шалаш, хотя Юзик явно был недоволен, но присутствие родителей-кровососов на него действовало так, что приходилось быть добрым.

Я заснул почти сразу, даже не думал о двух кровососах, все еще сидящих на дальнем краю поляны. Но, наверное, часа через два я вдруг проснулся. Сквозь приоткрытый полог платки было видно костер. Он уже почти погас, только светился. У огня сидели два кровососа и что-то ели. Они тоже, видно, проголодались. Я сначала подумал, что они наши запасы едят, но потом увидел, что они обгладывали какие-то громадные кости. Ясно, свою еду притащили. Кровососы лопали, причмокивая, время от времени нагревая мясо на костях над костром. Это они что-то вроде шашлыка так делали.

Потом кровососы просто сидели молча, словно на огонь смотрели. Потом один из них взял свое щупальце на морде и пальцами оттянул, как резинку. И стал другой рукой его теревить. Щупальце завибрировало и загудело, как басовая струна. Потом громче и громче. Второй кровосос тоже стал брэнчать на щупальце. Но у него щупальце звучало чуть выше. У них получилось что-то вроде мелодии. Она была такая унылая и протяжная, что казалось, и поляну, и лес вокруг, и речку, блестящую в лунном свете, залила беспросветная тоска. И я понял, как же им тут грустно в Зоне. Кровососы играли и как будто вспоминали о другой жизни, которая была давным-давно, много лет назад. Я слушал, пока не заснул.

Утром я еле разлепил глаза. Все лицо опухло. Конечно, комары кусались так, что спать было почти невозможно. Каждые пять минут я в полусне хлопал себя по лицу и чесался. На ребят посмотреть, так у них было еще хуже. А Ыду — тому хоть бы что, он раньше всех встал и теперь стоял посреди поляны и как обычно переминался с ноги на ногу. Родителей его не было видно, наверное, пошли по делам. А вот возле костра лежала страшная вещь. Человеческий скелет. Весь обглоданный, с ошметками мяса. Я раньше думал, что, если такое увижу, так, наверное, от страха и отвращения сразу умру, а оказалось, что просто немного противно. А рядом с костями валялся ворох одежды, в основном рваный камуфляж. И еще — автомат Калашникова. Я смотрел на это все и даже не знал, что делать, а тут Юзик подошел и поднял автомат.

— Это мой будет. В Зоне без «калаша» нельзя, — заявил он и передернул затвор.

Только я понял, что в магазине было пусто. Я знаю, что, если автомат заряжен и передернуть затвор, должен патрон выскочить. Мне так говорил Рудик, давно, еще в лагере.

— Это кровососы ночью слопали человека, — сказал я Юзику невпопад.

— Ну и слопали, подумаешь, — ответил он так, словно каждую ночь видел, как едят людей. — Видать, нашли где-то жмурика и обглодали. Видишь, мясо уже старое на костях.

И тут меня вырвало. Внезапно так накатило — и все.

Пока я в себя приходил, Юзик каким-то образом заставил Ыду выбросить кости и тряпки в реку. Я уже нормально себя чувствовал и даже попил чая. Потом мы стали обсуждать, как пойдем дальше. Понятно, что нам надо встретиться с местными, и не кровососами, а сталкерами. Но впереди был только лес до самой станции, до Саркофага. Все равно идти еще далеко...

Конечно, чтобы идти, надо точно определиться — куда. Хорошо, что кроме карты в наладоннике, я все-таки скачал и распечатал карту Зоны из интернета. Все было просто. Здесь, на самом севере Зоны, вряд ли мы найдем кого-то из сталкеров, нужно искать освоенные места, там, где всякие группировки сидят, где бары, в которых сталкеры вспоминают о своих подвигах в Зоне. А здесь делать нам было нечего. Поэтому мы и решили идти дальше на юг.

Тропинка шла через лес, так и казалось, что сейчас из зарослей выйдет серый волк или еще какая-нибудь сказочная тварь. Сначала лес казался просто заросшим, но постепенно он становился все гуще и гуще. Ветки деревьев переплелись над головами, и сквозь сетку веток пробивался дневной свет. Солнечных лучиков не было видно. Но все равно шли мы легко, тропинка была протоптана надежно и не исчезала в наползающей из чаши желтой опавшей хвое.

Еще через несколько минут я понял, что если захочу свернуть с тропинки, то не смогу. Деревья стояли уже сплошной стеной, сплетая ветки лучше любого забора. Беззаботный Ыду бегал туда-сюда и время от времени отталкивался ногами от стволов, совершая головокружительные прыжки. Становилось все темнее и темнее. Слабый свет не мог себе пробить дорогу через кроны и на тропинку не попадал. Деревья росли уже так близко друг от друга, что для веток не хватало между ними пространства. Это было похоже на частокол. Скоро нам пришлось достать фонарики. Иначе было просто страшно.

А по обоим краям тропинки уже были не стволы, а сплошная коричневая стена. Кроны, словно пытаясь нас раздавить, опускались все ниже и ниже. Сама тропинка стала уже, время от времени на нее заползали узловатые корни. А потом и эти корни стали сплошными, в конце концов слившись в твердое покрытие, словно паркет, сложенный из круглых бревен. Мы шли притихшие, боясь произнести хоть слово.

А потом тропинка начала вести себя странно. Она вместо того, чтобы проходить между деревьями — правда, сейчас это был уже ровный забор без единого просвета, — начала смещаться влево и через десять-пятнадцать шагов уже шла по боковой стене тоннеля. И мы тоже, двигаясь по тропинке, шли так, что кроны оказались не сверху, а сбоку. Как будто притяжение Земли здесь работало по-другому. И сплошной ковер из листьев легко освещался фонариками, он был в метре от нас. Лесная тропинка превратилась в сказочный, непостижимый тоннель, где только наши фонарики позволяли хоть как-то разглядеть дорогу.

Еще один разворот тропинки — и мы уже идем по кронам. Таким же твердым и плотным, как стволы и корни. Но только зеленым. Когда у меня на секунду забарахлил и погас фонарик, я увидел, что зелень под ногами чуть светится, словно солнечный свет все еще пытается сквозь нее пробиться.

— Ребята, а где мы? — наконец хоть один из нас осмелился заговорить. Это был Юзик.

— Где, где... — буркнул не менее встревоженный Юрка. — У дракона в гнезде! Откуда я знаю?

— А я у тебя и не спрашиваю, — огрызнулся Юзик. — Ребята, пошли назад, да?

— Куда назад? — Я сбросил рюкзак на дорогу, чтобы чуть отдохнуть.

— Ну вас, дураки. — Юзик повернулся и сделал шаг в обратном направлении. И немедленно полетел кувырком вверх, туда, где раньше была тропинка, а сейчас потолок тоннеля.

— А-а-а-а! — заорал Юзик, сильно ударившись задом об твердую поверхность тропы. И снова заорал, глядя на нас снизу. Ну а для него — сверху. — Пацаны, а где мы?!

— Мы тут! — закричал ему Юрка, которого полет Юзика почему-то рассмешил. — А вот ты решил повернуть, и где ты теперь? Сам пойдешь?

— Нет, я с вами, — переполошился Юзик.

Он попытался подпрыгнуть, но ничего не вышло.

— Ну, иди с нами только по потолку. Будешь первым человеком-мухой в Зоне! — Несмотря на сложную и непонятную ситуацию, нам было смешно.

Мы двинулись дальше, и Юзик заорал:

— Стойте! — И попытался идти за нами. И немедленно свалился прямо нам под ноги.

— Вот видишь, — назидательно, словно директор школы, сообщил Юрка. — Надо идти со всеми вместе, и тебя не будет кидать с пола на потолок.

— До хрена знаешь, — буркнул Юзик и зашагал вперед.

Мы шли по зеленой тропе, пока вдаль не замаячило светящееся пятно. Оказалось, что тоннель сворачивает направо, и там из дыры в зелени пробиваются яркие солнечные лучи. Мы осторожно подошли к этому отверстию, заглянули в дырку, и мне чуть не стало дурно. Мы были на безумной высоте над землей. Под нами до горизонта простирался песчаный морской берег, пальмы склонялись к самой воде. Из далеких гор к морю несла свои воды река. Вода в реке была такая же прозрачная, как и морская, а в море резвились дельфины. Изумрудные склоны гор прорезали террасы и нитки виноградников. Мимо очень близко пролетела райская птица с громадным переливающимся хвостом.

— Где мы? — сдавленно прошептал Толик.

— Спроси что-нибудь полегче, — сказал я.

— Пацаны, а я никогда не видел моря, — сказал Лесь.

— И я, и я, — отозвались Юзик и Витек.

— Я думаю, что это не море, а океан, — сказал Юрка. — Это какая-то экзотическая страна.

— Вот бы парашют... — с тоской протянул Юзик.

— Вот бы — вот бы — с раздражением ответил Толик. — Мы тут пока, и непонятно куда идем.

— А ведь говорят, что если с самолета прыгнуть в море ногами вперед, то ничего не будет.

— Не будет. Сразу ногами вперед и пойдешь, — ответил Лесь. — Пацаны, а вдруг мы сюда и придем. Надо дальше идти, эта дорога и ведет, наверное, к этим местам.

— Не знаю, не знаю... — я ответил, пытаюсь хоть как-то понять, что происходит.

— Я куплю парашют и сюда вернусь, — убежденно сказал Юзик.

— А пока пошли дальше — сказал я и поднялся с колен. — Не упадите.

Я обошел отверстие боком, слегка опасаясь этого окна в иной мир. За мной прошли точно так же остальные и Толик, крепко держа за руку Ыду. А тот все норовил свалиться в светлое никуда.

Чем дальше мы шли, тем мягче и мягче становилась под нами тропинка. Мягче и светлее. Зеленая масса, еще совсем недавно плотная и твердая, начинала все больше походить на листву. На сплошном зеленом фоне проступали прожилки, как у листьев, и еле заметный узор тонких веток. Кончилось все это тем, что подо мной, а я шел первым, тропинка прорвалась, и я загремел вниз. И оказался на земле рядом с колючим кустом дикого шиповника. Вслед за мной из этого куста один за другим выбрались мои товарищи. Мы, дико озираясь и щурясь от яркого света, сидели на обычной лесной дороге, которая спокойно вилась среди редкого леса.

Глава седьмая

«Гном»

Гном носатый, краснорожий,
Гном горбатый и хромой,
На будильник мой похожий,
Круглый, маленький и злой.

Олег Григорьев

Светило жаркое солнце, погода была прекрасная, но воздух был такой душный и густой, словно влажность высокая. И еще казалось, что небо опустилось ниже. Время от времени порывами налетал легкий холодный ветерок. И даже показалось, что стало намного темнее, чем было только что.

Белой лентой небо разрезала молния. И сразу же по ушам ударил гром. Такой сильный, что у меня даже дрогнули колени. Ыду вообще заплакал и сел в траву. Будто из дымовой шашки, небо застилала черная туча, страшная и необъяснимая тем, что появилась так неожиданно. И воздух наполнился запахом грозы, я знаю — это называется озон. Стало понятно, что через секунду начнется такой дождь, что даже если мы успеем развернуть палатку, нас это уже не спасет.

— Туда, — заорал Бэрик, показывая на темные кусты слева.

Не знаю, как Толик рассмотрел, что прямо за кустами был вход в подземелье. Видимо, какие-то старые военные склады. Судя по книгам, они здесь на каждом шагу попадаются. Этот выглядел как арка, вроде входа в метро, только меньше, а на земле валялась давно сорванная помятая металлическая дверь.

Вокруг люка было накинато много всякого мусора, словно там, под землей, кто-то жил, а потом выбрасывал наружу все, что не нужно. Да и запах шел оттуда такой — затхлый, но жилой. Мы, даже не задумываясь, нырнули в люк, и правильно. Сразу, как только мы спрятались, на землю рухнул ливень. Даже сюда, в подземелье, долетали брызги, и стоял такой шум, как будто кто-то жарил на сковородке мясо. Мы постояли немного, глядя, как там снаружи лупит дождь. Время от времени сверкали молнии, так что даже освещало внутренность подземелья. В этих бледных вспышках удалось рассмотреть, что темный коридор уходит все дальше в глубину.

Груша вытащил фонарик и сказал:

— Давайте дальше пройдем, вдруг тут склад с оружием или еще с чем? В книгах про Зону пишут, что тут все время попадают тайные склады.

— Или бюреры. — Я тоже книжки читал, и очень не хотелось углубляться в мрачный коридор.

Зря я, конечно, так сказал. Юрка посветил фонариком вдоль стен, и в глубине подземелья сверкнуло несколько пар красных глаз. Через пару мгновений уже можно было увидеть, как из темной галереи подземелья к нам направлялась небольшая толпа гномов или карликов. Я не знаю, чем они отличаются. Но я был уверен, что это бюреры. Они были точно

такими, как их описывали в книгах. Невысокие, квадратные, в длинных мятых плащах до пола. Из-под плащей виднелись широкие лапы, а ручки болтались ниже колен. И еще я понимал, что нам всем пришел конец. Сейчас бюеры возьмут и стукнут нас об стену телекинезом.

Бюеры подошли к нам, все так же по-дурачки переваливаясь с ноги на ногу, их уже стало хорошо видно и без фонарика. Но нам-то было не до смеха. Они пока ничего не делали плохого, только ворчали, как злые коты. Один из карликов подошел к Ыду, тот был еще зареванный после того, как испугался грома, и... встал на цыпочки и погладил его по голове. А Ыду загудел радостно в ответ. Потом тот же бюер подошел почему-то ко мне. Он посмотрел на меня своими маленькими жгучими глазками, они такие страшные были. И вдруг у меня прямо в голове раздался голос «пошли». Вернее, он и не раздался. А словно кто-то беззвучно сказал, а я понял. Бюер взял за руку Ыду, и они скрылись в темноте подземелья.

— Пошли, они нас зовут с собой, — тихо сказал я.

— Убьют ведь? — Юзик смотрел на бюеров с застывшим ужасом на лице.

— Не пойдем — точно убьют. — Не знаю почему, но мне так показалось. Тем более что два других бюера явно ждали, чтобы мы пошли за первым, который Ыду повел.

Мы включили фонарики и осторожно, стараясь не налететь на какой-нибудь камень, пошли в темноту. Сзади наше шествие замыкали бюеры, не давая нам отставать. Чем дальше мы продвигались в глубь подземелья, тем сильнее воняло. Как будто тут была адская смесь привокзального бесплатного туалета где-нибудь в Наровле с помойкой.

— Ну и вонь, — словно услышав мои слова, буркнул Юрка.

А у меня в голове возник вопрос, опять же не как звук, а как чужая мысль — «вонь, непонятно». Я уже догадался, что это так бюер со мной разговаривает. Это был именно тот бюер, который шел впереди. Он специально оглянулся и посмотрел на меня.

— Ну, запах неприятный, — тихо ответил я.

— Скажешь тоже, неприятный! — хмыкнул Юрка. — Вонница такая, что глаза выедает! «Запах, вонница, непонятно», — опять прозвучали у меня в голове слова бюера.

— Ну, это, ну... — Я не мог просто так думать и не говорить, ясно ведь, что бюер не слышит меня, а понимает мысли. — Воздух просто разный бывает, словно у него цвет разный, а видим мы его носом.

Тут уже Юзик не выдержал и спросил:

— С кем ты все время шепчешься? По мобиле, что ли?

— Нет, я с бюером говорю, не мешай, — ответил я, потому что и вправду разговаривать с Юркой или с Юзиком и одновременно с бюером было очень трудно.

«Не понимаю, воздух, научи», — не отставал от меня бюер.

— Ну как я научу?

Но тут, видимо, мы как раз пришли туда, куда надо было. Тоннель резко расширился, и мы оказались в громадной пещере. Высоко вверх тянулись оплывшие стены, как у тех замков, которые я делал в детстве на пляже, капая из ладошек мокрым песком. На полу кое-где торчали большие башни, похожие на окаменевшие грибы, твердые и блестящие. Удивительно, но я видел все это очень хорошо, хоть мой фонарик почти сдох, а в самой пещере не было ни лампочек, ни факелов. Словно я стал видеть в темноте.

«Я научил видеть, научи запах», — объяснил бюер, почувствовав мое удивление.

— Ну, как я могу научить. Я же еще сам в школе учусь, — только и нашелся я, что ответить.

Бюер отпустил Ыду, который сразу потопал в глубь помещения, а карлик порылся в складках своего ужасного жеваного плаща и протянул мне два комка какой-то грязи. Совершенно непонятно, что это было. Может, еда бюеров, но по виду — сушеные какашки.

«Какой запах?» — спросил бюер.

Я понял, что он хочет, и понюхал по очереди один комок, а потом другой. Разницы не было никакой, воняло так же ужасно, как и все кругом.

— Оно одинаково пахнет, — сказал я.

«Нет разницы, нет запаха», — произнес бюрер.

— О, сейчас, — придумал я.

Я достал из рюкзака земляничное мыло. Потом понюхал его и тот комок, что дал бюрер. Разница была сильная.

«Понимаю, это не нужное», — пролетело в голове.

И сразу же вонь пропала. «Не будет запаха, пока». Значит, бюрер просто отключил у меня обоняние. Я и мыло не смог разнюхать. С остальными ребятами, похоже, случилось то же самое.

«Здесь быть до утра, наверху опасно», — сказал бюрер, скользнул куда-то в щель между камнями и пропал. За ним быстро и беззвучно втянулись остальные бюреры.

Пацаны все это время стояли как вкопанные. У них так же, как и у меня, и зрение поменялось, и нюх пропал. И, наверное, они не слышали, скорее не понимали, о чем я с бюрером говорил.

— Он сказал, что надо тут ночевать, потому что снаружи сегодня опасно, — пересказал я ребятам слова или, вернее, мысли бюрера.

— А они не сожрут нас, когда заснем? — засомневался Витек.

Вообще ребята Юзика все время выглядели очень напуганными.

— Захотели бы — давно бы уже сожрали, — поддержал меня Грушевский. — Давайте, кстати, ужин готовить или что там у нас сейчас по распорядку. Интересно, тут костер можно развести?

— А мы что, у этих уродов спрашивать будем? — вдруг расхрабрился Юзик. — Сейчас найдем, чего поджечь, и разведем.

Юзик бесцеремонно залез в мой рюкзак и вытащил зажигалку. Хотя пока было совершенно нечего поджигать, он стал ею клацать. Первый раз полетели только искры, второй раз показалось пламя, но тут словно невидимый великан взял Юзика за шиворот, приподнял и несильно стукнул пару раз о стенку.

— Не вздумай, видишь, им не нравится. — Я подал руку Юзику, чтобы он встал. Он поднялся сам и злобно глянул в ответ. Уже не в первый раз он на меня так зыркает.

— Так что, всухомятку жрать будем? — протянул Лесь.

— Ну, придется. Есть же еще консервы. И вода есть. — Я никаких проблем не видел в том, чтобы съесть тушенку. Она и без огня вкусная.

В общем, мы сели прямо на землю, открыли тушенку и съели. И простой водой запили. А что было делать? Раз не нравится бюрерам огонь, надо соблюдать правила. Мы расстелили как подстилку палатку и пенки, не спать же на голой земле, и уже собрались ложиться, но тут вернулся Ыду. Он радостно гудел и стал тянуть Бэрика за рукав куда-то в глубину пещеры. Ну, нам тоже было интересно, что он там нашел, и мы с Грушей пошли за ними.

Ыду провел нас через весь зал, и через узкую галерею мы попали в следующий. Там повсюду кучками сидели бюреры, казалось, они все чем-то заняты — копошились на полу, разбирая свои тряпки, перекладывая какие-то мелкие предметы. Мне было непонятно, чем они занимаются. В конце зала начиналась еще одна галерея, и Ыду повел нас туда. Галерея привела в новую пещеру. Там все было по-другому. Бюреры сидели кругом, а посреди этого круга прямо в воздухе висел большой прозрачный куб из светящихся граней. Он состоял из одинаковых кубиков поменьше. В этих кубиках висели шахматные фигуры, они тоже светились.

Это были не простые шахматы. Я такие как-то в компьютерной игре видел. Это были трехмерные шахматы. То есть фигуры могли двигаться не только по горизонтали, но и по вертикали. Я немного умею играть в шахматы, но эта игра была гораздо сложнее. В ней участвовало больше фигур, мне даже было трудно представить, как они могут называться. И почему-то мне совершенно не показалось волшебным, что фигуры висят в воздухе. Я так понял, что играли бюреры команда на команду. Мне стало интересно, и я сел тихонечко поближе, чтобы посмотреть. Ни Юрке, ни Толику это не понравилось, и они ушли. Ыду сел рядом. Но похоже, что он не понимал, что происходит, ему просто нравилось, как в воздухе летают фигуры.

Удивительно было видеть в этом мире бюреров, сумрачном, грязном и захламленном, такие волшебные фигуры. Они были вырезаны или не знаю как сделаны из кристаллов. Кристаллы светились белым и зеленым. Фигуры, слегка мерца, перемещались в пространстве игрового поля, а потом вдруг я увидел, как одна, похожая на зеленую летающую тарелку на трех ножках, исчезла. И сразу фигура белого цвета перелетела из одного угла игрового куба в противоположный. А исчезнувшая тарелка появилась в соседней клетке. И вообще положение всех шахматных фигур неожиданно поменялось. Я совсем перестал понимать, как можно так играть и как могут фигуры исчезать, а потом появляться. И тут у меня в голове опять возник голос, вернее, слова, которые были предназначены мне:

«Фигуры в игре двигаются не только в пространстве, но и во времени, вперед или назад».

То есть получается, что в этих бюрерских шахматах можно было ходить и во времени. Вот так, хоп, перенести ферзя на несколько ходов назад и заранее предусмотреть, что потом получится. Я попытался придумать хоть один такой ход и не смог. Но смотреть было все равно интересно. «А зачем вообще нужны такие сложные игры, как ваши шахматы?» — подумал я. Бюрер отвел глаза от игрового куба и успокаивающе произнес:

«Я понимаю. Дело в том, что шахматы учат тому, как побеждать, а еще как держать удар и переносить поражение. И еще тому, что надо мыслить стратегически, думать о том, что и с какой целью ты делаешь, и разгадывать, что задумал противник. И как важно уметь играть в команде и как побеждать один на один. Еще они тренируют память, наблюдательность и умение понимать других людей. И логическое мышление. Я еще десять минут поиграю?»

«Я никогда не думал, что у вас такая сложная жизнь, — признался я. — Извини, больше грузить не буду».

Бюрер сверкнул глазами из-под капюшона, но как-то по-доброму, словно улыбаясь.

Я долго еще смотрел, но потом увидел, что Ёду клует носом, и нам пришлось вернуться обратно и лечь спать.

Глава восьмая

«Перед сном»

Каждый вечер перед сном
Прячу голову в подушку:
Из подушки лезет гном
И везет на тачке хрюшку,
А за хрюшкою дракон,
Длинный, словно макарона...
За драконом — красный слон,
На слоне сидит ворона,
На вороне — стрекоза,
На стрекозке — тетя Даша...
Чуть прижму рукой глаза —
И сейчас же все заплещут!..

Саша Черный

Мне приснилось, что я сам маленькая светящаяся фигурка в шахматной четырехмерной игре. И все время перелетал в прошлое, и после этого будущее изменялось. Сначала я, такой как сегодня, попал в тот самый лагерь, когда к нам приходил сталкер. Никто не замечал, что я уже почти взрослый, а все ребята были те самые, из далекого детства. И опять ко мне в палату пришли пацаны из старшего отряда и хотели меня побить, потому что я сказал, что

мой отец Стрелок. Я выхватил автомат Калашникова и хотел их застрелить. Но автомат не работал. Вернее, он был как настоящий, но спусковой крючок у него нажимался свободно, словно держался на гвоздике, и выстрелов не было. Кто-то издали заорал: «Сними с предохранителя!!!», а я не мог понять, как это снять.

А потом из автомата выпал магазин. Я понял, что автомат надо разобрать и собрать, и разобрал его. А когда начал собирать, мне не хватило деталей. Взрослые пацаны все стояли, ждали чего-то. Тогда я кинулся на них и стал бить кулаками. А они все не падали и не уходили. Потом я уже стоял на сцене, мы играли постановку про сталкера, и я должен был прочитать стихи «На пылающей палубе мальчик стоял», но на середине запнулся. И вдруг я понял, что я не могу читать эти стихи, что я же не Том Сойер! Это было очень обидно. Я всегда хотел узнать, что там дальше в стихотворении. Так и не узнал. Но все равно нас наградили поездкой в Зону.

А в Зоне я уже мог, не так, как малыш много лет назад, а как нынешний, прорваться и спасти отца. Он же скорее всего тогда еще не потерялся, а был где-то рядом, в Зоне. И когда мы приехали к Кордону, я сразу, никого не слушая, побежал по аэродрому и забрался в самолет. В кабине истребителя было тепло и удобно. Я почему-то знал, что это именно МиГ-29. Летный комбинезон был мне как раз впору, я левой рукой вдавил вперед движок тяги и рванул с полосы прямо в небо. Когда я набрал высоту, то понял, что не могу нащупать педали на полу, не доставали ноги. Самолет свалился в штопор и стал падать. Я дернул ручку катапульты, и все вокруг потемнело. Я понял, что мне надо долететь в другой шахматный год, в другое время, потому что этот ход был неверный. И ничего хорошего из него не получится, я не взял ни одной фигуры в будущем.

А потом я снова стал совсем маленьким. «Мой руки!» На меня кричали, но я тупо смотрел на кран, из которого струйкой текла вода, и не двигался. «Мой или выпорю!» На меня орал мужчина, и я не помнил кто. Я ничего не помнил, помнил только, что от слез ничего не видел вокруг, но руки мыть не хотел. Не хотел, и все! А потом я оказался в другом месте, и уже бабушка, не московская, другая, сказала, что попа у меня будет опять синяя, если я не буду слушаться. А потом я услышал голос отца, далекий из-за стенки, — он громко разговаривал с кем-то и обещал, что больше никогда не привезет внука. Но мне почему-то все равно было обидно. Я был очень маленький, но уже знал, что часто будет так, что мне никто не поможет и не спасет меня, но все равно надо терпеть. И опять все потемнело. Опять неверный ход. И опять нужно ходить, хоть я потерял в игре уже много фигур.

Потом мы сидели с отцом на травке, недалеко от озера. Я смотрел на безобидных комаров-толкунцов над его головой.

— Папа, а на ракете можно полететь далеко? — спросил я, поправив летнюю кепку. Мама всегда следила, чтобы я не ходил без головного убора.

— Да проще простого, — беззаботно ответил он.

— А как ракета летает? — Мне очень хотелось увидеть настоящую ракету. — А ты видел, как в космос летают?

— Да, я видел. Я видел, как запускали последнего космонавта.

— А правда, что ракета так громко гудит, что потом все, кто был ближе ста метров, навсегда глухнут?

— Кто тебе такое сказал? — засмеялся отец.

— Это Костик из средней группы так говорил. — Тут я понял, что еще хожу в детский сад, но уже в старшую группу. И мне стало так грустно, ведь я еще такой маленький, и впереди будет много неверных ходов. Но эта мысль сразу куда-то улетела.

— Во-первых, те, кто стоит ближе ста метров, могут потом не только не слышать и не видеть, но и не бегать тоже. Ведь комическая ракета — это очень большой аппарат, и его реактивная струя очень мощная.

— А что такое реактивная струя? Это самолетная?

— Почему самолетная?

— Ну, ведь самолеты реактивные.

— А ракеты, как ты думаешь, какие? — Отец улыбался.

— Они такие... Межпланетные! — выпалил я, вспомнив, что именно так их называли по телевизору в передаче про полеты в космос.

— Ну, всякие бывают. А ты что — не знаешь, как устроена ракета?

— Ну... — Я протянул так безнадежно, что отец обнял меня, чтобы я не расстраивался.

— Вот смотри. — Отец достал из кармана блокнот.

В этом блокнотике ничего не было записано. Он был из листиков в клеточку, сшитых металлической пружинкой из тонкой проволоки. А в эту пружинку была вставлена маленькая шариковая ручка.

Отец нарисовал на бумаге трубку. У него так здорово получилось, она была как настоящая, а не просто плоская картинка.

— Вот смотри — это корпус ракеты, мы такую сами можем сделать. Внутри нужно насыпать порох. Например. Потом надо, чтобы вот здесь была крышка с соплом. Это и будет реактивный двигатель.

— И от него и летит струя? — Я понял!

— Ну, в общем, да. А вот сверху, — отец пририсовал к трубке еще одну трубу, потолще, которая оканчивалась острым носом, — будет грузовой отсек.

— А что там? — Я даже хихикнул от восторга. Мне так нравилось строить ракету.

— Там будет парашют. Мы же не в космос ее запустим, она маленькая, да и терять ее жалко. Ракета взлетит высоко-высоко, потом сработает вышибной заряд, и раскроется парашют. Тут баллистическая посадка не получится... — Отец начал говорить непонятными словами. А у меня от этих чудесных слов кружилась голова.

— А как она запустится? — Я понял, что не все еще в этом проекте завершено.

— Ну, мы устроим дистанционное управление рядом с ракетой и подведем провода к пиропатрону. Сами спрячемся в блиндаже и оттуда по радио ее и запустим!

Перспектива пьянила меня, как запах горной фиалки у бабушки на окне.

— Папа, а когда мы начнем строить ракету? Давай сегодня? — с надеждой спросил я.

— Ну, скоро, тебе надо еще немножко подрасти! Ведь тут надо хорошо владеть инструментами.

— Когда я буду в первом классе?

— Ну... давай начнем с пятого! — предложил отец.

И тут вдруг я понял, что никогда никакой ракеты не будет. И даже если мы ее потом когда-нибудь построим, я никогда не буду так счастлив, как пять минут назад. Это будет не та ракета, которая была только что. И папы такого уже не будет.

Я вытащил из ящика с инструментами папину ножовку и даже попробовал отпилить от раскладушки, которая на случай гостей была спрятана в кладовке, нужный для полета ракеты кусок трубы. Отпилить не получилось, но поцарапать — да. Хотя царапину никто не заметил. Так с ножовкой в руках я опять и выскочил на игровом поле. Ничего я не могу сделать в прошлом! Не туда надо ходить, не туда. В прошлом нет ничего, только несбывшиеся мечты, рассосавшиеся обиды и не взлетевший истребитель. Надо пойти не туда! Надо перешагнуть, перешагнуть...

— ЦУП, вас слышу хорошо, к взлету готовы! — Я видел себя словно со стороны, но говорил я.

— Старт разрешаю, — раздался голос из наушников. Но на мне не было никаких наушников. — Марс-один, счастливого полета...

Я проснулся. И долго не мог понять, где же я. Не мог вспомнить. А потом вдруг все стало на свои места. Я был в подземелье бюреров. Видел все вокруг, несмотря на кромешную темноту, и не чувствовал запахов, несмотря на то, что знал, что в подземелье воняет. Рядом со мной сидел бюрер. Капюшон скрывал его уродливое лицо, и я не мог определить — куда он смотрит. И тут я услышал, так же, как слышал бюреров раньше, внутри головы: «Ты видел, ты знаешь теперь».

— Но ведь нельзя знать будущее, — прошептал я. — Ведь...

— Будущее надо делать. Иди вперед. И ты дойдешь.

Это было очень тревожно и грустно. И я улетел в спокойную темноту сна без сновидений.

Утром я проснулся первый, меня разбудил бюрер. Я вскочил, словно у меня в мозгу выключатель щелкнул. Рядом стоял знакомый карлик и что-то ворчал.

«Надо идти, утро, все идут», — сказал он, как всегда говорил, и пошел прочь. А я попробовал спросить так же, подумав: «А почему вас все так боятся?» У меня получилось. Бюрер ответил: «Детей никто здесь не обидит, ни своих, ни чужих». И пошел прочь.

Я разбудил остальных ребят и сказал, что надо идти. Они поворчали немного, но потом согласились. Тут в подземелье ни костра не разведешь, ни еды не приготовишь. Мы свернули пенки и палатку и пошли по галерее. Через несколько шагов вдруг поднялась страшная вонь, и мы перестали видеть в темноте. Понятно — то, что бюреры у нас в головах переделали, перестало работать. Ну и хорошо, не хотел бы я всю жизнь прожить, не ощущая запахов. Не зря ведь вчера, когда мы ели тушенку, она казалась ненастоящей, потому что ничем не пахла.

Солнце стояло высоко, значит, было уже позднее утро. Только сейчас мы сообразили проверить время — почти одиннадцать. Долго дрыхли. Юзик со своими ребятами почему-то сразу пошел по тропинке, даже не задумываясь, куда она приведет. Ему не понравилось в подземелье бюреров, да и обидели его там. Деревенские перли как танки, не обращая на нас внимания. А Юрка быстро захекался и стал тормозить. Только Ыду скакал, как заяц, казалось, у него сил больше, чем у нас всех вместе взятых.

— Юзик, хватит лететь, — не выдержал я. — Давай привал делать, надо и чаю попить, и поесть, и решить, что делать дальше.

— Вы, городские, все время не знаете, что делать, постоянно совещаетесь. Карта у тебя есть, значит, надо идти. — Юзик огрызнулся, но все-таки притормозил. — И привал будем делать, когда воду найдем. Надо жидкое есть, а то желудок сохнет.

Так моя мама всегда говорила, надо есть, а то сохнет. Они что, все сговорились? Но, конечно, он был прав. Мы шли по узкой тропинке через лес, и тут не то что воды набрать в котелок, костер развести было негде.

Глава девятая

«Не верится»

Человек бесчеловечный.
Даже и не верится.
Крокодил БЕСКРОКОДИЛЬНЫЙ
пусть уж лучше встретится!
Он невинный, безобидный,
крокодил бескрокодильный,
но опасный, бессердечный,
человек БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ!

Эмма Мошковская

«Ко мне»

Не жалея сил
И ног,
Через страх
Бежал щенок!
Мимо грозного Полкана,
Мимо башенного крана

(И немножко мимо кошки),
Мимо тени на стене...
Мой щенок
Бежал
Ко мне!

Г. Новицкая

Когда чай варишь на костре, он намного вкуснее, чем дома, из электрочайника. И запах такой острый, сильный. Вот, видимо, тот мужик на запах и притащился. Как он тут оказался, в глуши, было непонятно. Крутой очень, с автоматом, в разбитых кроссовках, которые когда-то были белыми. В фирменных спортивных штанах и кожаной куртке, брошенной на рваную футболку. Он вышел из лесу и сразу сел возле костра на корточки, автомат на колени положил.

— Вы, пацаны, откуда взялись? Кто вас привел? — Он вытащил веточку из костра и закурил.

— Мы тут на экскурсии, — сразу соврал я.

— Ага, областной детсад посещает руины Чернобыля. Слыхали мы. Не место тут детям. — Мужик сплюнул в костер.

А тут еще Бду вдруг чего-то загудел.

— Ну, вы что, в натуре, еще и дебила с собой взяли? — возмутился дядька.

Он был такой злой, этот непрошенный гость.

— Он наш, — заступился Бэрик. — А вы сталкер, да?

— Да, блин, — мрачно сказал дядька, — сталкер я. Типа.

Я думал, что сталкеры не так выглядят, но может, здесь, на самом краю Зоны, другие правила.

— А как вас зовут? — спросил я. — Меня зовут Андрей.

— Толян, — ответил сталкер и протянул руку почему-то Юзику, хоть и глядел на меня.

В общем, мы познакомились. Я, правда, считал, что у сталкеров имена должны быть необычные, типа Гром, Рэд или хотя бы Шторм. Ну ладно, Толян так Толян. Бэрика тоже Толей зовут, но он что, не может быть сталкером? Конечно, может. Мы угостили сталкера чаем, он выпил, потом поднялся и говорит Юзику:

— Отойдем, побазарить надо.

Юзик встал и пошел вместе с Толяном, они скрылись в лесу примерно на полчаса.

— Ну, что, пацаны, я могу вам помочь, — сказал Толян, когда вернулся вместе с Юзиком. — Раз у вас есть карта, то найти место, указанное там, без меня вам не удастся.

Вот же Юзик болтун! Это даже уже не болтун, а предатель!

— У нас нет карты, — ответил я. — У нас есть код, который может расшифровать только Стрелок.

— Стрелок, говоришь? — Сталкер громко и неприятно цыкнул зубом. — Многие хотели с ним повидаться, но не получилось. Но в принципе можно и его найти. Я помогу.

— Да мы сами, не беспокойтесь. — Не нравился мне этот сталкер.

— Слышь, пацан, если я сказал, что помогу, то это не значит, что ты дальше сам пойдешь, поал, пала! — Толян вдруг заговорил злобно, брызгая слюной и коверкая слова.

А Юзик и его друзья стали так, что было понятно, они вместе с Толяном.

— Давай свой код и вали домой к мамочке с папочкой! — орал сталкер.

Меня сильно разозлило это про «мамочку с папочкой», но я вежливо ответил:

— Код у меня в голове, и я скажу его только Стрелку.

Тут Юзик подошел ближе к Толяну и шепнул ему что-то на ухо.

— Наладонник быстро сюда! — протянул руку Толян. Вот же Юзик — предатель из предателей!

— Да берите, толку в нем. Без кода и по координатам место не найдешь. — Я достал свой палм и отдал сталкеру. Пусть радуется.

Груша и Бэрик смотрели на меня мрачно. Но они-то не знали, что и наладонник, и координаты — все обман и ерунда. Ничего, я думал, мы артефакты найдем — будет нам компенсация. Отец поможет.

— А чего ты выкаешь? — вдруг спросил Толян. — В Зоне таких сильно вежливых не любят.

— Могу и не выкать, — буркнул я и стал собираться в дорогу.

Толян стоял и ждал, пока мы упакуемся. С автоматом своим он был похож на фашиста в концлагере. Он сказал, что дальше мы пойдем так: сначала Груша, потом Бэрик с Ыду, потом я, потом Юзик и его пацаны, а замыкающим пойдет Толян. Будем идти через лес, но он должен скоро кончиться. Потом шоссе, там Толян объяснит, кто как пойдет. Он, видно, все-таки хорошо знал Зону.

Сталкер не соврал, очень скоро, мы даже устать не успели, тропинка вывела нас на заброшенное шоссе. Да тут, в Зоне, все было заброшенное.

— Так, теперь ты, Груша, иди чуть впереди, остальные на десять метров сзади, и никакой самостоятельности, — скомандовал Толян.

— А чего это ты тут распоряжаешься? — не выдержал Юрка. — Как хочу, так и буду идти.

Толян коротко ударил его под дых, и Юрка, хрипя, свалился кулем на землю. А Толян ударил его еще ногой под ребра.

Я хотел, чтобы мы вместе навалились на этого Толяна, сволочь он такая, но Юзик и его друзья не шелохнулись, а нас с Бэриком он бы вырубил сразу. Ыду вообще испугался и крепко держал Толика за руку.

— Так, теперь, школата, слушать и бояться! — заорал сталкер. — Кто хоть раз борзанет — бошку оторву. Встал, гнида, и топай, куда говорят. Вон до того дерева идем.

Юрка поднялся, утер слезы и пошел, все еще держась за живот. За ним мы. Ыду начал сердито ворчать.

— Дебила своего заткните, блин, набрали детский сад, — бросил Толян нам в спину.

Толик обнял Ыду и постарался его успокоить. А тот только губами своими странными шевелил. Мы подошли к здоровому, в три обхвата, корявому дереву, на которое указал сталкер, потом еще метров сто и повернули. И тут я увидел Саркофаг. Если до того мы шли, и все было просто как поход такой странный, то тут ясно стало — Зона.

— Стой! Не шевелись! — заорал Толян.

Юрка остановился. Что-то было не так с тем местом, где он стоял. Вроде ничего такого не происходило. Но тут я заметил, как веточка, которая лежала на шоссе, вдруг сорвалась с места и поползла куда-то мимо Юрки. Юрка тоже понял, что что-то не так. Он попытался сделать шаг, но его ноги словно приклеились к шоссе. И тут Ыду, загудев как обычно, ринулся к Юрке, схватил его за обе руки и стал тащить назад. Юрка от неожиданности упал, а Ыду все тащил его за руки. Откуда у малыша взялось столько силы — непонятно, но он поволок ничего не понимающего Грушевского, как пушинку, и отпустил его, только когда уже был рядом с нами. Юрка поднялся и стал испуганно осматриваться. Ыду как ни в чем не бывало взял Бэрика за руку и стал спокойно осматриваться вокруг.

— У тебя что, глаза повылазили, ты чего в «воронку» полез?! — заорал на Юрку Толян. — От тебя бы сейчас только куски мяса на деревьях висели!

Сталкер злился, но при этом странно посматривал на Ыду, словно никогда его не видел до этого.

— Ничего не повылазили, — обиженно ответил Юрка. — Откуда я знаю про эти «воронки» или что там еще такое?

Толян так хмыкнул, что стало понятно — он нас считает полными идиотами. Потом он достал из куртки жменю гаек и стал их бросать туда, где только что застрял Юрка. Разбросав гайки, сталкер сказал:

— Построиться за мной, ни шагу влево-вправо, сдохните, — и добавил непонятно: — Вот, блин, отмычки кривые!

Я ничего не понял про отмычки. Мы осторожно прошли опасное место, потом Толян остановился и долго смотрел вперед, словно пытался что-то невидимое рассмотреть.

— Все, дальше ничего страшного не должно быть, рядом Саркофаг, я эти места облазил сто раз уже. Идем как шли. Вы трое, нет, четверо, вперед, только не летите, а то завязнете, недоумки хреновы.

Толян как будто случайно от нас отстал и шел рядом с Юзиком и его друзьями. Они о чем-то болтали, но совсем тихо. Я на всякий случай прислушивался, но ничего не разобрал. Потом вдруг сталкер вскрикнул, словно чего-то испугался.

— Стой! — заорал он. — Ну, ты, умник, давай сюда!

Это он меня «умником» назвал. Я подошел к нему, хотя понятно было, что ничего хорошего он мне не скажет.

— Так ты что, гнида, с нами детеныша кровососьего тягаешь? Ты почему мне сразу не сказал?

— Так ты и не спрашивал. — Я постарался сказать это спокойно.

— Ты мне тут поумничай! — рывкнул Толян и, сбросив с плеча автомат, пошел туда, где впереди стояли Груша и Бэрик с Ыду.

Я бросился вслед за сталкером, но меня со спины схватили деревенские и закрыли рукой рот. Я даже не смог ни крикнуть, ни предупредить, ни слова сказать. Я только стоял и смотрел, а ноги стали чужие, словно я их отсидел. Ватные, ничего не чувствовали, только мурашки по ним бегали.

Толян подошел к пацанам и оттолкнул в сторону от Бэрика Ыду. Ыду только рыкнул тихонько. Толян передернул затвор автомата, но почему-то не выстрелил сразу, а Толик в это время взял и опустился на четвереньки позади сталкера. Есть такой прием в драке, когда силы не равны. Ыду, умница, сразу понял. Он резко толкнул Толяна в грудь, и тот полетел через спину, пустив автоматную очередь в воздух. Падая, сталкер треснулся затылком о бетонное шоссе. А Ыду, ни на секунду не задумываясь, прыгнул на него и одним взмахом руки разорвал Толяну горло. Кровища так и брызнула фонтаном. Ыду отскочил и заорал, словно Тарзан. Я, правда, не знаю, как орал Тарзан, но, наверное, именно так. Бэрик наклонился и поднял автомат сталкера. Толик был совсем бледный, это стало видно, когда подошел к нам и закричал:

— Руки, жлобы, убрали!

Деревенские отреагировали не сразу, и Бэрик веером над их головами выдал очередь из «калаша». Он стрелял очень громко, и из ствола летел черный дым. Юзик со своими просто рухнули на землю, хоть их об этом и не просили.

— Что, предатели, мозги вам вышибить? Да? — Толик был очень злой и не мог успокоиться.

Лесь поднял голову и испуганно промычал:

— Никого мы не предавали, он только спросил, что за пацан Ыду и откуда взялся.

— Если бы вы не были предатели, он бы у вас не спросил, — сказал я. — Вставайте, поговорить надо.

Юзик и Вован медленно, словно нехотя, поднялись, Лесь за ними. Они были испуганные и злые.

— Автомат давай, — сказал я Юзику.

— А чего это ты тут командуешь? — начал было Юзик.

Он был сильнее меня, почти такого же роста, чуть ниже, но такой, как бычок, здоровый. А мне было плевать. Я врезал ему в челюсть со всей силы. Он не ждал от меня такого. Я редко раньше дрался, а в морду вообще никогда никому не давал.

Юзик гадко щелкнул челюстями и упал. Я, словно так делал каждый день, спокойно наклонился и снял у него со спины автомат. У Толяна были рожки с патронами, и мы теперь могли идти с двумя заряженными «Калашниковыми».

— Запомни ты и вы, придурки, — у меня голос стал вдруг такой, как в кино, злобный и железный, — главный тут я, вы с нами идете только потому, что я разрешил. Ясно?

Юзик уже встал, но оба автомата были у нас, и удар в челюсть его, наверное, изумил. Он сплюнул на дорогу и размазал рукой по щеке кровь. Вот как, я, оказывается, ему зуб выбил.

— Поняли? — повторил я, потому что пацаны молчали.

— А зачем сразу по зубам бить? — подал голос Юзик. — Из-за сраного кровососа ты сразу в зубы? Не по-товарищески это.

— Ага, по-товарищески какому-то уроду сразу рассказать все: куда идем, что у нас карта и потом заложить малого? Это по-товарищески, да? — Юрка поддержал меня.

Я вообще боялся, что он вдруг станет говорить, что он тут главный, но, видимо, он понял, что не надо.

Если честно, я, конечно, очень хотел послать подальше и Юзика, и его друзей. Но почему-то не стал этого делать. Во-первых, куда они денутся, а во-вторых — может, они просто думали, что мы глупые и слабые, и теперь все пойдет по-другому?

А тут подошел Ыду. Я не знаю, что он там делал, но морда у него была вся в крови. Толик вытащил носовой платок и стал ему вытирать лицо. Ыду только мурчал, как кот на диване.

— Ладно, хватит, надо искать людей, — сказал я. Видно было, что все уже немного успокоились. — Но пока привал. Надо отдохнуть.

Пацаны обрадовались. Идти дальше точно не было сил. Мы осторожно сошли на обочину, покидав сначала камешков и веточек, как делал Толян.

— Юзик, ты со своими костер разводи, Ыду, воды надо найти. — Я уже всю команду командовал, и меня слушались.

Впрочем, Юзик и так бы занялся костром. А вот Ыду пришлось специально показать, что надо делать, — я отстегнул котелок и показал ему, мол, пустой. Ыду загудел, взял котелок и потопал в сторону Припяти. Я подумал, что он лучше всех тут разбирается, где и что, и не попадет в «воронку», как только что чуть не попал Юрка.

А мы с Грушевским на пару пошли собирать дрова. Прямо от шоссе в сторону уходила узенькая, заброшенная тропинка, по ней мы решили зайти немного в лес. Прошли метров десять и увидели жуткую картину. Толстое дерево, старое и совсем сухое, упало и ветками, как вилами, прижало к земле громадную страшную собаку. Собака еще дышала, но глаза ее были закрыты. Мы кинулись к дереву и вдвоем с трудом приподняли слегка, а собака поняла и поползла из ловушки. Она выбралась из-под дерева, проползла, скуля, несколько метров и затихла. Это была не слепая собака, какую мы встретили в первый день в Зоне. Этот пес был похож на бойцового, ротвейлера или стаффа, только очень большой. У него была невероятно громадная голова с широкими челюстями, а зубы торчали из пасти, как у дракона в кино. Груша вернулся к стоянке, там как раз Ыду воды принес, и налил немного в пластиковую миску. Еще он принес кусочек хлеба и мазь от всяких царапин.

Мы поставили у морды собаки миску с водой и стали ждать.

— А что Юзик, ничего не сказал? — спросил я.

— Нет, пока молча ковыряется. А здорово, чтобы эта собака выздоровела и с нами пошла! Тут без собаки ничего не сделаешь. Нужен пес, — ответил Грушевский.

Пес словно услышал Юрку. Задергал носом, унюхав воду. Потом перевернулся с бока на живот и стал лакать.

— Будет жить, — уверенно сказал Юрка. — Раз на живот лег и пьет, то выздоровеет.

Он положил рядом с мордой собаки хлеб. Собака понюхала и стала есть. Тогда Юрка решил намазать мазью раны на собачьей спине. Они сильно кровоточили. Он достал тубик из кармана и выдавил на рану. Собака рыкнула, но даже не посмотрела на Юрку. Наверное, понимала, что ее лечат.

— Пусть полежит, — сказал Юрка. — Очухается, к нам придет.

— А ты так хорошо в собаках разбираешься?

— Я с детства мечтаю о собаке. Много книжек прочитал про уход, про дрессировку... Щенка хотел у соседа купить. Вот и думаю, здорово с черномыльским псом домой вернуться. Круто, — мечтательно сказал Юрка.

— А что вы там делали? — сразу спросил Юзик, когда мы вернулись с дровами.

— Собаку лечили. Если ты ее пальцем тронешь, я тебя точно убью, понял? — строго сказал я.

Юзик ничего не ответил.

Мы сидели, пили чай. Вообще у нас из продуктов остался только чай, две банки тушенки, сахар и немножко хлеба. Мы же не брали продуктов на шестерых. Пили молча, разговор не клеился. И тут деревенские подскочили как ужаленные. Я оглянулся, они показывали пальцами мне за спину. Там стоял и облизывался наш пес. Он уже пришел в себя. Увидев нас, вернее, Юрку, завилял хвостом и подошел поближе. Юрка протянул руку и позвал его:

— Бруно, иди сюда, хорошая собака! Вот молодец, очухался.

Не знаю, почему Юрка назвал пса Бруно, наверно, когда о собаке мечтал, даже имя придумал. А пес, смешно подпрыгивая, подбежал к Груше и припал на передние лапы, отключив зад. Он, наверное, поиграть хотел. Похоже, это была молодая собака, совсем еще щенок. Юрка потрепал его по затылку, а затылок был как у хорошего теленка. Потом Груша подобрал толстую палку, бросил ее на шоссе и приказал:

— Бруно, апорт! — Я знал это слово еще из книги «Почемучка», но не думал, что такой страшный и зубастый пес будет выполнять команду.

А Бруно ринулся за палкой так, что из-под лап полетела земля. Он притащил ее и стал прыгать вокруг Юрки.

— Отдай, Бруно, отдай!

Пес присел на задние лапы и только и повизгивал от радости. Потом Юрка все-таки схватил за палку, торчащую из пасти. Бруно чуть сжал челюсти, и дрын с мою руку толщиной спокойно развалился на три части. Пес залаял так оглушительно, что у меня зазвенело в ушах.

— Эта сука так и глотку перекусит, прогнать его надо, — мрачно сказал Витек.

— Если кто хоть посмотрит не так на мою собаку — натравлю! — зло сказал Юрка. — Он добрый и послушный.

— Намордник тогда ему надо надеть. — Юзик стоял все это время серый от страха. Видно было, что собак он боялся до смерти.

— Тебе намордник надо было вчера надеть, — отрезал Юрка.

Грушевский снял ремень и сделал из него ошейник. Бруно подставил шею и совершенно не сопротивлялся. Ему как будто даже понравилось. Потом Юрка достал из рюкзака веревку и сделал поводок. Ну и отрезал себе кусок вместо ремня, чтобы штаны не падали.

Вот так мы и пошли дальше. Груша впереди с собакой — черныбыльский пес должен был нас от всяких аномалий спасать, потом шли остальные, Ыду с Бэриком последними, они так захотели.

Шоссе вело прямо к Саркофагу. Пару раз Бруно останавливался и порывивал. Так нам удалось увидеть еще одну «воронку» и обойти какую-то странную лужу на дороге. Она была вроде лужа как лужа, но в ней ничего не отражалось и не шли круги, если бросить туда камень.

Глава десятая

Все трусы и просто бояки
В кусты убегают бегом.
Но мы не боимся ни драки,
Ни битвы со страшным врагом.
Мы шею намылим злодею —
Пускай он запомнит урок,

И больше уже не посмеет
Без спроса ступить на порог!

Александр Коротич

Мы выбрали теперь в качестве ориентира Саркофаг. Не будешь же все время по карте путь прокладывать. Да и карта эта не всегда была правильной. Например, многие грунтовые дороги исчезли, некоторые дома, которые должны были по пути попадаться — одиночные, тоже пропали. А к середине дня солнце нагрело шоссе так, что даже запахло горячим бетоном. Я подумал, а почему в городе асфальт кладут, а тут всюду бетон? Может быть, асфальт нельзя возле атомных станций использовать? Или, может, на случай войны, чтобы танки дорогу не поломали? Ведь АЭС надо охранять от всяких врагов и террористов. Я даже спросил:

— Пацаны, а если война, то как атомную станцию охранять?

— Так она же еще когда накрылась, эта станция. — Юзик впервые после того, как я ему в зубы дал, заговорил нормально. — Тогда небось не думали о таких вещах.

— Ну, как же не думали? Тогда и думали как раз, ведь в то время то тут, то там воевали, — сказал Толик.

Я подумал, что вот теперь наконец все хорошо идет. Нормальный разговор, никто не ругается.

— А вот интересно... — начал Бэрик и сразу замолчал.

Прямо на нас из-за поворота вышли два человека в скафандрах. Ну, это сначала показалось, что в скафандрах. У них на головах были такие шлемы, которые полностью лицо закрывали. Бруно вдруг заскулил и, вырвавшись из Юркиных рук, чесанул в лес. Ёду тоже занервничал. Не понравились им эти, в скафандрах. Мы остановились, а космонавты одновременно подняли оружие и прицелились. В нас.

— Это зомби! — заорал я.

Я вообще-то никогда из автомата не стрелял. Но видел в кино и видел, как Юрка затвор передергивает. Сразу у меня не получилось. Я передернул, но автомат не выстрелил. И тут справа от меня загрохотал Юркин «Калашников». Я понял — у меня предохранитель не снят. Это сбоку такой рычажок. Я надавил на него и нажал на курок. Автомат стрельнул один раз. И один из тех, в скафандрах, упал, я еще раз нажал и еще. Но на дороге валялись уже оба. Юрка перестал стрелять и спросил меня:

— А ты чего одиночными шмалял?

— А? — не понял я. — Может, у меня автомат сломан?

— Блин, ты что, книжек не читал и кино не смотрел? Там два положения у предохранителя! — разорался Груша.

Ему, наверное, было завидно, что не он стрелял. И правда, я не особенно разбирался в автоматах Калашникова.

— Тоже мне, — фыркнул Бэрик. — Вот посмотри, это предохранитель, вверх — блокирует, потом идет АВ — очередями стрелять, а потом ОД — ну, понятно, одиночными.

Бэрик тыкал пальцем в бок автомата, где и был тот самый предохранитель.

— Вы все уроды! — сказал Грушевский. — Не предохранитель, а переводчик огня.

— А я с отцом ходил на кабана, так он мне карабин давал пострелять, — внезапно сообщил Юзик.

— А я на зайцев, — добавил Витек.

В общем, все они были опытные или охотники, или стрелки, один я — безграмотный. Но я ничего не сказал про этот переводчик. Зато я попал.

— Надо пойти посмотреть, что с теми космонавтами, — сказал я, хотя мне очень не хотелось идти туда, к убитым зомби.

— Надо разделиться. Одни тут, а остальные пойдут смотреть, — предложил Юзик.

— Нет! — Я был против. — Так во всех фильмах ужаса делают, чтобы быстрее по очереди погибнуть. Все идем.

Мы осторожно, держа автоматы наготове, подошли к лежащим на шоссе фигурам. Вокруг обоих растекались лужи крови. Когда мы подошли вплотную, стало понятно, что один из зомби еще живой. Он раскинул руки и скреб пальцами по бетону.

— Сними с него маску, — сказал я Юзику.

Это была не маска, а какой-то хитрый противогаз. Юзик потянул за банку, которая торчала из нижней части. Она легко соскочила. На земле лежал обычный человек. Он посмотрел на нас и только сказал:

— Вот блин, пацанва... — дернулся и перестал скрести. Из рта потекла красная струйка.

— Так это не зомби? — Лесь посмотрел на меня, как на убийцу.

— А если бы зомби? Что, ждать, пока они нам головы откусят? И оружие у них, они в нас целились, — огрызнулся я и тоже подошел вплотную к трупам.

Одежда у них и вблизи была странная — толстые наплечники, жилет с красными пластинками на груди, а на правом рукаве у каждого — нашивка. На ней какой-то знак вроде мишени и подпись «Долг». Я подумал, что «Долг» — это, наверное, организация какая-то. Надо было внимательнее книжки про Зону читать, знал бы тогда. Но их все равно все не прочтешь. Конечно, зря мы стали сразу стрелять. Но ведь и пес, и Ыду испугались и убежали, а они плохих чувствуют.

Сейчас они оба уже вертелись рядом. Ыду топтался и оглядывался по сторонам как ни в чем не бывало. А Бруно прыгал вокруг Юрки, ему опять хотелось играть. Вот же собака несуразная! Нет, чтобы защитить, зарычать хотя бы. Взял и убежал, а теперь веселится. Пока я смотрел, как прыгает Бруно, Юзик снял с одного из убитых автомат и сейчас отстегивал сумку с обоймами. Мне это не очень понравилось, и я быстро подошел к другому покойнику и тоже забрал оружие, чтобы Юзик не успел. Я изо всех сил старался не смотреть на застывающую под убитым лужу крови. Автомат я отдал Бэрику, свой все-таки.

— А что такое «Долг»? — спросил я, чтобы не началось разговоров о том, что оружие надо поровну делить.

— Станный ты, — сказал Витек. — Ты что, вообще книжек не читал и в игру не играл?

— Так то книжки и игра, а тут жизнь реальная, — ответил я. Я и вправду мало читал про Зону, а в игру мне родители играть не разрешали. Не буду же я об том Витьку говорить?

— Это же группа такая, военная. Безбашенные они. Так что неизвестно, что бы было вообще, если бы мы не начали стрелять, — пояснил Витек. — Но я так думаю, что все-таки лучше сначала немного поговорить, а потом уже стрелять.

Мне нечего было сказать, и я подумал, что придется мне самому обыскать убитых. Было очень противно и страшно, а вдруг этот еще не совсем мертвый, но мне надо было показать пацанам, что я ничего не боюсь. Я не пожалел, что решился. Во-первых, у одного был пистолет в кобуре, никто его сразу не заметил, потому что «долговец» лежал на спине. Во-вторых, нашлась карта. Настоящая карта Зоны. И в-третьих, у каждого из этих самых «долговцев» были настоящие наладонники. Один я отдал Юзику, хоть Юрка стал сразу руки тянуть. Я сделал так специально, чтобы Юзик не дулся, все равно он ничего не поймет в КПК.

Мы отошли подальше от места стычки и решили, что надо изучить карту этих космонавтов, она, наверное, лучше нашей. Сначала ничего не поняли, но потом разобрались. То, что карта подробнее, чем у нас, мы убедились сразу. Там почти каждый кустик вокруг того места, где мы стояли, был обозначен. И нашу стоянку, где привадило черныбыльского пса Бруно, легко нашли. И что интересно, на карте были пометки карандашом. Отмечены разные места и рядом написаны фамилии и даты.

— Это, наверно, отмечено, где, когда и какой сталкер погиб, — сказал я.

— Дурак, — сказал Бэрик. — Смотри — вот тут завтрашнее число. Они что, заранее знают, где кто гробанется?

И мы решили, что это обозначались места встречи, где в нужный день можно найти нужного человека. Договорились, что надо идти к первой отметке на карте, где написано

нормальное имя и сегодняшнее число. А на карте был квадратик, похожий на домик, и надпись — «Сидорович». Дорога к этому Сидоровичу была простой, пили по шоссе — и все. Только в одном месте рядом с шоссе нарисован кружочек с названием «Станция». Вот туда мы и пошли, потому что подумали, вдруг и там люди есть. В любом случае мимо этой станции пройти было невозможно. Там, где от шоссе шло ответвление на «Станцию», даже фанерная стрелка на столбе торчала, показывая направление.

Глава одиннадцатая

«Летят по небу шарики...»

Летят по небу шарики,
летят они, летят,
летят по небу шарики,
блестят и шелестят.
Летят по небу шарики,
а люди машут им,
летят по небу шарики,
а люди машут им.
Летят по небу шарики,
а люди машут шапками,
летят по небу шарики,
а люди машут палками.
Летят по небу шарики,
а люди машут булками,
летят по небу шарики,
а люди машут кошками.
Летят по небу шарики,
а люди машут стульями,
летят по небу шарики,
а люди машут лампами.
Летят по небу шарики,
а люди все стоят,
летят по небу шарики,
блестят и шелестят.
А люди тоже шелестят.

Д. Хармс

«Станцией» оказалась большая поляна, огороженная невысоким, чисто декоративным заборчиком. На поляне среди скошенной травы стояло несколько маленьких домиков на тонких ножках, не больше чем половинка холодильника. У них были покатые крыши и стенки, как жалюзи, из наклонных дощечек. Они были похожи скорее не на домики, а на ульи. Но пчелы не гудели и не летали вокруг ульев. И людей не было никаких. Но, судя по поведению Бруно и Ёду, тут было достаточно безопасно.

— А вдруг сюда нельзя? — всполошился Юзик. — Чего лезть, искать на свою жопу приключения?

— Здесь всюду нельзя, — ответил Толик. — И приключения на каждом шагу попадают, все равно, ищешь ты их или нет. Пошли посмотрим, интересно же!

Я подошел к ближайшему домику. Одна из стенок служила дверцей, она была закрыта на крючок. Наверное, внутри ничего страшного нет. Я решил и, откинув крючок, потянул дверцу. Она скрипнула и открылась. И повисла наперекосяк, потому что одна петля

была оторвана. А за дверцей скрывался термометр в держателе. В другой будочке был барометр. Мы все эти приборы изучали на природоведении. Только в жизни такие старинные приспособления уже нельзя увидеть. Давно и температуру, и атмосферное давление меряет электроника. Да у всех дома есть. А тут такие древние! В каждой будочке был свой прибор, даже нашелся один, который чертил линию на бумажной ленте. Лента сматывалась с катушки и наматывалась на другую. Все было очень красиво, но непонятно.

— Да что ты вытаращился! — Лесь, который все время стоял чуть в стороне, смотрел на меня как на идиота. — Ты что, метеостанции никогда не видел? У нас в селе точно такая сто лет уже стоит.

Тут раздался голос Витька:

— Я что нашел, ребя!

За забором в лесу стоял сарайчик. Вот там Витек нашел самое интересное. Сотни, а может, и тысячи резиновых надувных шаров. Громадных. Я не знал, для чего они нужны, но на коробках была надпись, которая подсказала: «Метеозонд PR500, 1000 штук, грузоподъемность 5 кг». Ясно, ведь если это метеостанция и тут погоду изучают, то надо аппаратуру в воздух запускать.

— Пацаны, а давайте воздушный шар запустим! — вдруг сказал Юрка. — Привяжем к нему записку какую-нибудь, а ее кто-нибудь найдет, ведь интересно же!

— Баловство все это, нам дальше идти надо, — строго сказал Юзик. — Как дети, шарики пускать собрались.

— А давайте сами покатаемся! — придумал Бэрик.

— Как покатаемся? — не поняли мы с Юркой. Да и Юзик с друзьями тоже ничего не поняли.

— Да как! Читайте: грузоподъемность — пять килограммов, то есть пять-шесть шаров, и можно в небо подняться.

— Ага, а чем ты будешь надувать? Ведь от воздуха шар не полетит. — Я точно знал, что на праздники шарики, которые летают, наполняют гелием из баллонов.

— Так должен быть где-то газ, — настаивал Бэрик. — Наверное, снаружи. Ты представь — как тут в сарае шар надувать? Как с ним потом отсюда выйти?

А Толик был прав!

Мы вышли из сарая, обошли его сзади и нашли в загородке баллон, покрашенный коричневой краской. К баллону были присоединены два круглых измерителя, Толик сразу сказал, что это манометры, и дальше шла трубка, оканчивающаяся краном. Все ясно, это и есть место заправки воздушных шаров.

Закипела работа. Сначала мы в том же сарае нашли мотки веревки, наверное, они для этих шаров и использовались. Потом Юзик с Витьком, ни у кого не спрашивая, пошли и выломали кусок забора. Так, чтобы на него можно было уместиться втроем. Ыду и Бруно сидели рядышком в траве и очень внимательно следили за нашими действиями. Мы, конечно, не собирались их тоже катать. Так что пусть посидят.

Крепкой веревкой мы прикрутили сиденье к дереву, потом стали надувать один за другим шары и привязывать к обломку забора. Между досками были одинаковые просветы, так что получилось распределить шары равномерно. Вот уже сидушка наша поднялась над землей, и веревка, которая ее держала, сильно натянулась. Мы попробовали сесть, оказалось, что шаров маловато, забор под нашим весом опустился на землю. Ну, это было делом двух минут. Вот теперь мы сидели на решетке забора, а он висел в воздухе, все еще натягивая веревку. Ноги наши уже не доставали до земли.

— А что, вы будете кататься, а мы смотреть, да? — всполошился внезапно Юзик.

— По очереди можно, — успокоил его Толик.

— А зачем вы вещи тогда на штaketник положили? Вы куда собрались? — не унимался Юзик.

— А зачем? — Я тоже не понял, зачем Толик положил на сидушку наши рюкзаки.

— Я просто не уверен, что мы сможем приземлиться туда, откуда взлетим, — объяснил Бэрик.

— Так вы все-таки решили смыться! — возмутился Лесь.
— Да ради бога, сами первые садитесь. — Юрка не хотел опять ссориться.
— Нет, давайте по-честному, еще шаров море и забора полно. — Я решил, что и вправду нехорошо как-то получалось. — Строим еще один цеппелин!
— Что делаем? — не понял Юзик.
— Шары надуваем! — сказал я.

Второй такой «дирижабль» сделали быстро, приноровились уже. Когда летательный аппарат для Юзика, Витька и Лесья был почти готов, внезапно забеспокоились Бруно с Ыду. Сначала Бруно гавкнул пару раз, потом притих и, поджав хвост, рванул в лес, так он всегда делал, когда чего-то боялся. Ыду прижался к Толику, тоже верный признак того, что что-то не в порядке. И тут мы услышали вдали голоса.

— Ой, блин, это же небось эти синоптики на свою станцию идут. Ох, сейчас и выпишут нам за шары! — струхнул Юрка.

— Тикаем, — коротко сказал Лесь.

Юзик и его друзья сориентировались сразу. Они немедленно вскочили на первый аппарат, на котором лежали рюкзаки, и, перерезав веревку, стали медленно подниматься в небо. Я не ждал от них такой расторопности и смелости.

А нам надо было еще несколько шаров надуть и привязать, чтобы мы смогли подняться, не могли же мы Ыду оставить. Стараясь не шуметь, мы стали спешно заправлять последние зонды. Нас спасало то, что свои «дирижабли» мы строили за сараем, и с той стороны, откуда доносились голоса, ничего не было видно.

Мы, с трудом уместившись на досках, взобрались на обломок забора. Ыду залез сам и вцепился в Бэрика. Юрка уже собирался перерезать ножом веревку, но в это время на открытое пространство вышли люди, те самые синоптики. Они ничем не отличались от «долговцев», с которыми мы встретились совсем недавно. И самое ужасное — они увидели в небе шары, на которых летели Юзик, Лесь и Витек. Эти военные очень рассердились. Они побежали в том направлении, куда ветер нес ребят. И хорошо, что не мимо сарая. Синоптики, наверное, боялись бежать просто так через лес и пошли по знакомому пути. А мы, когда те отошли на приличное расстояние, перерубили веревку и тоже взлетели.

Мы плыли над лесом. Сквозь кроны деревьев я высмотрел, что Бруно видит нас и бежит потихоньку вслед за нами. Было очень страшно, мы ведь летели на такой высоте, что жутко даже представить. Чуть не так двинешься — и полетишь вниз. Ыду скрючился и спрятал голову в колени. На лицах Бэрика и Юрки застыли идиотские улыбки, так они пытались скрыть страх. Да и я тоже, наверное, выглядел не лучше. Конечно, идея покататься на шарах была совершенно безумная. Вот теперь мы болтались над лесом, никакой радости не чувствовали, и, кроме того, за нами охотились военные синоптики. Веселая перспектива.

Ветерок внезапно поменял направление, и нас понесло в другую сторону. Не в ту, куда побежали синоптики. Унесло довольно далеко от станции. И еще расстояние с Юзиком и его ребятами стало сокращаться. Они наконец увидели, что и мы в воздухе, и замахали нам руками. Конечно, они намного смелее меня. Я бы ни за что не выпустил из рук веревок, за которые держался. А ребята нам подавали знаки, мол, пора вниз. Я понял и сказал:

— Как садиться будем? Отрезать шары? — И сам испугался, какой у меня дрожащий голос, как будто я замерз.

Бэрик, не рискуя говорить, молча кивнул и вытащил из кармана ножик. Он двигался так, как будто был под гипнозом. Он резанул по веревке, и один шар взмыл вверх, освободившись от груза. А наша конструкция немедленно перекосилась. Как мы только не посыпались вниз! Юрка сориентировался первый и отрезал шар со своей стороны. Но двух шаров оказалось мало. Следующую пару отрезали уже одновременно, по команде, и обошлось без перекосов. На соседнем дирижабле поняли, что мы делаем, и тоже стали освобождаться от шаров. Через несколько минут, проломив кроны деревьев, мы были уже на земле. Я думаю, нам очень повезло, что мы не зацепились и не повисли на вершине какой-нибудь вековой сосны.

— Ну, что, воздухоплаватели, какого черта нам это было надо? — первым обрел дар речи Юзик. — Хорошо хоть целые остались. И подстрелить ваши ученые нас могли в чистом небе, и раскваситься мы могли запросто, свалившись с забора. Идиоты вы все-таки.

— А ты сам первый чего на шары полез? — возмутился я. — Ну ладно, все целы, давайте выбираться, идти куда шли. К Сидоровичу.

— Если мы на ровном месте себе приключение такое нашли, то что будет, когда найдем Сидоровича? — Юзик и его товарищи были сильно недовольны.

Но тут из леса вылетел Бруно и поднял такой оглушительный лай, что разговаривать дальше было невозможно, мы друг друга не слышали. Пес радовался, прыгал, норовил всех облизать и обязательно в лицо. Потоптавшись еще немного, чтобы окончательно унять дрожь в коленках, мы двинулись в путь. К Сидоровичу.

Первым его заметил Ыду. Он забормотал и стал тыкать пальцем куда-то в лес слева от дороги. Я присмотрелся и увидел там странного человека. Он стоял, вернее, топтался на одном месте и несуразно махал руками. Когда мы подошли поближе, увидели, что у него нет оружия, и стало понятно, что это за человек. Я, конечно, читал о них в книжках, и в кино они тоже очень похожие были. Это был зомби. Я думал, что он должен сразу кинуться к нам, чтобы съесть мозг, но он к нам не кинулся. К нему первым подошел Бруно и стал подпрыгивать, пытаясь лизнуть в лицо. А тот даже сделал движение, словно хотел погладить собаку.

Видимо, это был мирный зомби, не то что местные люди. На нем болталась оборванная военная форма. Наверное, до того как озомбеть, или как называется процесс, когда человек превращается в зомби, он был военным. Так вот, этот зомби поиграл с Бруно и потом, уже глядя на нас, сделал такое движение, словно зовет идти с ним. Оно было каким-то неловким, будто руки его не слушались. Ну, в общем, зомби никакого страха у нас не вызывал, и мы пошли за ним. Правда, Юзик уперся и сказал, что надо разделиться две группы. И он с Лесем и Витьком остались на шоссе, чтобы, если что, прийти к нам на помощь. Ну, ладно, как хотят. Мне было очень трудно все время командовать.

Зомби привел нас на большую поляну. Она была похожа не на простую поляну, а на специально расчищенное и подготовленное в лесу место. Большая квадратная площадка, а посередине — аккуратный, явно не естественный холмик, заросший травой. Вокруг этого холмика топтались такие же зомби, как и тот, что нас сюда привел. Все в потрепанной армейской форме. Наверное, это был отряд, и с ним что-то случилось. А то непонятно, чего им тут топтаться? Бруно попрыгал радостно по полянке, обнюхал всех зомби, а потом, подойдя к холмику, стал скрести его лапами. Зомби неожиданно загомонили и собрались кружком вокруг Бруно, но не злобно, а словно любопытствуя. Через несколько секунд Бруно доскребся до того, что дерн с холмика слез, и собачьи когти царапнули по металлу. Это, оказывается, была дверь, а холмик — вход в какое-то подземное помещение. Что-то тут куда ни глянь везде подземелья. Точно как в компьютерных играх.

Я попросил Юрку позвать остальных ребят, нужно было вместе разбираться, а пока он ходили, мы с Бэриком разгребли весь дерн, полностью очистив дверь. На зеленой, покрашенной военной краской двери проступила надпись. Но бессмысленная — какие-то буквы и цифры. Как открыть дверь, мы не знали. Видно было внутренний замок, но как его выломать — непонятно. Мы постучали в дверь ногами, а когда пришел Юзик, то даже попытались все вместе на нее прыгнуть, но ничего из этого не вышло. Ясно, что без специального инструмента нам эту дверь не открыть. Я расстроился. С одной стороны, интересно, а что там внутри? А с другой — жалко было этих военных зомби, они почему-то так и кружили у этого холма. Может, там для них что-то важное?

— Стой! — вдруг заорал Бэрик на одного из зомби.

Зомби понял, что Толик зовет именно его, и неожиданно неуклюжим строевым шагом подошел к Бэрику и даже изобразил, словно отдает честь. Он так смешно это сделал, ладонь не к голове приложил, а к животу, и пальцы растопырил. Бэрик не стал с ним церемониться, а протянул руку к его поясу и отстегнул с него связку ключей. И как только он углядел

ключи на поясе у этого зомби, не знаю. Военный зомби, наверное, был раньше начальником этого отряда. У него свисал один погон с левого плеча. Погон был весь одноцветный, почти зеленый, и на нем вдоль две маленькие тусклые звездочки. Я не разбираюсь в званиях, но, наверное, это был генерал.

С третьего ключа получилось. Он тихо заскрипел в замке и повернулся. Потом еще два раза. Мы с Юркой потянули на себя дверь, и она, противно визжа всеми своими петлями, распахнулась. В лицо ударил затхлый воздух. Очень неприятный.

Зомби загалдели и ринулись к двери. Мне это не понравилось, и я, не знаю почему, вдруг заорал:

— Стоять! Всем построиться! — А они, словно только и ждали команды, немедленно выстроились в три неровных ряда, как настоящие военные. — Смирно!

Ну, «смирно» у зомби тоже не очень хорошо получилось, но они стояли и пытались не шевелиться. И не рвались внутрь подземелья. Я достал из своего рюкзака фонарик и отдал его Юрке. Они с Бэриком и с собакой пошли внутрь. Юзик с друзьями должны были, если что, пойти на помощь.

Ребята вернулись через двадцать минут.

— Там какой-то склад. В основном тряпки сложены, но есть и ящики большие, не знаю, что будем делать, там темно и воняет химией.

И тут мне пришла в голову идея. Я подошел к строю зомби и отыскал того, у которого были ключи. Генерала.

— Немедленно организовать инспекцию склада! — Я сказал какую-то глупость, наверное, но тот отреагировал.

Зомби вышел вперед на два шага, обернулся к своим и что-то прогундел. Я ничего не понял, он просто громко выкрикивал разные звуки, похожие на команды, но его товарищи, видимо, все поняли. Из строя вышли три ободранные фигуры и со своим генералом отправились в склад. Через секунду там загорелся электрический свет. Вот как они могут!

— Слушайте, ребята! А ведь этот генерал наверняка был хозяином склада! — обрадовался я.

— Какой генерал? — протянул Юзик издевательским тоном. — Ты что, прапора от генерала не отличаешь? Вот уж эти городские.

— Не отличаю, ну и что? Я же не военный.

Тем временем из дверей вышел тот, который совсем не генерал, с ворохом каких-то бумажек. Он подошел ко мне и стал тарыхтеть по-своему. Он показывал мне свои бумажки, водил по ним пальцем с грязным, обломанным ногтем. Я, чтобы зомби успокоился, взял его документы. Там были какие-то длинные списки, таблицы. Еще были указаны всякие виды одежды, шапки-ушанки, вкладыши в мешки для белья... просто невероятное количество. И тут я придумал.

— Выдать личному составу новое обмундирование по полному списку! — Я понял, что из этого склада военной одежды можно зомбей прилично одеть. И, может, даже потом подружиться с ними.

Тут у зомби закипела работа. Я не ожидал вообще, что они могут вот так хорошо вдруг организоваться. Прапорщик стал что-то отрывисто кричать. Немедленно к нему пришли те самые трое, что с ним в склад ходили. Они выслушали инструкции на своем зомбином языке и быстро метнулись в подземелье. Вытащили оттуда складной стол и стул. На стул уселся прапорщик и разложил листы из пачки документов, которую он добыл на складе. Опять последовала нечленораздельная команда, и все зомби построились в очередь перед столиком. Они стали по одному подходить к прапорщику, тот прикладывал к ним сантиметр и что-то кричал в открытую дверь. Потом заставлял каждого подошедшего расписаться в бумажке. Я специально подошел посмотреть, что они там пишут. Оказалось — просто каляки-маляки какие-то. Как говорят, так и пишут. Да и на сантиметре, которым прапорщик измерял своих товарищей, все деления давно стерлись. А потом из глубины склада выбежал один из зомби и вынес ворох одежды всякой и ботинки. И вручал каждому, кто подходил к столу. Они и вправду организовали раздачу обмундирования.

Мы с Бэриком, раз уж на складе горел свет, решили посмотреть, может, там еще что-то полезное есть. Побродили вдоль стеллажей и в итоге обнаружили мешки с перловой крупой и еще несколько ящиков с гранатами. Я не знаю, как они по-настоящему называются, я их лимонками называл.

В общем, мы решили: снаряжать зомби — так снаряжать. Я сказал их прапорщику, раз он такой понятливый, чтобы раздал своим солдатам по две гранаты и по пачке крупы. Я специально принес одну гранату, пакет с крупой, а рядом с мешками еще лежала куча бумажных пакетов, и так доходчиво показал — каждому две гранаты и один пакет. Тот понял.

В общем, через час на поляне стоял хорошо одетый, построенный взвод, или как там называется отряд военных, из тридцати человек. То есть не человек — зомби. У каждого рюкзак с пакетом перловки и по две гранаты. Боевой отряд. Никто из нас и не сомневался, что теперь они пойдут с нами.

Глава двенадцатая

«Мармеладки»

...Хочет дядя
Мармеладки
Положить в карман пальто;
И умчаться
На машине,
Не увидел чтоб никто!
Вот такой вот
Хитрый, злой,
Дядя с длинной
Бородой!

Кирилл Авдеенко

Вместе с зомби идти было намного прикольнее. Они, хоть и военные, быстро идти не могли, так что мы продвигались не спеша и не уставали. А зомби старались идти строем, не нарушать его, и внимательно смотрели по сторонам. Они для нас были как те камешки, которые надо бросать вперед. Они сами находили опасные места и сами выбирали дорогу. Только на перекрестках надо было им объяснять, куда мы идем. Место, где сегодня должен был быть этот Сидорович, судя по карте, находилось в лесу. И вправду скоро нашлась узкая тропинка, которая уходила влево от дороги в негустой сосновый лес. Она привела нас на большую поляну, на которой стояла мрачная хибара. Карта не врал. Видно было, что внутри кто-то есть. Из окошка шел легкий свет, как от слабой лампочки. За хибарой на поляне стоял громадный сарай, видимо, там раньше держали коров или свиней. Их же раньше всегда держали.

Дверь в дом тихонько скрипнула, и я медленно вошел внутрь. Пахло старым сигаретным дымом и машинным маслом, как в автомастерской. Посередине комнаты стоял еле видный в сумраке стол, за которым сидел толстый дядька в сером свитере. Он перебирал какие-то бумаги. Наверное, это и был тот самый Сидорович. Он лениво поднял глаза, которые сверкнули в свете лампы.

— Ты, пацан, откуда, бля? — спросил он злобно.

Сидорович, похоже, удивился. Действительно, детей в Зону, насколько я знаю, никогда не пускали.

— Здравствуйте. Мне нужен Стрелок, — вежливо сказал я.

— Не говори, бля, ерунды, пацан. Какой Стрелок? Ты как сюда, японский бог, вообще попал?! — Сидорович вдруг заорал, как больной.

Какой-то он был невежливый.

— Я пришел, вернее, мы пришли, — объяснил я.

— Кто мы? Ты с отцом, что ли, пришел? Не устраивай тут детский сад, позови его. Здесь детям не место! Зови сюда того, кто тебя привел!

— Я с друзьями пришел, они снаружи ждут. Можете посмотреть, если не верите.

Дядька рывком поднялся из-за своего стола, подошел к окну и отодвинул занавеску, которая перекрывала нижнюю его часть. Он долго всматривался, потом оглянулся и уже тихо спросил:

— Отряд военных зомби — твои друзья? — Он спросил таким голосом, словно хотел меня обидеть.

— Нет, дядя, вы какой-то непонятливый. Мои друзья — пацаны: Толик, Груша, ну, Юзик, Лесь, Витек. И Ыду тоже наш друг. Собака чернобыльская, Бруно, это тоже наш друг. А тот отряд зомби мы просто в кампанию взяли. Они же глупые, могут пропасть.

Сидорович сел на стул, достал из тумбочки стола бутылку водки и выпил несколько глотков прямо из горлышка.

— Пить вредно, — зачем-то сказал я.

— Вредно для детей давать взрослым советы! А Ыду — это что за имя?

— А это кровососенок маленький. Мы его так зовем, потому что у него родители — кровососы. А он, может, приемный их ребенок, а может, и настоящий. Мы не знаем. Смешной пацан. Он нам помогает.

— Ладно, х... с тобой. — Сидорович опять приложился к бутылке. — Оставим твоих друзей пока в покое. Как ты вообще в Зону попал и как сюда дошел?

— Да просто, мы ночью на лодке по Припяти проплыли.

— Ага. Ночью на лодке, через пулеметные заслоны с инфракрасным наведением.

— А мы под водой и дышали через трубочку, — объяснил я ему. Он точно тупой.

— От же бисовы дети. — Сидорович ударил ладонью по столу. — Как ты можешь врать и не краснеть? А как сюда дошли? Пешком через лес?

— Нет, почему через лес? Мы по шоссе сначала шли, пока с этими, из «Долга», не встретились.

— А, вот! Наконец ты сказал хоть слово правды. Это «долговцы» вас привели, да? — обрадовался Сидорович.

— Нет, мы их... ну, застрелили нечаянно. — Мне было очень стыдно об этом говорить.

— Ну да, из рогатки. — Сидорович нехорошо засмеялся.

— Нет, у нас был автомат системы Калашникова, — объяснил я ему. Ну, он правда был тупой.

— Вы его купили в «Детском мире»? — Вот почему взрослые так уверены, что их шутки всегда смешные.

— Нет. — Я понял, что с ним надо разговаривать, как с неумным героем из мультика. — Мы нашли сначала один автомат, когда кровососы шашлык делали. Но у него не было патронов. А потом второй добыли, когда Ыду Толяна убил. Он был гад, этот Толян.

— Мальчик, ты никогда не имел приводов в детскую комнату милиции? — совершенно ехидно спросил Сидорович. — За мелкое хулиганство? Или, может, ты из театрального кружка? Признайся, блин, ты участвуешь в художественной самодеятельности?

— Нет. Просто уже милиции нет восемь лет. Есть полиция. А у них нет детских комнат. Наверное. И мы бы к вам не пошли, если бы мне не надо было бы встретиться со Стрелком.

— Так вот, пацан, послушай, ты тут приперся и навалял мне кучу... э... какашек. — Сидорович вдруг стал говорить медленно и спокойно, как наш учитель труда. — Вот ты говоришь, что вы прошли через Кордон. Потом ползоны прошли, и вам все по фиг, как огурчики, ни царапины, ни потерь. Ты еще скажи, что у тебя артефактов телега, запряженная, твою мать, кабанами. Ты понимаешь, какую пургу несешь? Каждый второй

сталкер через три дня в Зоне погибает — или мутант сожрет, или попадет в такую «жарку», что... а вы тут... Пацан, говори правду!

— Во-первых, ребенка ни один монстр Зоны не тронет, — начал я.

— О! Умник! Ты сам это придумал, или тебе кто сказал? — перебил дядька.

— Нет, не сам, мне это бюрер сказал!

— А!!! — заорал Сидорович. — Ему бюрер сказал! Какой, нахх, бюрер?!

— Дядя не ругайтесь. Я тоже могу послать по матери, я эти слова не хуже вас знаю, только не использую. Бюрер был очень хороший, он мне рассказал, как в шахматы играть.

— В какие шахматы?... — застонал Сидорович.

— В четырехмерные.

Сидорович взял бутылку, она была еще почти полная, и высосал ее всю, прямо как пиявка.

— Так, — сказал он нетвердым голосом. — Ты что, можешь привести сюда черныбыльского пса и типа почесать ему живот?

— Нет. Не могу. Он так громко лает, что закладывает уши. А еще он дикий, никогда не был в доме, может испугаться и сделать лужу. Все щенки от страха писаются.

Сидорович сильно потер лицо руками и уставился на меня.

— А зомби? Они просто так за вами шли? — все таким же противно-вопросительным тоном спросил он.

— Нет, как можно просто так? — терпеливо отвечал я. — Они по команде.

— Так, пацан, уже смеркается, мне надо поспать. Ты мне весь торг уже перепортил.

— Как это перепортил? К вам никто не приходил, — обиделся я. Не люблю, когда мне так вот просто в глаза врут.

— Ты, что думаешь, ко мне кто-то придет, когда у меня такой цирк возле хаты собрался? Спать. Завтра поговорим. Детей в дом, собаку на цепь, зомби в хлев, — сказал Сидорович, и его голова упала на стол. Он сразу сильно захрапел.

Я вышел во двор, с порога пожал плечами и позвал пацанов. Я пересказал им разговор с Сидоровичем. Мы заглянули в сарай, а там стояла такая вонища, что не то что спать, пять минут высидеть было невозможно. Ну, мы решили так, конечно, взвод зомби никуда не денешь, пусть им Ыду объяснит, что надо лечь спать где-то снаружи. Ыду попрыгал к зомби — объяснять. Конечно, Бруно никто не стал привязывать, тем более и цепи никакой не нашлось. Поэтому мы решили его взять в дом — неизвестно, что этот Сидорович пьяный может устроить ночью.

Юрка собаке строго сказал «Молча-а-ать!», Бруно написал от страха на траву, но, наверное, понял. Мы осторожно вошли в дом, Бруно сразу же залаял, как ненормальный, и украл со стола у Сидоровича кусок хлеба. Но тот даже не проснулся. Мы тихонько, даже не перешептываясь, чтобы не мешать Сидоровичу, устроились на ночлег.

Правда, сразу заснуть не удалось. Зомби почему-то долго не могли успокоиться, они бубнили во дворе гундосыми голосами. Пришлось выйти и устроить им строевые занятия. Типа «шагом марш», «левое плечо налево». Они все равно двигались несуразно, но, походив минут десять, устали, успокоились и устроились спать прямо на траве. Станные они, конечно, эти местные взрослые.

Утром я проснулся от запаха яичницы. Сидорович жарил ее на электрической плитке в углу возле окна. Она так пахла, что у меня даже слюни во сне потекли. Дядька заметил, что я смотрю на него, и сказал:

— Ну что, первопроходец, голодный? Давай своих буди, будем завтракать. — Он разговаривал совершенно не так, как вчера, а как нормальный человек.

Оказалось, что яичница у хозяина вкусная, он ее на сале делал, пахучем таком, с прожилками мяса. И хлеб был очень вкусный, Сидорович сказал, что хлеб у него домашний. Потом, когда все наелись и уже пили чай, Сидорович спросил:

— А вы, пацаны, когда в Зону пришли? Сколько дней назад?

Ну, я ответил, посчитав на пальцах, когда мы по речке прорвались.

— Да, странное дело. Именно тогда в Зоне лето началось. А ведь столько лет одна осень была. А что, и вправду ни одна тварь вас не обижала? — спросил дядька, прихлебывая чай из стакана в подстаканнике.

— Ну как не обижала? Один Толян чего стоил, — ответил Юрка.

— Толян — это кто? — поморщился Сидорович.

— Ну, я же вчера рассказывал, — сказал я, подумав, что вот что значит быть пьяницей — все забываешь. — К нам сталкер пристал, Толян его звали. Почти в том самом месте, где мы в Зону вошли.

— Сталкер? На севере Зоны? И его Толян зовут? — скривился дядька, словно чай был соленый. — Как он выглядел?

— Ну, такой, куртка кожаная, спортивные штаны, кроссовки крутые, — стал вспоминать я.

— У него еще цепь на шее золотая была, толстая, красивая, — встрял в разговор Юзик.

— Ясно, какой-то сопляк, которого и бандиты даже не приняли. Шестерка бродячая, — закивал Сидорович. — А я про настоящее отродье спрашивал. А как вы обходили аномалии?

— Ну... Сначала чуть не влипли, — сказал Грушевский. — Меня Толян послал вперед, и я попал в какую-то гадость, так что с места сдвинуться не мог. Ыду меня вытащил.

— Ыду — это кто у вас? Я не очень помню, что вы вчера рассказывали. — Сидорович втянул голову в воротник свитера, как черепаха.

— Ну, мальчик маленький, его кровососы усыновили, — пояснил Толик. — Он спать захотел вместе с Бруно, и его тут нет. Но надо ему, может, яичницы оставить?

— Кстати, и собаку покормить надо! — всполошился Юрка.

Юзик только хмыкнул злобно.

— Ну, возьми, там в холодильнике кости лежат в морозилке. Отнеси. И яичницы на тарелке своему приятелю отнеси, — сказал хозяин.

Я только сейчас заметил, что у него в комнате стоит громадный холодильник.

Когда Бэрик ушел кормить Ыду и Бруно, Сидорович продолжил допрос:

— Так, говоришь, и аномалии все вы обойти можете, и твари вас не трогают, да? Ты точно уверен?

— Ну, мне так бюрер сказал. — Мне уже надоело объяснять.

— Ну да. Ну да, — протянул Сидорович. — А в Зоне что тебе надо?

— Я тоже уже говорил, Стрелка ищу.

— Ну, Стрелка многие ищут, — хмыкнул дядька. — Я могу помочь. Но не за просто так.

— А за как?

— Мне надо одну штуку из леса принести. И раз вы тварей не боитесь, вам это плевое дело.

— И что потом? — Ну почему он не мог сразу все сказать, тянул, строил из себя важного.

— Потом я скажу, где искать Стрелка. Я, пока вы за хабаром ходить будете, кое-что поразузнаю.

— А далеко идти? А если не найдем? — Мне это все не понравилось.

— Да что там искать? Делов-то. Я вот что думаю. Пойдешь ты, — засмеялся непонятно чему Сидорович и ткнул пальцем в Грушевского, — и тот, что пошел вашего мальчика кормить. Ну и понятно, мальчика и собаку возьмете.

— Бэрик? Может, и я с ними? А зомбей куда? Они, когда без дела, сильно расстраиваются.

— Да, зомбей возьми, они мне тут точно ни к чему, — замахал руками дядька. — А ты — останешься здесь с друзьями. Зачем всем вместе ходить? И по лесу сложнее толпой идти, и мне спокойней будет, что вы хабар сюда принесете, а не уволочете кому другому. Знаю я вас, — совершенно цинично добавил он.

Тут как раз вернулся Бэрик. Он выслушал от меня все, что сказал Сидорович, тот хмыкал и кивал головой.

— Что платите? — неожиданно спросил Бэрик.

— Ну как, я же вам скажу, где найти Стрелка, — в голосе Сидоровича слышалось сомнение.

— Это ты Андрюхе Малахову рассказывай! Я что, не понимаю, что ты что-то ценное хочешь от нас, чего другие сталкеры не достанут, так ведь? — Только меня просто потряс, он оказался таким проникательным.

— Малахов — это кто? — почему-то встревожился Сидорович. Но Бэрик не ответил.

— Это я Малахов, — сказал я.

— Вот как... — Дядька почему-то показался недовольным.

— А что такое? — спросил я.

— Да нет, просто не знал, что он про тебя говорит, — кивнул на Толика Сидорович. — Так идете? Ладно, я заплачу вам тысячу.

Бэрик отвернулся, чтобы скрыть улыбку до ушей. Тысячу! Это же просто сумасшедшие деньги. И вправду что-то важное надо было этому Сидоровичу найти.

— Короче, парни, вот смотрите. — Сидорович порылся в ящике своего стола и достал кусок бумаги с нарисованной картой. — Вот здесь, тут даже координаты написаны, есть одна фигня. Типа как огонек от зажигалки горит. Надо его взять и принести ко мне. Идти туда часа три. ЖПС, который в Зоне работает, я вам дам, вернуть не забудьте. Договорились?

— А как же огонек нести, палку поджечь? — спросил Юрка.

— Я дам вам контейнер, он там себя прекрасно будет чувствовать. — Дядька поднялся со стула и пошел к шкафчику, висящему на стене.

Он открыл дверцу и достал оттуда цилиндр, похожий на термос из нержавеющей стали.

— Вот держите. И еще. — Сидорович протянул гаджет. Я понял, что это и был ЖПС. — Его просто включите, и он вас сам доведет куда надо.

Я вышел проводить Юрку и Бэрика. Ёду, как всегда, был весел, а Бруно словно почувствовал, что сейчас надо куда-то идти, прыгал вокруг и лаял как бешеный. Сложнее было с зомби. Во-первых, их нужно было накормить перед дорогой. Хотя они и тащили каждый в своем ранце крупу, которую мы нашли на складе, но сварить кашу они же не могли. Некоторые уже, кстати, стали жевать сырую перловку.

В общем, мы объяснили Сидоровичу, он нехорошо выругался и стал разводить во дворе костер. Он поставил на него громадный чан, налил туда, наверное, с пару ведер воды, и когда она закипела, мы заставили каждого Зомби положить туда по горсти крупы. Ну, чтобы правильно отмерить. Пока каша варилась, Сидорович все бубнил, что так мы до вечера не соберемся. Но на самом деле Толик с Юркой и все остальные отправились где-то через час. Времени до вечера было еще много.

Юзик сказал, что они с пацанами пойдут погулять вокруг дома Сидоровича. Тот подробно им рассказал, куда можно идти, а куда нельзя. И сказал оставить оружие, потому что могут прийти сталкеры с хабаром, а они не очень любят незнакомых детей с оружием. Юзик не стал возражать. Я думал, посижу тут, поговорю с Сидоровичем, попытаюсь у него хоть пару слов о Стрелке узнать. Но тот уткнулся в какие-то свои толстые тетрадки и все время что-то считал на калькуляторе. Говорить со мной не стал. Сказал только: «Не мешай, мальчик» и даже глаз не поднял.

Глава тринадцатая

Кто сказал, что мы подрались?
 Мы не дрались, а боролись.
 Правда, мы чуть-чуть кусались,
 И щипались, и кололись.
 Правда, мы друг друга мяли,
 И бодались, и лягались.
 Нас, конечно, разнимали.

Мы, конечно, упирались.
Кто сказал, что это драка?
Правда, он мне руку стиснул,
Правда, я чуть-чуть заплакал,
Правда, он немного взвизгнул.
И расстались мы, поссорясь.
И так сердце громко билось.
Но сначала мы боролись —
Драка после получилась.

А. Кушнер

А за порогом вовсю светило солнце. Было совсем тепло. Недалеко от дома Сидоровича стоял огромный стог с сеном, непонятно, откуда он взялся и зачем был нужен. Впрочем, как и все остальное в Зоне. У Сидоровича не было ни коров, ни лошадей. Ну, мне-то что за дело до этого? Стог нагрелся на солнце, и так прекрасно пахло сеном, что у меня даже голова на секунду закружилась. Я обошел стог и завалился в сено с той стороны, где была тень.

Травинки неприятно кололись через рубашку, по лицу и рукам ползали всякие мошки. Кто сказал, что в сене здорово валяться? Все царапается, кусается, щекочет и противно жужжит. Но все равно было мягко, и я стал смотреть на небо. Там верещала маленькая птичка. Я прищурился, пытаюсь найти ее среди голубизны. И в конце концов увидел. Птичка летала прямо у меня над головой и не очень высоко. Странная была эта птичка. Мне показалось, что у нее нет крыльев, а крутится винт на спине, как у маленького вертолета. Время от времени птичка-вертолетик распадалась в серое туманное облачко, а потом опять собиралась в вертолетик. Но это было так странно, словно голова улетала куда-то далеко-далеко.

Сильный удар в челюсть перевернул меня, и я уткнулся лицом в сено.

— Ну что, сученок городской, попался!!! — заорал мне прямо в ухо знакомый голос.

Я не понял, почему «сученок» и почему я попался. Я поднялся на ноги, кажется, мне разбили нос. Но тут я опять получил удар под дых, да так подло, я ведь держался за лицо и ничего не видел. Я скрючился, пытаюсь хоть как-то отдышаться, но все равно смог увидеть, что рядом стоят деревенские: Юзик, Витек и Лесь.

Юзик схватил меня за шиворот и заставил встать. Даже на ногах я еще не мог распрямиться после удара в солнечное сплетение.

— Вы чего, ребята? — прохрипел я, задыхаясь.

Но Юзик пнул меня в грудь ладонью, и я опять упал в сено.

— Послушай, пидор городской, хватит! Ты тут повыпендривался, теперь власть поменялась. — Юзик навалился на меня и придавил грудь коленом.

— Ты о чем? — Я, конечно, врал. Я знал, о чем он. — Мы же вместе!

— Вместе мы будем, как поделим клад. А пока ты, городской, будешь слушать, что я тебе скажу!

Лесь и Витек схватили меня за руки и потащили по траве к забору. Я попытался закричать, но, видимо, они заранее все продумали. Юзик сразу засунул мне в рот какую-то грязную тряпку. Она была мокрая и воняла какашками.

Пацаны подтащили меня к самому забору, где было выломано несколько досок. Выволокли меня за руки за забор, там вплотную прилегал лес. Я выворачивался, но Юзик меня все время бил ногой в живот и по спине, чтобы я не дергался.

Они остановились у большого дерева, наверное, это был дуб. Бросили меня на кучу листьев и подгнивших коричневых желудей. Юзик связал мне ноги веревкой. Где он взял ее, не знаю, и они подвесили меня вверх ногами.

— Пацаны, вы чего, озверели? — Я совершенно не ожидал от них такого коварного нападения.

— Коды для Стрелка говори. Иначе тут тебя сейчас поджарим.

— Да вы что? — У меня в голове все перепуталось. — Вы не поняли, Стрелок просто по той карте все покажет. Но только мне.

— Ты же сам про коды говорил! Не парь нам мозги! — Лесь ударил меня кулаком в нос. По лбу потекло теплое и липкое.

А тем временем Витек и Юзик что-то делали на земле. Я откинул назад голову и увидел — они складывали костер.

— Пацаны, не делайте этого, я все скажу.

— Ну, говори, давай! — Лесь опять меня ударил.

— Сто сорок, девятнадцать, сорок семь и потом шесть. — Я ляпнул первое, что мне пришло на ум.

— А теперь повтори. — Юзик осклабился, как бешеная собака.

— Сто сорок, девятнадцать, сорок и шесть, — я повторил. Как помнил.

— Ясно, врешь. — Юзик довольно хмыкнул. — Жгите его, пацаны.

Они стали клацать зажигалкой, но огонь не занимался. Ветки были сырые.

— О, слышь, ребя, я бумагу нашел! — заорал Витек. — Тут какие-то газеты подшитые валяются.

— Самое то, — обрадовался Юзик.

Я не видел, что они нашли. Кровь мне залила глаза, и мозги словно в тисках придавило, все кругом плыло в красных пятнах.

— Ук-ри-ни-ан ви-ре-лес невис. — Юзик с трудом читал название газеты. — Тысяча девятьсот тринадцать. Тут не по-нашему написано. Типа как в селе на уроках английского.

— Вот урод, — только и смог я сказать. Хотя понимал, что лучше вообще ничего не говорить.

— Сейчас ты узнаешь, кто урод, а кто козел городской! — Юзик зашелестел подшивкой, разворачивая ее так, чтобы побольше страниц торчало наружу. Прямо под моей головой.

Огонь, вместо того чтобы заняться в развороченных бумажных листах, вдруг поник, а потом от него остался только слабый дымок. Лесь наклонился, чтобы раздуть огонь снова, но внезапно схватился за голову и с криком побежал прочь. Его друзья сначала посмотрели на него с удивлением, а потом так же, как и Лесь, схватились за головы и побежали вслед за товарищем. А со мной тоже стало происходить что-то странное, что-то подхватило меня и подняло над землей так, что голова уже не болталась вниз, а я словно плавал в воздухе. Веревка на ногах, громко хлопнув, разорвалась, и я мягко опустился рядом с деревом.

Напротив меня стоял бюер. Он поблескивал глазами из-под капюшона и что-то ворчал. Может, этот был тот самый, которого мы встречали в подземелье, а может, и нет. Они были все одинаковые, эти бюеры. Карлик побурчал-побурчал и ушел в лес. Странно, что он стал меня спасать. Хотя бюеры еще тогда с Юзиком не ладили.

Я долго сидел и приходил в себя, ждал, пока прекратит кружиться голова. Во-первых, я не думал, что деревенские так сильно меня ненавидели, а потом, не ожидал, что они готовы за этот самый клад человека убить. Они ведь точно меня бы сожгли, если бы костер загорелся. Ведь если они собаку убили просто так, то почему бы им не убить человека за дело?

Я тихонечко обошел забор, пока не удалось найти в нем щелку, посмотреть, что делается в доме Сидоровича. А он сидел на пороге и разговаривал с Юзеком и компанией. Я решил не появляться, пока не вернутся Толик и Юрка, тем более что у меня не было никакого оружия.

Толик подошел со спины так незаметно, что, когда он положил мне руку на плечо, я чуть не подскочил.

— Что ты там высматриваешь? — еле слышно спросил он.

Я так же тихо, почти шепотом, рассказал ему о том, что случилось.

— Вот паскуды, — хмыкнул Бэрик. — Ничего, сейчас наведем порядок. Давай мы...

— О, ребята наши вернулись, — обрадовался Сидорович, увидев, как, комично чеканя шаг, к его домику приближается взвод зомби. Впереди шли Толик с Грушевским, а сзади, дурачась, шел Ыду, ведя на поводке Бруно. Чернобыльский пес был в прекрасном расположении духа и все время пытался ухватить за штанину зомби из последней шеренги.

Юзик с приятелями сделали вид, что тоже очень обрадовались, вскочили и замахали руками, прямо как в кино.

— Ну что, добыли? — сразу перешел к делу Сидорович, когда ребята подошли к крыльцу.

— А где Андрей? — спросил Грушевский. — Он с вами договаривался, при нем и отдадим. Нашли, конечно, делов-то!

Юрка говорил так, словно он уже лет сто ходил по Зоне за артефактами и ни разу не ошибся.

— Ну, он прогуляться пошел, сказал, что потом догонит, когда пойдем дальше, — не смущаясь, соврал Юзик.

— А куда пошел? — не отставал Юрка.

— А туда! — Лесь махнул рукой в направлении, совершенно противоположном тому, где меня вешали на дереве.

— Давайте скорее «огонек»! Он не может долго в контейнере, протухнет, — потребовал Сидорович.

— Без Андрюхи не отдам! — жестко сказал Юрка. — Пусть они Малахова приведут.

— Ну, так пойдите, найдите его. — Дядька посмотрел на Юзика. — Я думаю, он где-то рядом.

Юзик и Витек так лениво пошли, вроде как меня искать. Когда они скрылись за домом, я решил, что ждать больше не стоит, и вылез через дырку в заборе, через ту самую, в которую мы вышли в лес.

— О, вот и сам нашелся, — обрадовался Сидорович. — А откуда у тебя автомат?

— Лежать! — Я заорал и навел оружие на Лесья.

Тот сразу понял, что влип, и без слов упал животом на траву.

— Ты чего взбесился? — спросил меня Сидорович.

— Это наши дела. — Я не хотел ничего Сидоровичу объяснять. — Где Стрелка найти?

Я посмотрел на Юрку и кивнул, мол, отдавай артефакт. Юрка отстегнул от пояса контейнер и протянул его дядьке.

Сидорович открыл контейнер, хмыкнул удовлетворенно и сказал:

— Ребята, а зачем вам клад? Вы со мной за месяц столько заработаете, что...

— Где Стрелок? — спросил я, стараясь вложить в голос как можно больше металла.

— Ладно, ладно, ваше дело. — Сидорович изобразил на лице согласие. — В баре «300 жаб», там он обычно бывает.

— Забейте в ЖПС. — Юрка протянул Сидоровичу прибор, который у него и получил.

— ЖПС денег стоит, — начал дядька.

— Мы вернем, а артефакт вам поможет много новых купить. — Я не намерен был отступать.

Видимо, денег за «огонек» Сидорович и вправду собирался получить много, потому что спорить не стал. Пока он возился с ЖПС, я подошел к лежащему Лесью и сказал:

— Вас вообще надо всех пристрелить, как предателей. Но мы не такие, как вы. Валите со своими дружками домой и рядом с нами больше никогда не появляйтесь.

Я пошел в дом и забрал наши вещи, которые там оставались, — мой рюкзак и оружие.

— На, возьми. — Я кинул Лесью спас-жилет и нож. — Больше ничего не получите, выбирайтесь сами.

Сидорович смотрел на меня, как на ненормального, но ничего не стал объяснять.

— Пошли, ребята, — сказал я Бэрику и Груше.

— Как пошли? — Бэрик аж покраснел от обиды. — А тысяча где? Где тысяча? — повторил он, глядя на Сидоровича.

— Дети, нельзя быть такими жадными! — назидательно сказал Сидорович. — Вы же «огонек» принесли не очень качественный.

Бэрик, ни слова не говоря, передернул затвор своего автомата.

— Вот же дети нынче пошли, — почти спокойно сказал Сидорович. — Чуть что, за оружие хватаются. Это все потому, что вы книжки не те читаете. Все потому, что новая мода пошла у вас там книжки дурацкие печатать. Каждый о своем пишет, и каждый пишет хрень. Вот в мои времена хорошо было. Книжки сериями печатали, не прыгали от сюжета к сюжету, а писали все об одном и том же.

Я понял, что Сидоровичу совершенно все равно, какие мы книжки читаем и что там кто печатает. Его рука, пока он заговаривал нам зубы, медленно тянулась к кобуре. Но Бэрик тоже был не дурак, он демонстративно поднял ствол автомата на уровень дядькиных глаз. Сидорович, даже не запнувшись, сделал вид, что он просто хотел достать из кармана деньги. Он вытащил несколько купюр и протянул мне, не отрывая взгляда от Толика.

Мы ушли, закончив последнее дело, ЖПС показывал направление на юг, туда же шла дорога от дома. Зомби зашагали за нами без всякой команды, а Ыду вообще был совершенно счастлив, он все это время играл с Бруно. Хоть уже давно перевалило за полдень, солнце грело из всех сил. Я снял майку и завязал ее на голове, как бандану. Толик и Юрка посмотрели на меня и сделали то же самое. Так и топали мы по Зоне, греясь под летним солнышком.

Мы шли примерно два часа, а потом и ребята, и Ыду стали притормаживать, Бэрик намекнул, что пора бы сделать привал. Оно и понятно, это я никуда не ходил, а на дереве висел, как Буратино, а ребята ходили за артефактом и обратно.

Хорошо, что мы сразу научили зомби слушаться. Особенно четко они выполняли команду «делай, как я». Вот и сейчас Толик показал, как надо собирать ветки для шалаша и костра, и две команды сейчас же зашуршали в лесу, довольные тем, что они нам помогают.

Костер уже отлично разгорелся, на пригродке стояла палатка, рядом шалаш, большой, как дом. Зомби лопали свою кашу, а мы прикончили предпоследнюю банку тушенки и пили чай. Все равно завтра в баре мы и еду добудем, и я с отцом встречусь. И потом все будет хорошо.

Глава четырнадцатая

«Крокодилова улыбка»

Вчера Крокодил улыбнулся так злобно,
Что мне до сих пор за него неудобно.

Рената Муха

Ночью меня разбудил неприятный звук. Словно кто-то шуршал бумагой и при этом еще что-то шептал. Я сначала подумал, что Бэрик с Ыду в шалаше шебуршатся, но потом понял, что звуки доносятся с другой стороны. Я осторожно, так чтобы не разбудить Юрку, расстегнул полог палатки. Посреди поляны у костра в наших рюкзаках рылись три человека. Я их сразу узнал даже в полумраке ночи. Бруно дрых у входа. Он ведь, собака, в конце концов должен был шум поднять! А зомби вообще спали без задних ног. Я, стараясь не издать ни звука, подтянул автомат из глубины палатки и, взведя его, выпустил в небо очередь. Бруно заголосил так, словно я в него попал, Юрка вскочил и чуть не снес головой палатку. А пацаны, которые рылись в наших вещах, с перепугу попадали на землю. Только зомби спали как ни в чем не бывало.

Я взял фонарик и, не выпуская из рук автомата, пошел к догоревшему костру.

— Вставайте, не бойтесь, не пристрелю!

Деревенские, щурясь в свете фонарика, медленно поднялись.

— Что, поживиться решили? — Я был очень злой.

— Так эта, — промямлил Витек, — жрать нечего.

— Раньше думать надо было. Проваливайте. Домой идите. Лодка небось до сих пор там валяется.

— Да куда мы в ночь, ты совсем озверел? — возмутился Юзик.

— Вот вам банка тушенки, последняя у нас. — Я достал ее из рюкзака, который они еще не вывернули. — Переночуете здесь, у костра. Утром чтобы я вас не видел. Собаку спущу.

Утром на поляне никого не было. Мы, наскоро перекусив одним чаем и кашей для зомби, приготовились идти. ЖПС показывал, что место, где находился тот самый бар «300 жаб», примерно в часе ходьбы. На самом деле только через два часа мы вышли к маленькому поселку в несколько домиков. Ближний к лесу и был тот самый бар. Я так думаю, что раньше в этом доме был не бар, а, скорее, сельская администрация. Он располагался в добротной одноэтажной постройке с толстыми кирпичными стенами. И железная дверь на невысоком пороге никак не подходила для питейного заведения. Мы остановились недалеко от бара в лесочке, который вплотную подходил к домам. Не хотелось раздражать местных видом наших товарищей по Зоне. Мало ли как тут относятся к зомби-командам и чернобыльским собакам. В бар для начала должен был пойти я один. Во-первых, никакой опасности там не было, во-вторых, одному, наверное, больше поверят.

Дверь в бар была такая скрипучая, что мне показалось, даже птицы в лесу испугались и притихли. И уж точно все, кто сидел внутри, повернули головы в мою сторону. Пахло запахом еды, алкоголя и сигарет. Помещение было освещено желтым светом слабых лампочек. Но даже этих лампочек хватало, чтобы рассмотреть пол. Он был дощатый, много раз крашенный коричневой краской, и на стыках доски протерлись настолько, что казалось, можно провалиться в щели.

— Это что за клоун? — услышал я голос откуда-то справа.

Я не обернулся, а спокойно подошел к стойке. Полы скрипели так, словно нарочно пытались привлечь ко мне всеобщее внимание. За стойкой протирал стакан бармен — высокий худой дядька. Он был небритый и в общем-то не очень опрятный.

— Пепси и жвачку не завезли, детка! — сказал он, глядя поверх моей головы, хотя я ничего и не спрашивал.

— Я Стрелка ищу, — сказал я, не реагируя на его юмор.

— Мальчик, это что, шутка такая, подстава? Где твой папочка? — Бармен опустил глаза и посмотрел на меня презрительно.

— Мне нужен Стрелок, я сам сюда пришел, — не отставал я.

Тут кто-то незаметно подошел сзади и потянул у меня с плеча автомат. Я успел ухватиться за ремешок, но тот, за спиной, отвесил мне такую затрещину, что я выпустил оружие и чуть не упал на стойку.

— Что тебе нужно, повтори? — спросил тот, что меня ударил.

Я повернулся. Это был невысокий мужчина в старых камуфляжных брюках и майке защитного цвета. На шее у него болталась цепочка из шариков с каким-то жетоном. Несмотря на то что я струхнул, я очень хорошо его рассмотрел.

— Стрелок. Он мой отец. — Я решил сказать правду.

Дядька размахнулся и дал мне пощечину. Во рту сразу стало солоно.

— Иди-ка скажи тому, кто тебя послал, что затея провалилась. С Зоны выдачи нет! — злобно сказал мужик. — Стрелка здесь тоже нет. И детей у него никогда не было.

— Я сам... — начал я, но дядька взял меня за шиворот, приподнял так, что ноги у меня чуть не оторвались от пола.

— Или нет. Зачем нам прислали такого хорошенького мальчика? — спросил он, глядя мне прямо в глаза и ухмыляясь. Я увидел, что зубы у него были совсем гнилые. — Мы

сейчас им наглядно объясним, чтобы больше не присылали... Эй, Загребень, поддержи автомат, я помогу мальчику раздеться! — крикнул дядька куда-то в зал.

У меня зазвенело в ушах. Раздался громкий гогот, задвигались стулья. Дядька одной рукой сгреб меня за волосы и пригнул головой почти к самому полу. Я почувствовал, что меня дергают за штаны, вывернулся и изо всех сил укусил вонючую жилистую руку.

— Ах, ты, сучонок! — заорал дядька, но я уже вырвался и бросился к двери.

Я ткнулся головой в чьи-то колени, увернулся, налетел на стул, отшвырнул его назад и выскочил из бара. Помчался в лес, размазывая кровь, которая текла у меня по подбородку. В лесу меня ждали друзья.

— Ты чего как ошпаренный? — такими словами меня встретил Бэрик.

Тоже мне шутник.

— К черту этот бар! Снести его на фиг. Там одни сволочи, — сказал я, еле переводя дыхание.

— Да ты что? Там же люди, — удивился Толик.

— Нет там людей, — сказал я, — сволочи одни.

Я вытер окровавленную руку о штаны и командовал зомби, которые тихонько сидели на полянке и бормотали о чем-то своем.

— Отряд, стройся!

Отряд неуклюже построился, и бойцы уставились на меня, как на генерала.

— Всем взять в руку по гранате! — приказал я.

Зомби немедленно сняли свои рюкзаки и достали оттуда гранаты. Но я знал, что им надо обязательно все подробно вдолбить. Они хоть и были при жизни военными, но пока не напомнишь, ничего не сумеют сделать.

— Действовать так! Походишь к тому дому, снимаешь с гранаты чеку и бросаешь в окно. И в дверь! За мной, шагом марш! — Зомби зашагали за мной, даже попытались идти в ногу.

У самого бара я разделил отряд на три группы: одну отправил к двери, а две других — к окнам слева и справа от входа. Потом я построил их в очередь, как в магазине, и командовал:

— По одному, гранатами, атаковать!

Зомби работали как хорошие автоматы. По одному подходили к своим целям и бросали гранаты. Видимо, у них проснулись навыки их прошлой жизни, работали они просто красиво. Подошел, швырнул, упал на землю, бабахнуло — поднялся, вернулся к своей группе. Из окон после первого взрыва полетели стекла и всякая труха. Во второй подход из выбитых окон полыхнуло пламя. А после третьего захода весь бар уже пылал, как свечка. Оттуда никто даже и не пытался вырваться. Так им, сволочам, и надо.

— Ну и что теперь? — только и спросил Грушевский, когда мы вернулись в лес. — Где теперь твоего Стрелка искать? Кто нам теперь поможет?

— А тут никто бы и не помог, — возразил я. — Ты бы знал, какие там сволочи! — И не стал больше ничего рассказывать.

— А что дальше делать? Куда идти?

— Вперед! Идти надо, искать нормальных людей.

— А хоть одного нормального встретил? — Толик даже вскочил. — Да тут только звери и мутанты нормальные, остальные — уроды. Сидорович твой тоже не в себе.

— Кстати! — меня осенило. — Ведь у нас его ЖПС! Там карта Зоны и все обозначено!

Грушевский достал из кармана гаджет Сидоровича и стал возить пальцем по экрану, пытаясь разобраться в меню. Бруно почему-то проявил невероятное любопытство и носом подталкивал Юрку под руку. Груша долго пытался вывести карту на экран, и в итоге ему это удалось.

— О! Смотрите! Мы же скоро будем тут! — Он ткнул пальцем в центр картинки.

— Где тут? — не поняли мы с Толиком.

— Ну вот, смотрите, тут отмечено, что это база «свободовцев». «Свобода» — это же знаменитые сталкеры! То есть не сталкеры, а военные! Они нормальные и нам помогут! Они же всякую нечисть из Зоны вычистить хотят. Я думаю, правильные ребята. Надо к ним идти.

Глава пятнадцатая

Тело, выведенное из состояния покоя,
Сломало стол, стул, кровать и многое другое.

Олег Григорьев

«Ученый»

В микроскоп ученый смотрит,
Видно, опыты проводит.
Дела нет ему до скуки —
Весь в работе, весь в науке.

Сергей Чертков

Вообще у меня были некоторые сомнения относительно этой «Свободы», но больше делать было нечего. Как только мы отправились в путь, меня стала беспокоить одна вещь. Саркофаг. Мы шли так, что он должен был остаться слева. И я подумал: «Неужели я никогда не подойду к нему близко?» Не знаю почему, но мне вдруг очень захотелось, ведь это же тот самый Саркофаг, в котором много лет полыхала смертельная радиация, которая и сделала зону — Зоной. Местом, где творятся невероятные, смертельно опасные дела. Сколько я читал о нем, сколько раз во всяких исторических передачах про это сооружение говорили по телику. Кроме того Саркофаг нуждается в постоянном контроле. А это значит, что там могут быть нормальные люди, ученые, инженеры, а не эти бешеные сталкеры и военные.

— Ребят, зайдем на Саркофаг? — как бы невзначай бросил я.

— Чтобы что? — не понял Юрка.

— Понимаешь, все равно мы мимо проходим, а ведь там точно люди есть. И не военные. Давай заскочим на минутку.

— Вечно тебе... — начал Толик. — А, ладно, пошли. А то до той «Свободы» еще о-го-го столько пилить.

Мы прошли до первого перекрестка, с которого можно было свернуть к Саркофагу, и двинулись к новой цели. Подходы к ней закрывал высокий бетонный забор. Что меня сразу удивило, он был новенький, словно только что побеленный, прямо с иголочки.

— Пацаны, что я говорил! Тут же нормальные люди! Видите — не развалено, все ухожено, в порядке держат. Точно, не зря мы сюда пошли, — обрадовался я.

— Ну, может быть, — буркнул Юрка. Он пока не очень радовался очередному отклонению от цели.

Мы двинулись вдоль забора в поисках ворот. Я заметил, что все наши товарищи — зомби и Ёду с Бруно — как-то не очень уверенно шли за нами, неохотно. Бруно опустил хвост до земли и жалобно повизгивал. Ёду тревожно поглядывал на Толика. Это место им не нравилось. Но раз они все равно шли, боялись, но шли, то особой опасности мы не ожидали. Мало ли чего им тут не нравится.

— Ага, в порядке держат, как же. — Бэрик вдруг остановился. — Вот, посмотрите!

На заборе красным кирпичом было написано: «Ося и Киса были тут 25.04.1986».

— Как же тут за забором ухаживают, если надписи черт знает сколько лет не закрашены? — Толик не унимался. — Это все опять Зона куролесит.

— Так что, не идти, что ли? — задал я вопрос, и он мне показался совершенно правильным. — Разве мы раньше в Зоне ничего странного не видели?

Никто со мной спорить не стал.

Очень скоро мы добрались до ворот. Это были обычные, железные, покрашенные зеленой краской ворота с красной звездой из железа, приваренной на каждой половинке ворот. Юрка толкнул створку, и она спокойно, без скрипа и рычания, открылась. К зданию Саркофага вела аккуратная, вымощенная плитками дорожка, а вокруг нее сияла изумрудная свежестриженная травка.

— Внутри вроде все прилично, пошли? — Юрка, не дожидаясь ответа, первый шагнул на территорию Саркофага, мы за ним.

А вот друзья наши из Зоны остановились как вкопанные. Даже Ыду выпустил руку Толика и застыл на входе, выжидательно глядя на нас.

— Ну ладно, не хотите — не надо, — поспешил сказать я, пока пацаны тоже не тормознули и не передумали. — Подождите нас тут, мы скоро.

Мы пошли сначала по дорожке, но оказалось, что она идет вдоль железных стен Саркофага. Мы обошли его весь, потратили кучу времени и вернулись туда, откуда начали. Никакой двери, ведущей в Саркофаг, не было.

— Ребята! — вдруг воскликнул Бэрик. — А ведь точно, ну кто полезет в Саркофаг! Там же радиация небось такая, что не протянешь и минуты. Тут должно быть другое помещение!

— А где же его искать — посмотри, ничего нет! — протянул Грушевский.

— Ага, а вон те вентиляторы — они что делают?

Бэрик, конечно, был глазастый. Действительно, вдали у забора стояло несколько кубов, наверное, металлических, и у них на торцах были видны громадные лопасти вентиляторов. Такие обычно в кино на крышах небоскребов стоят. И за ними герои прячутся, когда идет перестрелка. И можно догадаться: то, что они здесь вентилируют, находится под землей.

— Все равно должен быть вход, — недовольно буркнул Груша. — А выхода нет.

— А ты больше по дорожке ходи! Объект секретный, значит, и вход секретный! — заявил Толик. — Надо замаскированный вход в траве искать! Тайный лаз!

Я не знаю, почему Бэрик решил, что объект секретный, ничего здесь об этом не говорило. Обычно на секретных объектах стоят всякие плакаты вроде «Стой, запретная зона» или еще какие-нибудь. Но спорить я с ним не стал.

— Так давайте искать!

Груша ехидно вздохнул, но все равно пошел вместе с нами на газон. И через несколько минут мы набрали на особенное место — всюду под травой был грунт как грунт, а тут он стал прогибаться, как будто трава росла не на твердой земле, а на чем-то мягком и пружинистом. Вроде как не по земле идешь, а по деревянному настилу. Присмотревшись, мы увидели, что и цвет у травы тут немножко другой — большой прямоугольник был чуть темнее. Сомнений не было, именно тут вход. Вот только как он открывается? Мы на карачках облазили весь этот прямоугольник, и Юрка откопал что-то, похожее на крышку на пульте управления. То есть он поднял кусочек дерна, а под ним были кнопки с цифрами. На одной кнопке колокольчик нарисован, как на домофоне. Кстати, трава на самом деле оказалась не травой, а пластиковой имитацией, но очень похожей на настоящую.

Юрка, не задумываясь, нажал на «звончок». Ничего, конечно, не зазвонило, и ничего не произошло, мы подумали, что затея не удалась. Но потом вдруг этот самый прямоугольник вздрогнул, поднялся над остальной травой и съехал в сторону. Мы так и стояли на нем, когда Юрка позвонил, поэтому испугались. Просто с ног попадали. Дураки все то придумали. А если бы человек стоял на той стороне, куда эта крышка съехала? Ноги бы отрубило!

Крышка открыла бетонные ступеньки, уходящие вниз, под землю. Ну, выбирать не приходилось, тем более там все было хорошо освещено, мы друг за дружкой пошли вниз.

На стене вдоль ступенек были закреплены перила. А под потолком шли в ряд лампы дневного света. Кругом была такая чистота, казалось, что тут сию минуту только вымыли полы. Даже пахло дезодорантом, который используют в платных туалетах. Чем глубже мы

спускались по ступенькам, тем громче звучали наши шаги в гулком подземелье. Ступеньки кончились, я оглянулся и увидел, что входная дверь высоко-высоко, небо выглядело как голубенькая марка на конверте. Внизу вдаль уходил коридор — галерея, ничем по виду не отличающаяся от лестницы, только без ступенек. И тишина, и никаких признаков людей. Мы прошли метров тридцать, и там оказался отдельный коридор — ответвление галереи влево. А вот в этом коридоре через каждые несколько метров темнели двери. Но все были закрыты.

— В какую постучимся? — спросил Бэрик, почему-то глядя на меня, словно я тут родился и вырос.

— А в каждую, пока не откроют, какая разница, — ответил я.

— А вот и нет! — Юрка поднял вверх указательный палец. — Вы плохие следопыты. Надо стучать в ту, у которой снизу в щели видно свет.

Ну, вообще выбор дверей был полной глупостью, игра какая-то, но и правда свет было видно только за несколькими дверями. Мы подошли к первой и постучали. Никто нам не ответил.

— Я вот что думаю, — сказал я, — ведь по правилам хорошего поведения стучаться надо только в те помещения, где живут люди, а в учреждениях стучаться совсем не обязательно.

— Ну а чего же ты стоишь, неходишь? — как-то язвительно спросил Юрка.

— Вот, вхожу, — ответил я и нажал на ручку.

Она с легким щелчком повернулась, и я потянул на себя дверь, которая легко открылась.

— Можно? — тихо спросил я. Тишина. Я сказал громче: — Можно войти?

Никто мне не ответил, и я шагнул в помещение. И тут у меня просто глаза разбежались. Это было как в фантастическом фильме про звездолеты. Стен не было видно, повсюду стояли полки, заставленные разной аппаратурой. И все эти блоки — осциллографы и другое — были соединены между собой паутиной черных кабелей. И все гудело, мигало и попискивало. Отдельно, слева у входа, был пульт управления, и там светились три громадных монитора, я таких и не видел раньше. Они располагались рядом, под углом, как зеркала старинного трюмо, которое стояло у бабушки в прихожей в московской квартире.

— Красота какая. — Толику тоже понравилось. — Интересно, интернет есть на компе? С такими мониками классно в «МиГ-40» поиграть!

Толик подошел к монитору и стал изображать, что он управляет самолетом. Даже гудеть стал.

— Ты что, тут нельзя ничего трогать! — Юрка бросился наперерез Толику, когда тот направился к компьютеру. — Это может быть управление Саркофагом, сейчас как грохнет!

— Да я что, не понимаю? Мне только интернет нужен. Я в свой аккаунт войду, и все! — Толика несло, просто как малолетку.

— Так, прекратить! — не выдержал я. — Ты сюда на компе играть пришел? Надо людей найти, а трогать ничего не смей! Ты представляешь, что будет, если нас застукают!

— А ты на шухере постой, — предложил Толик.

— Нет, ну ты что, серьезно? — Я никак не мог ожидать от него такой глупости.

— Да ты не понимаешь. Давай посмотрим, что там в компе? Может, там «скайп» стоит или «аська»? Так можно с людьми поговорить, и идти больше никуда не надо будет. А вдруг там вообще секретные данные!

— А тебе они зачем? — Юрка не подпускал Толика к компьютеру.

— Ну как? А вдруг там написано, где находится Стрелок? — Бэрик изобразил искреннее удивление.

Врал он все, конечно, просто хотелось в компьютере поковыряться.

— Ну, ладно, давайте посмотрим. — Я подумал, что если мы узнаем, что в этом компьютере есть, то ничего плохого не случится. — Только все вместе и никаких программ не запускать.

— Ладно, только стремно все это. — Юрка тоже согласился.

На экранах всех трех мониторов крутились разноцветные спирали. Понятно, что это был скринсейвер, но как только Толик тронул клавиатуру, на экранах появились рабочие картинки. На каждом своя. На центральном мониторе висела какая-то очень сложная схема. Там была масса всяких маленьких прямоугольников с непонятными обозначениями, и все они между собой соединялись сложной сеткой линий. Прямоугольники были обозначены сочетаниями букв и цифр вроде «ИЗ-25», «АЦП-16», «Д-3-28» и еще всякими.

На левом экране мы увидели картинку с видеокамеры. Она показывала темное помещение, разделенное пополам решеткой из толстых стержней. Что находилось за решеткой, видно не было, там не хватало света. Справа на экране была тоже схема. На схеме — человек. Ну, не совсем человек, а нарисованный человеческий силуэт. И к разным частям этого силуэта тянулись линии. Около некоторых линий были нарисованы стрелочки, как будто направление сигнала.

Я догадался, что это что-то вроде медицинского компьютера. Наверное, где-то в глубине подвала лежал больной, и за его состоянием следили приборы. Никогда не думал, что тут под землей можно обнаружить госпиталь. Но в Зоне все возможно.

Тут Бэрик учудил. Он взял «мышку», навел курсор на один из блоков на центральной схеме и кликнул. На месте квадратика выскочило меню. Я не успел даже и слова сказать, а Бэрик нажал в меню «пуск».

Один из приборов, которые стояли на стойках, неожиданно пискнул. Мы оглянулись — это подал голос ничем не приметный ящик с лампочками на панели. А на правом экране картинка вдруг ожила. Направления стрелок возле некоторых линий изменились. И вдруг из динамиков компьютера раздался страшный вопль. На левом экране к решетке вылетела фигура, опутанная проводами. Туловище и голова были еще скрыты в темноте клетки, но руки вцепились в решетку и стали ее трясти. Решетка тряслась так сильно, что даже камера, которая все это показывала, зашаталась.

— Ты что делаешь! — заорал я на Бэрика.

— Да ты только посмотри, кто это! — Толик ткнул пальцем в левый экран.

Заключенный прижался всем телом к решетке. Это был кровосос.

— Здесь над ними опыты делают? — тихо спросил Юрка, ошарашенный увиденным.

— Вот сволочи. А я подумал — госпиталь. — Мне тоже было не по себе. — Надо это остановить!

— Сейчас, — сказал Толик и, уже не стесняясь, стал водить «мышкой» по схеме.

— Да ты сейчас опять как клацнешь где попало и вообще его убьешь! — Юрка схватил Бэрика за рукав.

— Не бойся, я осторожно! — Бэрик смотрел на монитор, закусив от напряжения губу.

Сначала у него ничего не получилось. После очередного нажатия на меню картинка на левом мониторе поменялась. Теперь там было изображение десятка камер и всюду клетки, разные — и большие, и маленькие, — в каждой сидели обитатели Зоны, опутанные проводами и шлангами.

— О! Вот это! — обрадовался Толик.

Очередной квадратик схемы открыл меню, где можно было на выбор «подсоединить», «отсоединить», «отсоединить все», «закрыть» и «открыть».

Бэрик не стал долго думать и тиснул «отсоединить все», а потом «открыть». Мы увидели, как с некоторой задержкой решетки поползли вверх, и из клеток ринулись пленные. Где-то в глубине подземелья взвыла сирена.

— По-моему, надо тикать, — почти по слогам произнес Бэрик.

Но тут в комнату ворвался человек и заорал:

— Марат Самойлович, у нас... — И остолбенел. — Вы откуда взялись?

— Открылся люк, и мы вошли, — спокойно объяснил я.

— Да это я открыл! Я был уверен, что это Марат пришел, я его ждал! Это вы натворили?! — Вошедший уставился на Толика, который все еще держал рукой «мышку».

Человек этот был явно из ученых — белый халат, очки, блуждающий взгляд и немытые растрепанные волосы. Не люблю я таких вот неопрятных и потерявших человеческий облик за своей работой.

— Надо срочно эвакуироваться, вы тут такого натворили... — У человека в халате от страха заметно дрожали руки.

— Это вы натворили! — прервал я его. — Вы же над кровососами издевались! А они же тоже почти люди. Они хорошие.

— Не тебе, щенок, учить меня, кандидата биологических наук, что делать с биообразцами! — заорал ученый. — Да я вас всех посажу!

Куда он нас посадит, кандидат сказать не успел. И я не успел спросить, потому что в помещение ворвался кровосос, молниеносным движением схватил ученого одной рукой поперек груди, а второй за подбородок. Он легонько двинул руками, и шея человека гадко хрустнула. Тот рухнул мешком, очки отлетели в сторону, а кровосос глянул на нас и выбежал прочь. Я подумал, что и здесь мы ничего не узнаем про Стрелка. Да и ребята это поняли.

Мы быстренько пробежали по коридорам подземелья к ступенькам. Мчались мы изо всех сил, было очень тяжело, а вдогонку нам летели вопли, звуки беспорядочной стрельбы и рев мутантов. Я думаю, справедливость в этом подземелье восстановилась очень быстро. А возле лестницы уже толпились бывшие пленники этой подземной лаборатории. Тут было несколько кровососов, какие-то странные создания, передвигавшиеся на четвереньках, хоть и похожие на людей. Они все собрались у лестницы и смотрели наверх, где в вышине было видно закрытый люк.

— Они же не могут отсюда выйти! — догадался Юрка.

— Не могут, а мы можем? Как выбираться будем? — спросил я.

— Я знаю! — ответил Бэрик. — Обождите!

Он побежал по коридору в ту комнату, где был компьютер. Через мгновение после того, как Толик нырнул в лабораторию, люк вверху сдвинулся в сторону. Пленные ринулись на волю.

— Ты что, так быстро на компьютере нашел, как открыть входной люк? — спросил я Толика, когда он вернулся.

— Конечно, я вообще любой комп могу взломать за пятнадцать секунд, — гордо сообщил Бэрик.

— Но ты там и пяти секунд не был! — воскликнул Юрка.

— Да ладно, пацаны, — засмеялся Бэрик. — Там у двери висела трубка телефонная. Ну, домофон обычный.

Юрка показал Боровику кулак, и мы побежали по ступенькам наверх.

Глава шестнадцатая

«В подводной лодке»

За окном сегодня сыро,
Словно спальня под водой.
А в окне — кусочек сыра —
Это месяц молодой.
Дождик ласковый и кроткий,
Потому что он ночной.
Я сижу в подводной лодке —
Наслаждаюсь тишиной.
Кап-кап-кап, простые звуки,
Тихий шум по мостовой.
Я шепчу: «Задраить люки!»,

Накрываюсь с головой.
Форма — теплая пижама —
Капитану греет грудь.
Все. Спокойной ночи, мама,
А точнее: «В добрый путь!»

Юлия Лесная

Мы шли быстро, как только могли, уж очень противно было на душе после визита в Саркофаг. А вдруг туда придут какие-нибудь спасатели и узнают, что мы во всем виноваты? Хотя мне кажется, что во всем, что здесь, в Зоне, с нами происходит, виноваты не только мы. И зомби почти бежали, похоже, им тоже хотелось поскорее отсюда убраться.

Дорога была сегодня совсем плохая. Когда-то давно по ней ездили грузовики и легковушки, а теперь сквозь потрескавшийся бетон лезла трава и тонкие нитки вьюнка с белыми колокольчиками. И хотя на карте эта дорога была обозначена как нормальное широкое шоссе, она постепенно исчезала, скрывалась под зеленью и ползучими растениями. Мы не заметили, как нас окружил мрачный и влажный лиственный лес. Исчез ставший привычным запах хвои, на смену ему пришел дурманящий цветочный аромат. Зашелестела листва, резко вскрикивали птицы, прячущиеся в густых кронах. Вьюнки, обвивающие стволы, постепенно сменились толстыми лианами, и кое-где на деревьях среди мха расцветали яркие, нездешние цветы. Мох, застилавший сначала землю, а потом перебравшийся на стволы деревьев, теперь свисал с веток лохмотьями, придавая лесу неопрятный, оборванный вид. Мы притихли, не понимая, где находимся.

— Смотрите, — прошептал Юрка и ткнул пальцем в темноту леса.

Ыду испугался и прижался к Толику. А зомби почему-то вдруг построились в две шеренги, словно на параде.

Впереди из деревьев выступало что-то большое и округлое, опутанное лианами и покрытое мхом. Сначала я подумал, что это гигантский старинный памятник или странная промышленная конструкция, но, подойдя поближе, понял.

Невероятно, невозможно и фантастически посреди дремучего леса лежала на брюхе подводная лодка. Ее корпус, когда-то черный, а теперь в потеках ржавчины, опутывала лесная растительность, поникший двухцветный флаг на рубке был разорван в клочья, но все равно лодка выглядела внушительно и непобедимо.

— Откуда это? — задал я сам себе дурацкий вопрос.

Мы смотрели на лодку не отрываясь, как на самое великое чудо Зоны. Ыду успокоился и, поддерживаемый лаем Бруно, пошел вперед. Но самыми активными оказались зомби. Они из шеренги перестроились в колонну по одному и зашагали к лодке. Ну, раз они не боятся, то и нам бояться нечего. Медленно, шаг за шагом, мы обошли морское чудо. В одном месте к борту субмарины прислонилось рухнувшее от старости дерево, образовав естественный трап. И мы, конечно, полезли на борт. Зомби, словно только и ждали этого, опередили нас и ловко вскарабкались по бревну на палубу. Я не знаю, может, у подводных лодок и не палуба, но я решил называть именно так. Моя лодка, как хочу, так и называю.

Зомби забрались наверх, построились там опять в шеренгу вдоль лодки на самом краю палубы. Я подумал, что в море во время качки они бы все попадали. Прапорщик стоял впереди и смотрел на нас, словно ожидая команды. Переглянувшись, мы стали карабкаться наверх. Ыду последовал за нами. А вот Бруно, сделав одну неуклюжую попытку, улегся у подножия дерева ждать, когда мы вернемся.

— Ребята, а почему ракушек нет на борту? — спросил я у пацанов.

— А что, надо? — Юрка уже сидел на палубе.

— Ну, пишут же. Корабли всегда обрастают ракушками.

— А вдруг эта лодка и не плавала никогда? Может, ее тут построили и не вывезли? — Толик поднялся и сел рядом с Юркой. Ыду уже прыгал по палубе с веселым бормотанием. А прапорщик явно волновался. Потом не выдержал, что-то прокричал своим, и они дружно

прокричали в ответ. И продолжали стоять шеренгой. Это у них, наверное, какой-то военный ритуал.

— Вот подумайте, что вы говорите, — укоризненно сказал я. — Отсюда до ближайшего моря, я не знаю, день на поезде пилить, и тут лодку построили?

— Самолетом можно и за час, — не согласился со мной Груша.

— Ага, ты на самолете лодку повезешь?

— Ну а то ты ее на поезде повезешь? Вот кстати, это мог быть просто расчет проектирования, — решил поумничать Толик. — Ты читал Робинзона Крузо?

— Нет, — нехотя ответил я. Книжка стояла на полке, а я так и не собрался прочесть.

— Так вот там Робинзон тоже лодку строил, но он строил ее там, где было из чего строить. А до берега дотащить не смог. Всякое бывает, — разъяснил мне Толик.

— Ну ладно, будем считать, что ее тут построили. — Я не хотел спорить, тем более что от такого спора не было никакого толку. — Внутрь полезем?

— А зачем мы тогда сюда залезли? — изумился Юрка, решительно поднялся, насколько это позволяла покатая палуба, и пошел к возвышающейся посередине башне.

По этой башне наверх шла железная лестница. И еще в передней части башни были окна. Иллюминаторы по-морскому. Я вспомнил, как такая башня называется, — это рубка! В голове еще вертелись всякие слова: ходовая рубка, прочный корпус, торпедная атака, глубинные бомбы и торпедоносец. Все, что я слышал в кино и читал в книжках про моряков.

Груша первый забрался на рубку и там немедленно поднял люк, который был не закрыт. И тут я вспомнил морское слово — люк не был задраен.

— Пацаны, там внутри светло, давай за мной! — заорал нам Юрка и скрылся в люке.

Мы, не колеблясь, пошли за ним, тем более что первым туда рванул Ыду. Из рубки тянуло металлическим холодом, но внутри горел электрический свет. Впрочем, к электричеству в Зоне, неиссякаемому и повсеместному, я уже привык.

Спускаться в лодку было немножко страшновато. Очень уж она была похожа на ловушку. Я никогда не был внутри подводной лодки. Я даже в трюме корабля никогда не был. Да и на палубе в общем-то тоже. Здесь оказалось очень тесно. Всюду какие-то трубы, провода, непонятно, как тут люди помещались.

— Надо найти судовой журнал, — раздался Юркин голос из глубины трюма. — И мы все узнаем.

— А что узнаем? — спросил его Толик, он старался далеко не заходить и крепко держал за руку Ыду, рвавшегося изучать лодку.

— Все узнаем, — уверенно сказал Грушевский. — В любом фильме про море, если корабль покинутый, сразу находят судовой журнал и из него узнают всю историю корабля. Я вот видел фильм, как нашли такой корабль, громадный. И там, в журнале, было написано, что монстр захватил...

Голос затих, как будто Юрка испугался. Он, видимо, вдруг представил себе, что мы, найдя журнал, прочтем именно такое. У меня сразу пропало всякое любопытство, у остальных, думаю, тоже. Но никто не хотел показывать, что боится, и мы гуськом отправились изучать лодку. Через равные расстояния нам попадались переборки с люками, которые сейчас оставались распахнутыми, но если что, могли намертво перекрыть коридор. И еще меня поразило, что внутри лодки было несчетное количество всяких вентилях — красных, синих, желтых. Как будто лодка была не лодка, а какой-то гигантский набор трубопроводов. Мы дошли до конца корпуса и уткнулись в стену. Ее украшали четыре круглых люка с маленькими круглыми ручками. Ручки были похожи на руль. Толик сразу же крутанул один из них и распахнул этот люк. За ним была большая труба, и через нее виднелся лес.

— Это торпедный аппарат! — радостно воскликнул Толик.

— Ну так закрой его, — сказал я. — Вдруг выстрелит.

Толик весело хмыкнул, но люк закрыл.

Судовой журнал мы так и не нашли и пошли назад к рубке.

— А тут же должен быть перископ, — вспомнил я о главной штуке на подводных лодках. — Вот там, наверное, и журнал будет.

— А чего это там? — не согласился Толик.

— А того. — Юрка меня поддержал. — Капитан посмотрит в перископ и запись сделает. Не бегать же ему туда-сюда.

Этот аргумент Толика убедил, и он молча пошел вдоль приборов и труб корабля в поисках перископа. Мы за ним. Перископ оказался в ходовой рубке, мы зря его искали в других местах. Я узнал перископ по ручкам с двух сторон от окуляров, которые складываются вверх. Точно как в кино. Я откинул эти ручки и стал смотреть.

Повсюду колыхалось бесконечное море. Где-то далеко-далеко виднелся большой пароход. Я повернул перископ. Слева и справа было тоже море, волны и чистый горизонт. Больше ничего.

— Ребята, смотрите! — Я пустил к перископу пацанов.

— Класс! — сказал Толик, прижавшись к окулярам. — Какие дельфины красивые!

— Где дельфины? — Я отодвинул его.

Опять тот же пустой морской простор и белый пароход.

— Никаких дельфинов, смотри.

Толика оттеснил Груша и впился глазами в прибор.

— Мама родная, — сказал он. — Это же статуя Свободы!

— Где статуя? Ты что? Вот смотри, — Толик оттеснил приятеля, — дельфины!

Мы по очереди смотрели в перископ, и каждый видел только свое.

— Ну да, — в итоге сказал я. — Зона, как всегда, куролесит.

— А почему это мне дельфины, а ему Америка? — возмущенно сказал Бэрик.

— А ты не спрашиваешь, почему мы посреди леса видим море? — напомнил я ему, где мы вообще находимся.

— А в иллюминаторах что? — вдруг встрепнулся Юрка.

Мы залезли на небольшую площадку наверху рубки и стали у прямоугольных окон — иллюминаторов.

Лодка плыла вдоль скалистого берега. Белый город террасами спускался к самой воде, прорываясь сквозь серый базальт скал. Сверкала набережная с парашютом, у причала качались на воде яхты. По набережной гуляли военные в белых кителях. Год дышал спокойствием и чистотой.

— Где это? — спросил Юрка.

— Не знаю... Может, это Севастополь? — подумал вслух я.

— Или Владивосток? — отозвался Юрка.

— Или Керчь, или... нет, не Питер, точно. Море теплое. И откуда в Питере скалы?

— А с чего вы взяли, что это наш порт? — спросил Толик. — Может, это совсем другая страна.

— Ага, и Андреевский флаг тоже? — Юрка пальцем показал на флагшток на набережной. — Все-таки это Севастополь. Крым.

— А откуда там военные моряки? — не унимался Толик. — Там нет ни одного военного корабля, забыл, что ли?

Я не знаю, что Груша забыл, но он кивнул, согласившись с Толиком. Они спорили о чем-то, чего я не знал. Но меня осенило:

— А что, это обязательно сейчас? Может, мы видим те времена, когда лодка еще плавала?

— Где плавала, тут? — Юрка посмотрел на меня как на дурачка.

— Надо искать журнал. — Я почему-то разозлился. Все в этой Зоне не настоящее — миры, люди, тайны и дороги.

— Ну, ищи, а мы посмотрим, — сказали Бэрик и Груша, не отрывая глаз от иллюминаторов.

А тут еще к ним вскарабкался Ыду, который все это время где-то бродил по лодке. Вот же любопытный! На Ыду вид красивого города произвел невероятное впечатление. Он

погудел, погудел, а потом стал что-то петь. Унылое и протяжное. Наверное, радовался и мечтал поехать на море с родителями. Я еще подумал, что мы нехорошо с ним поступаем. Вот показали ему берег Крыма, точно это Крым, а ведь он же никогда не попадет туда. Очень страшное слово — никогда. Я не хочу никогда в жизни узнать, что я не смогу что-нибудь сделать НИКОГДА.

Я так стоял и философствовал, а передо мной на маленьком железном столике лежала тетрадка. Она была очень старая и потрепанная. Надпись на обложке была ободрана. Там было написано: «Бортовой журнал» и дальше одни обрывки слов и полустертое название: «Запо. р...е».

Я взял журнал в руки и открыл его.

— Пацаны, я нашел! — Юрка с Толиком неохотно спустились ко мне.

Мы стали изучать журнал. Но ничего в нем не поняли. Там была какая-то неинтересная ерунда. Списки аккумуляторов, запчастей, сроки ремонта блоков и распорядок сварочных работ. И так страниц пятьдесят. И последняя запись. Разрешение на проведение ходовых испытаний получено... и дата. Две тысячи одиннадцатый, а там, где месяц, расплзлось большое пятно плесени. И все.

— Ну и? — спросил я ребят. — Что мы выяснили? Что лодку чинили, чинили, и потом она пошла на испытания, и все.

— А ничего. Но на море посмотрели, мелочь, а приятно, — сказал Бэрик.

— Ты прямо как Юзик. Дикий какой-то. Нам идти надо, а мы тут на море смотрим...

Я подумал, что мы совершенно зря сюда поперлись, на эту лодку, мы так никогда к людям и не выйдем.

— Ну, пошли.

Пацаны уже не стали возражать. Мы выбрались из подводной лодки. Снаружи, казалось, ничего не поменялось. Бруно как лег у поваленного дерева, так и лежал. Зомби стояли шеренгой и равнялись на нас. Единственное, что изменилось, так это то, что теперь рядом с Бруно сидел большой белый попугай и чистил перья.

— Ну что, пошли вниз, — сказал я зомби.

Я захотел спуститься первым, но почему-то зомби совсем невежливо оттолкнули меня и спустились с корабля.

— Чего это они? То тихие такие, послушные, а тут... — удивился я.

— А я думаю, что они тебя за капитана приняли, — сказал Толик.

— Ну и что?

— Ты последний должен покинуть борт тонущего судна.

— Так оно же не тонет! — изумился я.

— Ну и не плавает, — вмешался Юрка и полез по бревну вниз.

Спуститься с подлодки оказалось намного сложнее. Пришлось пятиться, нащупывая дорогу ногами. Но в итоге я не сильно ушибся. Попугай дождался, пока мы спустимся, и спокойно улетел.

А Ыду попрыгал вслед за Юркой по бревну на одной ноге, словно в классики играл. Мне бы такое чувство равновесия, как у него.

Сразу после подводной лодки лес начал постепенно редеть и возвращаться к нормальному виду. Сначала с веток исчезли лохмы зеленого мха, потом они уползли и со стволов, оставив только легкий зеленый налет. Трава под ногами стала мельчать, воздух был уже не такой влажный и полный прелых запахов. Незаметно, шаг за шагом, мы возвращались в привычный мир Зоны. Далеко позади остались влажный лес, изумрудный мох, экзотические птицы и фантастические цветы. Далеко позади осталась подводная лодка, она, наверное, так и смотрит свои сны о морях, портах и далеких странах. О дельфинах и белых пароходах. Что ж, у каждого свои сны.

Глава семнадцатая

...Мы прямо по курсу шагаем
Туда где нас подвиги ждут.
А те, кто боится, мы знаем,
Туда, никогда не пойдут.
Мы тоже сначала боялись
(Ну, самую малость, чуть-чуть).
Со страхом своим попрощались
И смело отправились в путь...

Александр Коротич

Зомби шагали так шустро, что мы постепенно начали от них отставать. И зачем я приказал им строем маршировать? Им понравилось. И если зомби вначале топали совсем несуразно, шатаясь и волоча ноги, то теперь натренировались и шагали, как настоящий военный отряд. В итоге они виднелись вдалеке на шоссе, ну а мы шли потихоньку, как успевали. Я даже подумал, что если бы мы с самого начала так пошли втроем, ну, конечно, еще Ёду и Бруно, то намного бы проще было. Я никогда до сих пор не узнал бы, что такое настоящее предательство. Когда предадут, чтобы убить и ограбить. Хотя, может, деревенские на нас за что-то обижались.

От этих мыслей меня отвлекло рычание Бруно. Он остановился и взъерошил шерсть на холке. Ёду тоже заволновался и схватил Толика за руку. Он так всегда делал, когда чего-нибудь боялся. Ясно, что рядом было что-то опасное. Мы остановились. А Бруно смотрел в лес справа и рычал громко и злобно, оскалив зубы. Морда у него была жуткая, я и забыл, какой он страшный. Если не знать, что на самом деле Бруно добрый и даже трусливый, то можно умереть от одного его вида.

Я поднял руку, ну, как в кино спецназовцы делают, чтобы все остановились и замолчали. Потом взял на поводок Бруно, и мы отправились с ним в лес, куда он тянулся, не переставая рычать. Мы перешли обочину и тихонько пошли по узенькой тропинке. Бруно замолчал, словно понял, что шуметь нельзя, и только сопел сердито. Я не спешил, чтобы не вылететь прямо в лапы какой-нибудь аномалии, если там, за деревьями, спряталось что-то опасное.

Тропинка вывела на поляну, но мы сошли с тропинки в сторону, чтобы незаметно посмотреть, что там.

На полянке недалеко от разлапистого дерева возились несколько человек в камуфляже. У них под ногами лежал связанный кровосос. Его, наверное, долго били, он был весь в крови. А люди перекинули через ветку веревку, и один человек сейчас завязывал на конце веревки петлю. Я понял, что они хотят повесить кровососа. Почему? Может, он кого-нибудь покусал? Я решил, что вмешиваться небезопасно, тем более кто бы меня послушал. Я уже знаю, как тут на люди детей реагируют...

Я осторожно вернулся назад и сказал ребятам, что там ничего особенного нет. Не буду же я при Ёду говорить, что видел.

Пока мы ходили с Бруно туда-сюда, зомби порядочно вперед зашли и скрылись за поворотом. Нужно было их догонять. Мы быстро зашагали по шоссе. И собака, и Ёду успокоились только тогда, когда место, где мы останавливались, осталось далеко позади. Они, видимо, чувствовали, что там, в лесу, происходила какая-то мерзость. А идти нам до лагеря «Свободы» оставалось еще пару километров. Мы быстро добрались до поворота на шоссе, за которым скрылся взвод зомби. И тут уже нам всем вместе пришлось бежать в лес прятаться, потому что на дороге собралась большая толпа, и мы заметили, что люди вооружены. Мы крадучись прошли немного по лесу, чтобы лучше разобраться, что там случилось.

Наши зомби стояли прямо на шоссе на коленях, положив руки, у кого они были, на затылки. Позади них — человек десять в военной форме, они держали в руках автоматы, направленные на зомби. А еще двое в это время ходили от одного пленного к другому и

рылись у них в ранцах. Непонятно, зачем им это надо было. Но потом один военный подошел к крайнему зомби и взял и выстрелил ему в затылок в упор. Остальные дернулись и залопотали. Я даже не знал, что тут делать, мне просто нехорошо стало. Зомби было жалко. Они такие добрые, беспомощные и все время нам помогали. За что их убивать?

Мои друзья, видимо, думали так же. Юрка и Бэрик перебросили со спины автоматы, и по их лицам было понятно, что зомби они в обиду не дадут. Мы ползком, чтобы не выдать себя, подобрались совсем близко, казалось, что отсюда и камнем можно попасть. Но пока мы через лес выбирались на позицию, военные убили еще пятерых зомби. А на остальных орал «Сидеть!», а те выполняли команду. Наверное, зря мы их приучили к дисциплине.

Юрка первый заорал: «Сдохните, гады!» и открыл огонь. Одной очередью он скосил сразу несколько вояк. Те ведь стояли свободно, не прячась. Наверное, они чувствовали себя здесь в полной безопасности, поэтому сразу не поняли, что происходит. А тут я заорал «Вперед, в атаку!», и зомби, узнав мой голос, подскочили. И сразу же навалились на тех, кто их обыскивал. Военные, те, что держали весь отряд под прицелом, судя по всему, растерялись. Во-первых, они не смогли стрелять в зомби, боясь попасть в своих, во-вторых, они совершенно не ожидали, что на них тут кто-нибудь нападет.

После первых Юркиных очередей половина вояк полегла, а спрятаться на шоссе было негде. В общем, когда они нырнули в кювет, зомби уже разобрались с теми, кто их обыскивал и убивал, и радостно ринулись следом. Они не обращали внимания на выстрелы, а просто, как волна, накрыли этот самый кювет. Сопротивление было подавлено.

Мы стояли некоторое время оцепенелые, словно нас кто-то загипнотизировал. Не могли сделать ни шагу. Потом, когда оставшиеся в живых зомби опять сбились в кучку и стали бормотать, мы с пацанами переглянулись и решили подойти поближе. Я еще подумал — а можно ли так сказать: «зомби остались в живых»? Они же вроде как не совсем живые. И подумал: теперь у военных будет очень сложно хоть что-либо выяснить. У этих — так точно, а вот если наткнемся на других... В общем, я не стал бы рисковать и искать новых встреч. Вдруг узнают, что это мы отряд положили. Ясно, что в будущем надо от военных держаться подальше.

И еще меня расстроила одна вещь. У всех этих вояк были рации, маленькие такие, как сотовые телефоны, но с короткой антенной. Обычно в кино по таким радиопередатчикам офицеры друг с другом переговариваются. А вдруг эти успели передать в штаб, или что там у них, о том, что на них напали дети? А вдруг они сообщили в эту «Свободу»? Тогда за нами начнут охотиться. Хотя можно сказать, что это были не мы, а какие-нибудь другие дети.

Тут вдруг Бруно опять злобно зарычал. И Ыду забеспокоил.

— Это те, из леса! — догадался я. — Все в кювет!

Ребята не поняли, кто такие «те из леса», но быстро нырнули вслед за мной на обочину. Мы увидели, как из-за поворота показались трое солдат. Они бежали, держа автоматы наперевес. Видимо, слышали стрельбу с поляны, на которой вешали кровососа, и побежали сюда. Мы ждали, пока они подойдут совсем близко, а они, увидев зомби, неслись к ним. Они же думали, что зомби совсем беззащитные и с ними можно расправиться, расстреляв прямо в упор. Ну, в общем, автоматами мы уже умели пользоваться. Свалили их с одной очереди.

— Какие «из леса»? — вспомнил Бэрик мои слова. — Ты о чем говорил?

Ну, я и рассказал, что видел на поляне.

— Слушай, надо туда сходить! Может, это кто-то из родственников Ыду, а мы не помогли. Он же классный пацан, надо им помочь! — разволновался Бэрик.

— Да, наверное, повесили уже, — мрачно возразил я.

— Мы с Ыду пойдем и все выясним, — категорично сказал Бэрик, взял пацана за руку и пошел обратно по шоссе к тому самому месту. Бруно за ними увязался.

Они вернулись через двадцать минут. Вместе с ними ковылял тот самый кровосос. Он сильно хромотал и выглядел очень плохо. Именно потому так долго и шли, чтобы кровосос за ними успевал.

Толик рассказал, что они нашли его там связанного, голова была в петле. Он болтался на виселице, но был живой. Видно, военные повесили его, но не успели добить. Ведь у

кровососов такая шея сильная, что вешать его — пустое дело. Повисит-повисит и выберется. Ёду вертелся вокруг кровососа, как вокруг родного, и все время пищал так жалобно, что даже Бруно заскулил. Мы с Юркой порылись в аптечке, нашли зеленку и бинт, но боялись помочь кровососу. Тот понял, что мы ему плохого не хотим, и сам протянул руку, на которой была самая большая рана. Я вылил туда зеленки, кровосос заорал как бешеный и чуть было не стукнул меня. Но сдержался. В общем, мы потом его забинтовали, где смогли. Удивительно, как это мутанты быстро в себя приходят. Кровосос посидел немного на обочине и через двадцать минут уже стал ворчать нормально и даже начал топтаться на месте, показывая, что готов идти с нами. Я уже понял, что теперь никуда он без нас не пойдет. Ну, хорошо, будет помощь, тем более что отряд зомби сильно поредел.

* * *

Мы двинулись по шоссе. Мы все еще надеялись прийти в такое место, где можно встретить нормальных людей, у которых не поехала крыша от жизни в Зоне, и поговорить с ними по-человечески. До вечера нам точно не удалось бы дойти туда, и пришлось опять устраиваться на ночлег, как всегда, под открытым небом. Особых проблем, конечно, не было, но вот кровосос, когда развели костер, куда-то ушел. Он вернулся через час с раздувшимся животом, ел, наверное, что в лесу нашел. Ему ведь очень нужно было поесть, чтобы поправить здоровье. Но Ёду все равно налил ему, хоть и сытому, чаю и дал кусочек сахара. Кровососу сахар понравился. Я думаю, если их кормить нормальной пищей, то они могли бы нормально с людьми жить. Ведь здорово бы было. Они же сильные, могли бы помогать человеку в самых трудных работах.

А утром я проснулся от того, что кто-то громко бормочет на разные голоса. Оказалось, что на поляне сидят уже два взрослых кровососа, и Ёду с ними о чем-то своем разговаривает. Они увидели меня и встали с корточек, они всегда на карачках сидят, когда отдыхают. Кровососы забормотали мне что-то и зашевелили своими щупальцами. Но не так, словно впитаться хотят и кровь выпить, а отводили их все вместе сначала влево, а потом вправо. Я не уверен, но мне показалось, что это они так здороваются. Еще я заметил, что на том кровососе, которого мы вчера спасли, уже зажили все раны.

И тут из леса выкатился громадный переливающийся радужный шар. Он не просто выкатился из леса, а словно просочился сквозь деревья. Я не успел испугаться, как шар лопнул, как мыльный пузырь, и на его месте оказался гигантский монстр, причем очень уродливый. У него была вытянутая башка и бочкообразное тело с короткими толстыми ногами. Монстр засмеялся, как сумасшедший, и выпустил прямо из ушей несколько огненных шаров. Может, ему и было смешно, но мне не очень. Видимо, это был приятель кровососов. Они стали с ним здороваться, прямо как негры в кино, — стучать кулаками о кулаки, шлепать ладонями и обниматься. И щупальцами водить туда-сюда, как мне водили.

А потом этот монстр завыл переливчато, и из леса выбежала свинья. Вроде свинья, но какая-то непривычная. Будто ей грим для кино накладывали, чтобы сделать как можно противнее. Свинья эта держала в зубах веревочку, а веревочка была привязана к странному маленькому существу. Похоже оно было на тушканчика, но очень большого, сантиметров сорок в холке. Тушканчик был ручной и сразу прыгнул на руки монстру, который все еще смеялся. А свинья похрюкала и побежала по своим делам в лес. Будто она выполнила работу и теперь свободна. Я понял, что наш отряд заметно увеличился. Зомби отнеслись к визитерам совершенно спокойно и даже по-дружески. Но я на всякий случай вернулся в шалаш и рассказал Юрке и Бэрику, что у нас пополнение. А то вдруг они испугаются, когда наружу вылезут.

Мы готовились к выходу, делали завтрак, на этот раз кровососы не уходили, а дождались чая и сахара. Им, кстати, очень понравилась каша, которую мы варили для зомби. В общем, я уже даже привык к такой походной жизни. Только одежда стала вонять невыносимо. Надо будет поискать, может, здесь где-нибудь найдется еще один склад с

одеждой, подходящей нам по размеру? Хотя надо было в том складе порыться как следует, ведь бывают же солдаты маленькие. Ну, например, из отдаленных районов Севера. Или Юга.

Юрка, оказывается, вчера стащил у одного из убитых военных рацию. И сейчас начал с ней играть. Клацать, ручки крутить. Он, конечно, вовремя это сделал. Потому что в итоге мы услышали оттуда переговоры.

— Седьмой, что там у вас, что нарыли? — это один голос.

— Бред. Наших, говорят, вроде зомби положили, но явно стреляли. Этого не может быть, зомби не могут стрелять, — это второй ответил.

— А что разведка?

— Выследили. Но я не верю. Говорят, пацанва какая-то ведет взвод зомби. Они и бар сожгли. Там один только Шершень выжил.

— Что значит «выследили»? Знаете, где они? — Голос в рации стал сердитым.

— Да.

— Отправьте ребят. Пусть разберутся.

— Да что мы, сами не понимаем, уже пошли.

— Тогда отбой. Доложить потом.

Рация затихла, и только шипели помехи в эфире.

Никто не сомневался, что говорят именно про нас. И что все может очень плохо обернуться.

Я так понимаю, что никто не будет спрашивать, хорошие или плохие кровососы или зомби, а начнут сразу стрелять. И в нас тоже начнут стрелять без лишних разговоров.

— Ну, что делаем, пацаны? — спросил я у притихших Толика и Юрки.

— А что делать? — У Толика на лице было такое тоскливое выражение, мол, все пропало и нам пришел капец.

— Надо разработать план, что делать. Ведь они с нами разбираться не будут. Я думаю, как начнут стрелять... — Я понимал, что нужен план, но ничего нормального придумать не мог. — В общем, думать надо нам, ведь ни зомби, ни кровососы не придумают. Ну, может, когда воевать начнем, помогут, а сейчас... А может, и вправду попробовать им рассказать? Может, Ыду объяснит им, что нас ждет?

Так и сделали. Но объяснить кровососам смог только прапорщик. Он, по-моему, лучше всех понимал и нашу речь, и кровососью. Когда все собрались у костра, мы устроили заседание штаба. В общем, все варианты обсуждали мы с пацанами, а остальные молча слушали, время от времени кивая, бормоча и мотая шупальцами. И мы в конце концов придумали.

На поляну вышли десять вооруженных человек. Я сидел у костра и пил чай. Один.

— Эй, пацан, а где остальные? — спросил один из военных.

Солдаты оцепили полянку по кругу. Они, казалось, боялись и не решались выйти на середину.

— Кто остальные? — Я старательно удивился.

— Не надо нам тут, — оборвал меня военный.

— Да что ты церемонишься! Отведем к нам, там разберемся, — сказал другой солдат, который стоял рядом.

— Так, встал и пошел с нами, понял, пацан? — скомандовал первый.

Я пожал плечами, мол, что с вами спорить. А военный грубо толкнул меня в спину дулом автомата и приказал идти впереди... Я вышел с полянки на тропинку и примерно в тот момент, когда до шоссе оставалось около двадцати метров, исчез.

— А-а-а! — заорал военный. — Полтергейст!

Я это услышал из зарослей, куда меня перенес тот самый монстр, который проявился со свинкой и тушканчиком. Но тут раздался грохот автоматных очередей, солдаты залегли. А потом зомби поработали гранатами. В общем, мы их всех положили. А у нас ни царапинки. Но почему здесь люди все такие злые? Нам же от них ничего не надо!

Здорово наш отряд смотрелся на шоссе. Впереди, как всегда, строем шагали зомби. После последнего боя они были очень довольны собой. Потом шла шеренга кровососов, Ыду теперь все время со своими шел, за ними ковылял по дороге Полтергейст, мы так его и называли, как тот военный орал, потом мы — я, Толик и Юрка, ну и Бруно. Пес вообще считал, что он здесь самый главный, и строго следил, чтобы наша колонна не растягивалась. То спереди забежит, то сзади подгонит. Бегал, гавкал, хвостом вилял.

Юрка попытался заставить зомби петь строевую песню. Он считал, что это поднимает боевой дух. Они в общем-то и не возражали. Но как загудели все вместе, то стало жутко. Словно в вентиляции ветер гудит, только в тысячу раз громче.

Глава восемнадцатая

Шли ребята мимо леса
За каким-то интересом.
Инте, инте, интерес,
Выходи на букву «с».
Буква «с» не подошла,
Выбирай на букву «а».

Считалка

Я вот думал раньше о том, что такое предчувствие. И не мог никак решить. Наверное, человек устроен так, что мелкие знаки, на которые он сначала не обращает внимания, начинают накапливаться, и в конце концов из них получается картинка, которая показывает, что может произойти. Вроде как вывалишь на пол гору кубиков, на каждой части рисунка, и не догадаешься сразу, что изображено. А потом посмотришь-посмотришь на них и уже понимаешь — вот можно картинку с трактором сложить или, например, с динозавром.

Так и сейчас у меня появилось плохое предчувствие. Конечно, никто никаких кубиков передо мной не рассыпал, но что-то стало беспокоить. Вроде и шли мы, как обычно, по шоссе, но то странный шум слышен в зарослях на обочине, то птица какая-то выскочит и побежит в сторону, и не мы ее спугнули. А потом зомби стали все время влево забирать. Кровососы, которые вообще ничего не боятся, тоже как-то тревожно порывивать начали. Ыду вообще уже давно вернулся к Толику и не просто за руку держал, а прижимался к нему, как испуганный котенок. Один Полтергейст шел беззаботно, не выпуская из руки веревочку с тушканчиком.

Несмотря на то что по карте нам надо было еще долго идти по шоссе, в конце концов, следуя за зомби, мы сошли с дороги и пошли по полю. Поле заросло, кроме мелкой зеленой травы, небольшими островками высокого бурьяна, который очень красиво цвел в это время. Это было даже не поле, а пустырь. Кое-где по нему были разбросаны полуразрушенные здания, сейчас по их виду нельзя было понять, какими они были раньше и зачем здесь построены.

Время от времени я оглядывался и замечал, что некоторые кусты бурьянов качаются больше, чем остальные. Не так, как если бы их раскачивал ветер, скорее так бывает, когда пробегает крупный зверь и прячется за растениями.

— Пацаны, вам не кажется, что что-то не так? — не выдержал я и спросил.

— Давно кажется, — буркнул Толик. — Не нравятся мне те, что за нами идут.

— Кто за нами идет? — испугался я.

— Да я заметил, когда еще на поле вышли... Сначала они по лесу шли и не высывались. По-моему, они метрах в ста сзади, по кустам прячутся.

— Тут нет кустов, — почему-то сказал Юрка, словно это было так важно.

— Ну, бурьян тоже как кусты. Я не ботаник разбираться.

— Может, они по своим делам идут? Не нападают же на нас. — Мне очень не хотелось опять встречаться с какими-нибудь военными или бродячими борцами за свободу Зоны.

— Надо к лесу идти, вон к тому. — Юрка показал пальцем на черную полосу вдалеке. — Они сами в лес не сунутся.

— А то они не из лесу вышли.

— Ну а вдруг они тот лес плохо знают, — с надеждой сказал Юрка.

— Ага, если бы да кабы... — протянул Бэрик.

— А делать нечего, не попремся же мы им навстречу, — согласился я.

— А почему бы и не попереться? — удивился Толик. — Не все же тут сразу стреляют или норуют побить?

— История показывает, что все. Пошли к лесу, — решил я.

Я подошел к прапорщику и стал ему объяснять, куда идти. Он слушал, слушал и слушал, но ничего не понимал. А когда я просто показал вдаль на полосу леса и сказал: «Лес!», военный закивал головой и затопал к своим. После этого они все зашагали через поле прямо к новой цели. Они топали шустро, мы с пацанами еле поспевали за ними. Ну а для остальных это все было просто легкой прогулкой.

Теперь я уже и сам несколько раз замечал пригнувшиеся фигуры, перебегающие от бурьяна к бурьяну. Даже на таком расстоянии было понятно, что это люди с оружием. И они, без всяких сомнений, шли за нами. То, что они прятались, не сулило нам ничего хорошего.

До леса было еще порядочно чесать, а я увидел, что преследователи двигались теперь не только сзади нас, но и слева и справа, обходя с боков. Нет, по-настоящему надо сказать — заходя с флангов. Мне вообще было непонятно, почему они себя так вели. Если бы они нас хотели убить, то могли сделать это давно, когда шли рядом с нами вдоль леса. С другой стороны, зачем они шли за нами, так плохо скрываясь? Ответа на этот вопрос я не смог придумать и поэтому просто шел, как и все, вперед.

Чем ближе мы подходили к лесу, тем ближе к нам колыхался бурьян, тем ближе были преследователи. Они уже взяли нас в клещи, и нам не оставалось ничего другого, как идти под защиту деревьев. С этого поля или пустыря, не знаю, как его правильно назвать, к лесу вела узенькая дорожка, которая начиналась прямо с опушки. Другого пути не было, только бежать по ней. Мы уже и так почти бежали, так быстро приходилось идти, чтобы нас не догнали военные. В том, что они военные, сомнений не оставалось, все преследователи были в одинаковой, защитного цвета одежде. Но зомби почему-то притормозили и не решались заходить в зеленую чащу. Словно подгоняя нас, сзади поверх голов ударила автоматная очередь. Зомби помчались один за другим по дорожке к лесу. Но как только первый из них скрылся за деревьями, бабахнул взрыв — там, в глубине, за невысокими сосенками. Мы застыли как вкопанные.

— Там мины! — первым догадался Юрка.

— Так что, нас просто гнали на мины? — понял я наконец.

— Наверное.

— Эй, пацаны, идите сюда! — раздался голос.

Преследователи теперь не таились, а вышли на открытое пространство. Их было человек двадцать. Один, высокий в капюшоне, стоял чуть впереди, он нам и орал, сложив руки ковшиком.

— Оставьте выродков, идите к нам! Мы вас не обидим.

— Они нас тоже не обижают! — закричал я в ответ. — А выродки вы сами.

— Очень умно, загнешься ведь, придурок! — ответил взрослый.

И в подтверждение своих слов он опять выпустил автоматную очередь. У меня за спиной затрещал автомат — Бэрик не выдержал. Военные как подкошенные залегли.

— Надо посмотреть, что там, в лесу, что за мины? Может, только одна? — тихо сказал я ребятам.

— Вот иди и смотри, — нервно рявкнул Бэрик.

Он стоял и сжимал в руках «калаш», готовый в любой момент открыть огонь.

— Я пошел, — сказал я и побежал к соснам.

Оглянувшись на бегу, махнул ребятам рукой, мол — ложитесь!

Метрах в двадцати на лесной дороге стояли, сбившись в кучку, зомби. Впереди на земле лежал зомби, который подорвался на мине. Он был весь прошит осколками. Но никакой воронки, которая должна была остаться на месте взрыва, не было. Я быстро осмотрелся и понял — взорвалось дерево справа от дороги. А на земле я увидел проволоку.

Все было просто. Мину закрепили на сосне, а от нее через дорогу протянули проволоку и привязали к другому дереву. Зацепился — взрыв. А зомби, наверное, такого не понимали. Ведь надо просто под ноги смотреть внимательно и координацию надо иметь хорошую, а не такую, как у зомби. Я уже заметил, что впереди, метрах в пяти, блестела на солнце еще одна такая проволока. Я осторожно, а вдруг тут еще что задумали, подошел к следующей мине. Ну да — на дереве лимонка, и к кольцу привязана тоненькая металлическая нить, которая по ту сторону дороги намотана на елку. Ну, размотать ее было совсем просто. А ведь эти ловушки ставили именно на зомби. Эти военные против нас тут целую операцию подготовили?

— Пацаны, давай сюда! — заорал я изо всех сил.

В ответ застучала автоматная очередь. Я понял, что ребята идут ко мне, отстреливаясь. Через секунду они были рядом, а в зарослях у дороги грозно гудели остальные — кровососы, Ыду, Полтергейст с тушканчиком и вечный трус Бруно. Мы пошли по дороге вглубь, правда, отряд возглавляли уже мы с пацанами и внимательно смотрели под ноги и по сторонам. По пути нашли еще пару ловушек и легко их обезвредили.

— Стоять, стрелять буду! — Дядька в военной форме выскочил из-за поворота, который мы только что прошли.

Военным в лесу, конечно, было хуже — они не могли идти широкой цепью, вот и стали выскакивать по одному. Вояка, как и раньше, сначала дал очередь поверх наших голов. На нас посыпалась кора с сосен и иголки.

— Если не остановитесь — положу всех! — заорал бешеный военный.

Но тут сбоку на него выскочил... тушкан. Он, наверное, очень испугался за своего хозяина и решил защитить. Вот Бруно так бы никогда не поступил. Бруно поджал хвост и спрятался за Юрку. А тушканчик вцепился в руку военного. Тот успел выхватить нож и с размаху пырнул бедного зверька. Тушкан запищал и упал на землю.

И тут на дорогу выскочил хозяин, Полтергейст. Он взмахнул лапой, или рукой, и у военного осталась только половина головы. Полтергейст, не обращая внимания на дергающегося на земле вояку, взял на руки истекающего кровью тушкана и, горестно всхлипнув, пошел с ним в чащу.

— Все в лес! — Я понял, что дорога, даже без мин, для нас смертельно опасна. Зомби не пришлось приглашать два раза, они сообразили сразу же.

Военные в лес ступить не решались, остались на дороге. Сквозь деревья их можно было легко различить, так как дорога освещалась солнцем и зеленые фигуры были заметны на фоне черных силуэтов деревьев.

Мы сначала решили пойти подальше от дороги, но сразу поняли, что далеко не уйти — рядом пролегал глубокий овраг, рассекавший лес надвое. Некоторое время мы так и шли — вдоль оврага, а военные параллельным курсом шли за нами по шоссе.

Но тут жалобно вскрикнул Полтергейст. Он опустился на колени и положил тушкана на землю. Не нужно было быть ветеринаром, чтобы понять — пушистый друг Полтергейста умер. Подбежал Бруно, сел рядом с тушканом и завыл так громко, протяжно и тоскливо, что у меня по спине пробежали мурашки. А Полтергейст стоял на коленях над тушканом и плакал. Странно было видеть монстра больше двух метров росту, с очень непривлекательным лицом, рыдающего над трупом тушканчика. Но нам всем было тоже очень грустно. Мы привыкли к веселому и доброму зверьку. А ведь тушкан для Полтергейста был самым близким другом.

Я достал нож и выкопал небольшую могилку. Ребята помогали как могли. Потом Полтергейст положил туда тушкана и посмотрел на нас так — умоляюще. Я, кажется, понял, что он хотел, достал из рюкзака майку и отдал ему. Полтергейст накрыл майкой

растрепанное неживое тельце и засыпал его землей. Получилась могилка с холмиком. А Толик выломал две палочки и сделал крестик.

— Не так надо, — сказал Юрка и поднял автомат стволом в небо.

Я понял, что он хотел сделать. И мы дали салют из трех выстрелов.

На звуки выстрелов ответили военные, но все пули попали в деревья — стрельба в лесу не очень эффективна. Мы двинулись дальше в надежде дойти до конца этого проклятого рва, но он и не думал кончаться. Да и дорога, контролируемая вояками, прижималась все ближе и ближе к оврагу. Полоска леса становилась совсем узенькой. А кровососы все больше нервничали. Они шли, обняв Полтергейста, который никак не мог успокоиться и плакал. Он все время оглядывался назад, на могилку своего тушкана, и сжимал в руке веревочку, которая была раньше поводком.

— Эй, детский сад, выползай на свет! — орали военные. — Дело есть. А твоих друзей мы отпустим. Поджарим и отпустим. Мы же вам жизни сохранить хотим!

Знаю я, как они жизни сохраняют. Не было у меня к ним доверия. Но в тот момент, когда мне уже казалось, что выхода нет, и придется прыгать в глубокий овраг, переломав себе ноги, у кровососов вдруг, кажется, родилась идея. Они остановились и, расставив в стороны руки, затормозили зомби. Потом они вместе с Полтергейстом подошли к нам совсем близко и взяли нас за руки. Меня и Толика — кровососы, а Юрку — Полтергейст. И потащили нас вперед, стараясь идти как можно быстрее. За нами сразу увязались Ыду и Бруно, но на них рывкнули так, что те немедленно отстали.

А мы бежали по лесу и через полминуты обогнали военных метров на пятьдесят. Тут кровососы с Полтергейстом резко изменили направление и выскочили прямо на дорогу, волоча нас за собой. И началось такое, после чего я еще долго не мог прийти в себя. И кровососы, и Полтергейст вдруг сгребли нас и взяли на руки. Как взрослый человек поднимает маленького ребенка. И в таком состоянии они стали пятиться по дороге.

В какой-то момент я подумал, что они нас решили предать и сейчас просто отступают, прикрываясь нами. Но через несколько шагов страшная сила подбросила нас, как невидимый громадный трамплин, и мы все взлетели в воздух. Я, чтобы удержаться, обнял кровососа за шею. Ох и твердая она у него, как сталь. Кровосос вместе со мной сделал сальто в воздухе и, уже падая, вывернулся так, чтобы мы упали не на дорогу, а на кроны елей. Падал он спиной вперед, закрывая меня от колючек и веток. Мы приземлились в ста метрах, наверное, от того места, где нас подбросило. Это был какой-то сказочный полет. А рядом как ни в чем не бывало приземлились остальные.

Конечно, если бы кровососы выступали на Олимпийских играх, то неграм там было бы делать нечего. Мы стояли и приходили себя после кульбита, а кровососы с Полтергейстом тихонько ушли в лес. Я тоже решил пойти за ними, но они дали знать, что нам надо оставаться на дороге.

Военные, наверное, никак не ожидали такого развития событий. Мы были уже в полном порядке после прыжка, а те все еще стояли и смотрели на нас. Потом они, я не очень хорошо видел отсюда, кажется, стали бросать всякие предметы туда, откуда нас подбросило. Вояки искали границы этой аномалии. Бросали они обычные гайки, я понял это, когда одна долетела даже до нас.

Потом солдаты определились и двумя колоннами, слева и справа, обошли этот невидимый «трамплин», или катапульту, через лес, зайдя в него на пару шагов, не более. Очень они боялись леса. Обойдя аномалию, они собрались кучкой на дороге и, уже уверенные в своей победе, двинулись к нам. Если бы я не доверял кровососам, то подумал бы, что мы влипли. Но я надеялся, что что-то тут не так и мы в безопасности.

Военные прошли совсем немного, и вдруг вокруг них возник вихрь. Сначала это был просто легкий пылевой конус, но в мгновение он разросся, раскручиваясь все сильнее и сильнее. Людей, которые заорали одновременно и безнадежно, оторвало от земли и стало раскручивать, сначала медленно, плавно, как утенка в ванной, когда вытекает вода, потом все быстрее и быстрее. А потом вихрь словно с цепи сорвался и крутанулся так, что люди превратились в сплошную вращающуюся массу. Еще секунда, и все, что засосала «воронка»,

разлетелось по деревьям и кустам на обочине и выпало кровавым дождем на дорогу. Ни одного преследователя не осталось в живых. От них вообще ничего не осталось. Только мокрые обрывки. Мы были свободны. На дорогу неспешно вышли наши друзья. Бруно, словно не виделся с нами сто лет, устроил скачки, вертелся на месте, визжал от радости, как будто ему прищемили хвост.

Мы усадились на траве и стали разбираться, куда же нас занесло. Юрка с Толиком рассматривали карту, споря и тыча пальцем в бумагу. А я сидел и думал, что вот как легко привыкнуть к смерти. Не знаю, к чему я еще тут привыкну.

Глава девятнадцатая

Быстро вертятся винты!
Опускаясь с высоты,
Серебристый вертолет
Громко песенку поет.

Надежда Соболева-Сидельцева

Я всегда думал, что свалка — это горы гниющего мусора, вонища и противные вороны, которые летают стаями среди этих гор. Но в Зоне все не так. Мне казалось, что свалку, которая была указана на карте, надо обойти, но зомби совсем не беспокоились, и мы пошли по проселку к цели. И совершенно правильно сделали. Это была не мусорная свалка. Это было настоящее кладбище техники. Все знают, что после катастрофы на АЭС технику — ну, автомобили, трактора, даже вертолеты, все, что использовалось при ликвидации аварии, — вывезти уже было нельзя, она стала радиоактивной. Ее всю здесь собрали на нескольких площадках и оставили. Потом сюда свозили машины и механизмы из других мест. Все равно земля занята, можно использовать. Вот на такую свалку мы и пришли.

Это было похоже на сказку. Аккуратными рядами стояли машины, грузовые и с будками вместо кузовов, несколько пожарных машин, красных, сверкающих, прямо как будто только что с конвейера. А дальше стояли штук пять громадных вертолетов. Они были зеленые, с поникшими лопастями роторов.

— Все, привал! Отдохнем, — сказал я, хотя никто не устал.

Но пацаны тоже хотели остановиться, ведь где еще столько интересного увидишь. На пожарную машину забраться и внутри вертолета посидеть! Это же вообще целое приключение.

Мы, не сговариваясь, побежали к ближайшему вертолету, оказалось, что у него почти ничего не осталось внутри, все выломано. Но в кабине было просто шикарно! Там сохранились два кресла, уже ободранных. Штурвалы и всякие приборы на приборной доске тоже были на месте. Я сразу сел слева, а Юрка справа.

— А я? — обиделся Толик.

— Ты будешь радист-стрелок, вон твое место! — Юрка показал Бэрику на выбитый иллюминатор.

Этот иллюминатор располагался впереди между кресел, почти в самом полу. Бэрик схватил какую-то алюминиевую трубку, которая валялась рядом, и залег возле иллюминатора, как у амбразуры пулемета. Я бы, конечно, на его месте сбегал туда, где мы бросили рюкзаки и оружие, и взял бы настоящий автомат, но ему виднее.

— На старт! Внимание! — Юрка стал отдавать команды, сжимая ручку штурвала.

— Зажигание, от винта! — закричал я.

— Штурман-стрелок к бою готов, — отрапортовал Толик.

— Пи-и-и-и, — запела правая турбина. Это я.

— Пи-и-и-и, — запела левая, это Юрка.

— Бу-бу-бу-бу, — загрохотал ротор. Это мы все вместе.

— По врагам, батарея, огонь! — командовал Толик сам себе. — Тра-та-та-та! Пулеметная очередь вдребезги разнесла вражеские укрепления.
— Молодец, стрелок, — я похвалил его. — Летим бомбить авианосец!
— Рр-р-р-ры-ы! — взревел ротор на форсаже турбин.
Вертолет заложил правый вираж и уже летел над водами Тихого океана.
— Приготовиться к сбросу глубинных бомб! — Я защелкал тумблерами на приборной панели.
— Есть, командир, — отрапортовал Толик.
— Огонь! — командовал Юрка, и мина полетела прямо на тяжелый авианосец, рассекающий барашки волн далеко внизу.
— Ба-а-ах! — озвучил Толик бомбу.
— Пусть теперь кормят акул, империалисты чертовы, — пренебрежительно сообщил Юрка и запел:

*Тяжелым басом гремит фугас
У Дарьи фонтан угля...*

Он явно не знал слов, но пел очень душевно.
— Возвращаемся на базу, шеф! — сообщил мне второй пилот.
Усталая винтокрылая машина летела на базу, выполнив опасную миссию по спасению мира.
— Будем садиться в Шереметьево, там полоса знакомая, — очень важно произнес Юрка.
Мы уже собирались выключить двигатели, все-таки гудеть так долго и громко устаешь, но тут...
— Борт тысяча триста сорок шесть, выходите на позицию, — из разбитого динамика под потолком кабины раздался усталый голос, прямо как в кино про войну. — Высота захода пятьдесят, бросайте и немедленно уходите, повторяю, немедленно, там рентген немерено.
Вокруг вертолета, все так же мирно стоящего посреди свалки, сгустилось пространство, и мы поняли, что летим, по крайней мере увидели, что летим. Впереди прямо по курсу у нас был разрушенный реактор, из которого поднимался легкий дымок.
— Хорошо заходите. Осторожно, за трос крана не зацепитесь! Прямо, прямо. — Голос из динамика не прерывался. А вертолет летел, выполняя все его команды. Мы зависли над реактором.
— Немедленно сброс! — заорал динамик. — Молодцы, точно черту в пасть. Уходите!
Вертолет заложил настоящий и не придуманный нами вираж. Мы уже уходили от реактора, но тут другой вертолет, который летел нам на смену, подошел вплотную к реактору и, зацепившись винтом за тот самый трос, о котором нас предупреждали, рухнул на землю. Крик отчаяния раздался из динамика.

Мы сидели в старом, полуразобранном, полуразломанном вертолете и молчали.
— Что это было? — спросил я скорее сам себя.
— Зона — она все помнит, — ответил Толик. — Я видел фильм, вот так на вертолетах пожар в реакторе тушили. Пилоты прямо под излучение летели, смертельное. И погибали.
— Заночуем, наверное, здесь, да? — предложил Юрка.
Никто не возражал. После того, что произошло, уже никуда идти не хотелось. Мы вернулись к вещам и к остальным. Оказывается, зомби уже давно расположились на привал, разбрелись по кабинам машин и сидели там парами. А кровососы тихо бубнили между собой о чем-то своем. Даже Бруно улегся на травке между двумя пожарными машинами и, перевернувшись на спину, от нечего делать болтал в воздухе лапами. У всех было совершенно не походное настроение.
Лагерь разбивать не стали, мы и не сомневались, что заночуем внутри вертолета, надо было только туда положить спальные, чтобы не спать на голом металле.

Летняя ночь была спокойной и красивой. Костер выстреливал вверх искорки, которые уносились в небо, где сливались со звездами. Все уже спали, только мы с Толиком сидели под сверкающим небосводом. Юрка задрых в вертолете, как только дополз до спального места.

— А вот интересно, вот мы в Зоне сидим, а ведь никто потом не поверит, — грустно сказал Бэрик, вороша костер. — А я, наверное, все-таки хотел бы летчиком стать.

— А почему?

— Ну, раньше, ты даже в учебниках посмотри, все дети мечтали стать космонавтами. Сейчас космонавтов не бывает, одни автоматы раз в год летают. Но вдруг опять в космос решат полететь? Тогда летчики понадобятся.

— Так ты в космонавты хочешь пойти? — Что-то помешало мне засмеяться над его словами.

— Я хочу в чужих мирах побывать.

— Я тоже. Только это не так просто, — согласился я.

— Да, всюду теперь только катастрофы случаются, люди только ими и занимаются. А ведь раньше летали, ты же знаешь историю лучше меня, на пятерку. — Толик разволновался. Я знал, он никогда на такие темы не говорил. Ни со мной, ни с кем-то другим.

— Ну да, Зона эта когда-то давно, потом Япония... Я как прочитал про то, как кони в Сибирь табунами убегали, как представил, так страшно стало.

— Ну, зато теперь самые лучшие машины в мире — российские! — Толик хмыкнул. — «Тойота», «Нисан», «Мицубиси-Победа». Весь мир снабжаем. Не то что эти монстры. Странные машины раньше делали. Хоть и грузовики, но какие-то очень некрасивые.

— Да то когда было! Тогда же система была... э-э-э... — Я забыл слово. — Вот! Тоталитарная.

— А мои родители вспоминают те времена только хорошими словами. Они как раз учились в институте, должны были инженерами стать. Вернее, стали, а работы уже не нашлось. Ты думаешь, у меня родители дворники? — Толик заговорил о самом сокровенном, что его мучило. — Они с дипломами, кстати, у них специальность была очень редкая, мне отец говорил, она ДУП называлась.

— Дуб?

— Сам ты дуб! А это «Дистанционное управление полетами». Они учились в Харьковском государственном политехническом институте. — Толик с трудом выговорил название.

— А что это за управление?

— Это конструкторов космических кораблей готовили, — постучал меня пальцем по голове Толик.

— Так вот почему ты в космос хочешь! — догадался я.

— Да, мне предки, когда трезвые, много рассказывали. Представляешь, мы чуть на Марс не полетели, а потом все программы стали закрывать. — У Толика горели глаза, он выглядел так, словно у него выросли крылья. — А «Буран», а боевая станция «Алмаз»!

— Про «Буран» я знаю, а вот «Алмаз»... — я задумался, пытаюсь вспомнить, — нет, ничего.

— Конечно, ничего, это была сверхсекретная разработка, — совсем по-взрослому сообщил Толик.

— Я тоже хочу в космос, — сказал я, — но я там никогда не буду.

— Ну, не надо так говорить. — Толик захотел меня поддержать. — А вдруг все поменяется? И опять страна станет такой же великой, как раньше.

— Моя мама, когда такое слышит, говорит, что это все совковые бредни, — тихо ответил я.

— Разве мечтать о том, чтобы жить в сильной и хорошей стране, это бредни, это плохо?

Мы замолчали. Потрескивали, догорая, уголья, чай в котелке почти кончился, а спать не хотелось.

— А вот у Юрки родители тоже... ну, пьют. Но они совсем другие, — почему-то вспомнил я. — Безрадостные какие-то.

— Мои не такие. Они веселые!

И тут словно легкое шевеление пробежало по рядам машин. Мы замолчали и замерли. В темноте начали разгораться автомобильные фары. Как свет в кинотеатре, плавно — от слабого тусклого огонька до ярких прожекторных лучей. Все кладбище оживило. Расцветилось белыми фарами, желтыми подфарниками, красными стоп-сигналами. На пожарных машинах замелькали синие огни спецсигналов. От вертолетов прямо в небо устремились столбы белого света. Техника, затаившись, смотрела на нас и на мир своими сияющими глазами.

Вдруг одна из дальних машин крякнула клаксоном, жалобно и негромко. Ей вторила другая, третья. Каждая звучала на своей ноте. Я когда-то ходил в театр на балет, так вот там перед началом спектакля в оркестровой яме музыканты настраивали и проверяли свои инструменты. Сейчас машины на кладбище техники, как будто бы делали то же самое. К высоким звукам клаксонов добавился бас моторов. Как могли заработать двигатели у этой рухляди, непонятно, но загудел один мотор, потом другой, третий.

А потом все на секунду замолкло, и в ночь полетела мелодия. Она была соткана из грубых автомобильных звуков, но они переплетались так, что уже не различить ни клаксонов, ни моторов, ни дребезжания ржавого железа. Могучий оркестр играл очень грустную музыку. В этой музыке была и тоска по прежней, боевой жизни техники, по людям, управлявшим этой техникой, по трагедии Зоны.

Мы слушали как замороженные, не в силах даже пошевелиться. Мелодия сопровождалась игрой огней. Это была настоящая цветомузыка, которая только усиливала впечатление от мелодии. Но внезапно с последним тактом все исчезло. И свет, и музыка, и ощущение, что техника живая. Только в небе промелькнула тень, словно кто-то громадный, прилетевший послушать концерт, убрался восвояси.

— Ни фиги себе, — только и смог вымолвить Толик, когда к нам вернулся дар речи.

— Пошли спать. — Мне стало совсем грустно.

— Пошли.

А на кресле в вертолете спал Юрка, так и не заметивший ничего. Хотя непонятно, кому от этого было хуже.

Утро встретило нас росой на корпусах еще спящей техники. Мы не стали обсуждать то, что происходило вчера вечером и ночью. Наверное, так на кладбище не говорят о могилах и покойниках. Пока мы пили чай, солнце высушило росу. Машины перестали сверкать в косых утренних лучах, а стали обычными — серыми и облезлыми.

Я сидел и смотрел на красную пожарную машину, которая стояла совсем рядом с нашим костром. Вот интересно все-таки, почему у нее и колпаки, и зеркала, и все никелированные детали остались как новые, хотя вокруг все было облезлое. Я даже подошел поближе и погладил сияющую поверхность бокового зеркала. А у колеса машины валялась подшивка газет, точно такая же, как та, которую хотел поджечь Юзик, когда я на дереве висел. Я запомнил — «Ukrainian wireless news 1913». У них тут в Зоне это главная газета? Дурь какая-то. Причем я мог поклясться, что еще мгновение назад тут, у колеса, ничего не было. Но к таким вещам мы уже привыкли. Тут все так. То есть, то нет.

От моих пальцев на корпусе зеркала остались пятна, отпечатки. Интересно, когда последний раз к этой поверхности прикасался человек. И тут на то самое место, где только что был мой палец, села муха. И стала чистить крылышки. Что-то странное было в этой черно-радужной мухе. Я вообще никогда особенно не интересовался мухами, но тут сразу понял, что с ней что-то не так. У нее было девять лап. И вместо привычного хоботка — короткие жвалы. Муха словно почувствовала, что на нее смотрят и, прекратив умываться, вцепилась жвалами в блестящую поверхность металла. Оторвав кусочек, рванулась прочь.

— Вот же зараза! — воскликнул я.

— Что там? — лениво спросил Юрка, который с кружкой в руке привалился к обшарпанному боку какого-то древнего «жигуля» и жмурился, как кот на солнце.

— Тут муха откусила от жарки кусок металла. И у нее девять ног.
— У жарок не бывает ног. — Толик тоже сидел и ленился.
— У мухи, дураки. Девять, а не восемь!
— У мухи нет ног. У мухи есть лап. И то — шесть, — ответил Юрка, не меняя позы. — Ты вообще что, в школе не учился?

Пока они болтали, еще одна муха приземлилась на капот машины и стала топтаться на месте, явно готовясь вырвать кусок. Я не хотел, чтобы наши машины рвали на части какие-то мухи-мутанты. Я схватил подшивку газет и шарахнул по капоту изо всех сил. От мухи, наверное, осталось мокрое место. Но от нее осталось не мокрое место. После удара на капоте сидело две мухи. Я шарахнул опять. Теперь там уже сидели четыре мухи. Я понял, что эти газеты — просто гадость. Вещь бессмысленная и бесполезная. Я снял кроссовок и им, уже вполне удачно, забил насмерть одну муху, остальные улетели.

Но первые мухи были только разведчицами. Противно гудя, словно возле туалета в летнем лагере, вокруг жарной машины вилось целое облако гадких насекомых. Они налетали на бедную машину и рвали ее на кусочки.

— Ребята, на помощь, — заорал я.

Юрка и Толик подскочили как ужаленные и побежали ко мне. Им не пришлось долго объяснять. И так было видно, что под напором черной тучи капот и зеркала жарной машины таяли как снег в кипятке. Толик сразу же схватил ту самую подшивку газет, но после первого замаха она вырвалась из рук и улетела черт-те куда. Юрка в отчаянии схватил автомат и стал палить в мух прямо на подлете. Но они этого вообще не заметили.

Тут на шум прибежали остальные. Зомби без команды сняли пилотки и стали лупить пилотками по обломкам капота. От ударов поклеванный мухами металл стал разваливаться. Самый большой эффект произвели действия кровососов. Они немедленно отломали громадные ветки у ближайшей к свалке ели и стали ими размахивать, как опахалами. Это действовало очень хорошо. Кровососы двигали ветками так быстро, что проклятые мухи не только разлетались, но и накалывались на иголки. Туча редела, а ветки из зеленых становились черными. Через пять минут война была окончена. И тут кровососы сделали вообще невероятное. Они, довольно урча, сели вокруг костра и стали обжаривать нанизанных на иголки хвой мух на костре. Чуть обжарив, они с видимым удовольствием стали их собирать своим щупальцами и лопать. Вот же... могли бы и не делать этого при нас.

— А вот интересно, — спросил Юрка, когда отдышался от воздушного боя. — А зачем им металл? Я не думаю, что просто жрать. Если бы они ели железо, то они бы были очень прочные. А так мухи как мухи. Только наглые.

Зачем мухам нужен был металл, выяснилось буквально через несколько минут после того, как мы покинули свалку и пошли через лес. По пути нам попала большая, почти круглая поляна. На этой поляне те самые черно-зеленые мухи занимались работой. Они строили, как мне показалось, себе жилище. Оно выглядело странно — словно несколько металлических шариков соединялись между собой длинными металлическими трубками. Очень напоминало схему кристалла, как рисуют в учебниках. И главное, эти глупые мухи поставили свой дом в самое неустойчивое положение — он опирался только на один шарик, а весь куб торчал в воздухе.

— Это «атомиумлекорбюзье», — с очень умным видом сообщил Юрка, еле выговорив это слово.

— А что это такое? — спросил Толик.

— Я не знаю. Я видел как-то такую фотку, и знакомый один сказал, что это именно он. Я слово выучил, оно прикольное.

— Ну и мы пошли дальше.

Глава двадцатая

На стене висят часы

Тик-так!
Бобик просит колбасы
Гав-гав!
Мурка песенку поет
Мя-у! Мя-у!
Во дворе петух орет
Ку-ка-ре-ку!
Козы просятся гулять
Ме! Ме!
Овцы тоже голосят
Бе! Бе!
Утки плавают в пруду
Кря-кря-кря!
Гусь гогочет на бегу
Га-га-га!
Лошадей табун пасется
И-го-го!
Квочка с червячком несется
Ко-ко-ко!
Пчелки на лугу резвятся
Жу-жу-жу!
Хрюшки в луже копошатся
Хрю-хрю-хрю!
Все в хозяйстве ладно!
Бабушке — отрадно!

Алексей Кочнов

Сегодня мы уже точно должны дойти до цели. Хорошая погода, не жарко, дорога укрыта тенью от деревьев, растущих на обочине. Зомби топают, как автоматы. Кровососы мерно загребают лапами дорожную пыль. Полтергейст, уже не такой мрачный, шел и подфутболивал каждый камешек и каждую ветку, которые попадались на пути. Бруно носится вокруг, подгоняя и сбивая нас в кучу, как овчарка непослушных овец. Красота!

Но через час такого марша снова разволновался Ыду. Он время от времени вырывал ладонь из Толькиной руки и все норовил свернуть в лес. А потом и оба взрослых кровососа начали гудеть, не зло, но требовательно.

— На месте стой, раз-два! — я скомандовал, как наш учитель физкультуры.

— Надо посмотреть по карте, что тут такое. — Толик тоже понял, что кровососы не зря волнуются.

Мы развернули карту и проверили, где же мы сейчас точно находимся. Оказалось, что тот лес, куда норовил свернуть Ыду, назывался Рыжий. Я знаю, что в Зоне Рыжий лес — гиблое место. Но раз кровососы хотят туда пойти, значит, нам ничего не грозит. Толик отпустил Ыду, и тот, оборачиваясь на нас, мол, давайте за мной, шагнул в чащу. Следом за ним пошли взрослые кровососы, ну а потом и мы. Зомби, потоптавшись, тоже присоединились к нам.

Первые пятьдесят метров идти по лесу было тяжело. Мы продирались между корявыми стволами, карабкались через буреломы. Ноги цеплялись за ветки и корни, и идти было трудно. Но потом деревья внезапно расступились. Перед нами открылась низина. Сразу от границы леса шел спуск, а в низинке, на площади размером примерно с футбольное поле расположилось небольшое хозяйство.

За изгородью из аккуратно постриженного кустарника виднелся уютный домик, вдалеке — загон для мелкой живности. Кроме того, рядом стояла пара сараев. Наверное, в

них держали птиц, потому что именно возле этих сараев бродило множество птичек, спокойно клевавших что-то с земли. Отсюда было не разобрать, что это была за порода.

Ыду при виде этого пейзажа радостно запищал, вцепился в Толика и потянул его вниз, к ограде. Мы все пошли за ними.

Ыду провел нас по узкой дорожке вдоль кустарника к воротам. Они были сначала не видны, потому что торчали прямо из живой ограды. Ыду по-свойски, как хозяин, открыл ворота и повел нас к дому. В это время двери распахнулись, и навстречу нам выбежали два кровососа. Если бы я не знал, что их не надо бояться, то струхнул бы основательно. Я не научился хорошо различать кровососов в лицо, но я так думаю, это были те самые родители, которые и отпустили Ыду с нами. Они стали его обнимать, забавно трогать щупальцами за лицо и гладить по голове. Ыду только подпрыгивал и попискивал от радости.

Потискав своего ребенка, кровососы пошли здороваться с гостями. Они подошли сначала к нам, то есть ко мне, Юрке и Бэрику, и стали тянуть нам свои руки. Ну, я понял, они с нами как со взрослыми здороваются. Я пожал первым им руки, сначала одному родителю, а потом родителю номер два. Я не мог разобрать, где у них папа, а где мама. Потом кровососы стали здороваться с остальными. Опять начались похлопывания по спине, объятия, даже Полтергейста обняли с двух сторон. А зомби вдруг построились в шеренгу, и кровососы, гудя, прошли вдоль строя, прямо как на параде.

Потом нас повели в дом. Вернее, не всех, зомби расползлись по подворью, пугая птицу. Мне показалось, что это все-таки были не куры. В доме меня поразили порядок и чистота. Несмотря на то что внешне постройка напоминала обычную бревенчатую сельскую хату, внутри она была разделена на несколько комнат, я даже мельком заметил санузел с громадной ванной и белоснежным унитазом. И подумал, что после стольких дней дикой жизни в Зоне неплохо бы было ими воспользоваться. Но не стал просить, вдруг у них все не так, как для людей, работает.

Сначала нас отвели в главную комнату, посадили за стол, но угощать не стали. Я подозреваю, чтобы не напугать. Только налили в стаканы оранжевую жидкость. И только взрослым кровососам. Полтергейсту предлагать не стали, а тот и не обижался. Местные побубнили что-то на своем диалекте или что там за язык у них был, пошевелили щупальцами, у кого они были, и потом, я так понял, нам предложили пойти во двор, чтобы показать хозяйство. Не знаю, как я понял, но их намерения были очевидны.

Сначала нас привели к загону с мелкими животными. Я так думаю, в нормальном мире это были бы свиньи или овцы. Здесь все было не так. По травке бегали смешные зверьки величиной с собаку, с копытцами и с тремя рожками на голове. Они были покрыты очень тонкой и ухоженной шерстью с фиолетово-золотым оттенком. Вели они себя очень потешно. Время от времени выстраивались в одну линию у дальней стороны ограды и бежали наперегонки к противоположной. А один зверек не бежал, сидел посередине и тщательно следил, чтобы все было честно, никто не выскочил раньше свистка и чтоб никто не толкался. Он же и свистел. Я сначала не понял, чем он свистит, а когда разобрался, то очень смеялся.

Видно было, что кровососы очень гордятся этими животными. Они стали показывать их нам, брали зверьков на руки, гладили и почему-то с гордостью показывали третий, средний рог. Видимо, это был очень важный рог. А кровососы-гости одобрительно гудели и кивали головами.

От загона кровососы нас повели к приземистому, в метр высотой, строению, стены которого были присыпаны землей по самую крышу. Один из родителей Ыду открыл маленькую дверцу и отошел в сторону, приглашая второго посмотреть, что там внутри. После того, как внутренность сарайчика изучили кровососы, а мне показалось, они были удовлетворены тем, что увидели, заглянул туда и я. Сначала я ничего не увидел, там было темновато, но, присмотревшись и прислушавшись, я понял.

В сарайчике под потолком висели два десятка рамок, на которые были натянуты плотные сетки. Эти сетки были почти не видны, потому что миллионы комаров облепили их толстым слоем. Комары вяло шевелились, как мне показалось, организованно. А когда я посмотрел на пол, то понял, что они делают. Они сдавали кровь, которая по сетке стекала

вниз, в большие стеклянные банки. Мне стало немного не по себе, и я выскочил наружу. Я уже собрался было скорчить рожу от увиденного, но заметил, что хозяева смотрят на меня с вежливым любопытством.

— Отлично! Просто образцовый улей, — сказал я как можно убедительней.

Мое заявление обрадовало кровососов, и они удовлетворенно забормотали.

Потом пошли смотреть на птиц. И тут я понял, что черновыльскый пес — это не самое страшное животное Зоны. Во-первых, птицы были злые. Я это сразу рассмотрел. В землю были вбиты крепкие колья, и каждая из пернатых сидела на толстой железной цепи. Птиц кровососы в руки брать уже не стали, а поступили по-другому. Один из хозяев принес из дому горсть гаек и стал бросать их птицам. Они их разгрызали. Вернее, даже не разгрызали, зубов у них не было, только клювы. Птицы гайки на лету ловили, и клац — пополам.

Я сначала никак не мог понять, зачем кровососы этих птиц вообще разводят, но потом понял. Вернее, кровососы сами показали. Оказывается, клювы у этих созданий крепче стали. Ну или, может, прямо из стали и выросли. Так вот, эти клювы кровососы использовали как гвозди. Второй родитель-кровосос специально подвел нас к крыше низкого сарая и показал, что там вся щепка прибита птичьими клювами. А клювы длинные, удобные в работе.

И еще один кровосос показал нам яйца, которые несут эти птицы. Он осторожно, чтобы не потревожить птиц, прошел в сарай и принес одно яйцо. Оно было ярко-красное и абсолютно круглое. Я бы никогда не подумал, что это птичье яйцо, но кровосос очень убедительно показывал, откуда этот красный шарик. А потом кровосос размахнулся и швырнул его далеко-далеко. Бабахнуло так, словно там целый танк взорвался. Значит, все-таки это очень полезная птица. Ыду тыкал в птиц и говорил: «Ыкши, ыкши!» Это так этих птиц звали — ыкши-птица. Впрочем, у Ыду все слова на «ы» начинались.

Потом кровососы захотели еще что-то показать, но Ыду погундел и повел нас — меня и пацанов — в дом. Взрослые возражать не стали. Оказалось, Ыду хочет нам показать свою комнату. У него была своя комната! И обставлена она была по-пацаньячи! У самого потолка над дверью висела вырезанная из картона фигура кровососа с крыльями в красно-синем, обтягивающем трико. А за спиной у него развевался черный плащ. Кровосос летел куда-то, наверняка мир спасать. У окна стоял громадный стол, а над ним куча полочек. И все они были заставлены фигурками. Я взял одну в руки и понял, что это пластилин. Судя по довольному виду, их лепил сам Ыду. Конечно, Ыду налепил черт-те что. Какие-то угрюмые кривые фигурки, совершенно ни на что не похожие. Вроде собачки, коровки, но вылеплены так, словно просто палкой в пластилин тыкали. Я рассматривал эти его творения и делал вид, что мне очень нравится.

— Ой, пацаны, смотрите! — вдруг воскликнул Толик.

Он рассматривал фигурки на другой полке. Эти сильно отличались от предыдущих. Они были вылеплены настолько умело, что казалось, не самодельные, а из магазина. Там стояли в ряд рыцари в латах, причем на латах была вырезана каждая мелкая деталь. Возглавлял их всадник с копьем и в шлеме с пером. Перо было настоящее, видимо, от птички во дворе. А еще там была целая сценка — принцесса, король, единорог, страшный дракон и охотник на дракона с арбалетом в руках. И еще был космодром. Наверное, это был неземной космодром. Ракеты были не такие, как у нас в космос раньше запускали или на обложках фантастических книжек сейчас рисуют.

Ыду понял, что нам очень понравилось, стоял рядом, тихо гудел и улыбался своим странным ртом.

— Ну ты, пацан, даешь! — Толик похлопал Ыду по плечу. — Такие работы на выставку надо. Я обещаю, мы, как разбогатеет, тебе персональную выставку устроим.

— Как ты устроишь? — скептически спросил Юрка.

— А вот так, — Толик размышлял, — если в дом молодежи принести показать, так запросто разрешат сделать выставку. Надо только за помещение заплатить, а если мы клад найдем, думаешь, не сможем? Я из своей доли заплачу, если вы полюбите.

— Да никто не жлобится, — ответил Юрка. — Мы что, товарищу не поможем? И вообще, Ыду, тебе надо учиться на скульптора! Ты сразу знаменитым станешь!

Ыду сиял от восторга. Не знаю, понимал ли он наши слова, но чувствовал, что его хвалят. Тут нашу беседу прервал дикий собачий вопль. Бруно, а других собак тут не было, орал так, словно его резали пополам тупым ножом. Мы все ринулись во двор, уже не чая увидеть нашу собаку живой.

В общем, по двору кругами словно угорелый носился Бруно, на боку у него висела птица, вцепившись клювом в косматый бок. В дополнение к собачей истерике оралли сердитые птицы, натянув, как струны, цепи. Они хотели вырваться и склевать Бруно на гайки. Мы остановились и никак не могли сообразить, как помочь бедному псу.

Ыду первый сообразил, что делать. Он метнулся на помощь собаке, словно герой сказочного комикса. Я знал, что Ыду очень ловкий пацан, но тут он прыгнул, как вратарь сборной страны на финальном матче. Он прямо на лету перехватил пса за загривок, остановив его в безумном беге. Потом Ыду схватил гадкую птицу за шею и оторвал от собаки. Птица, как только у нее освободился рот, стала орать так же громко, как только что орал Бруно. Ыду выдернул из хвоста птицы большое перо, воткнул его себе за ухо и отдал птицу родителям. Те уже сами посадили ее обратно на цепь. А Бруно сел и громко и жалобно завыл. Все побежали к нему, Юрка стал осматривать бок. Там была небольшая ранка, и из нее немного сочилась кровь. Груша сильно разволновался, сразу побежал в дом за рюкзаком, притащил аптечку.

Кровососы смотрели на нас, и у них на мордах было написано явное сомнение. Потом один из родителей погудел, отошел в сторону к забору и сорвал листик. Вернулся к собаке и, отодвинув Юрку с пластырем, посплюнявил листочек и прилепил Бруно на оцарапанный бок. Тот немедленно перестал скулить, лизнул кровососу руку, потом Юрку в лицо и пошел, как ни в чем не бывало дальше обнюхивать кровососье хозяйство. А Ыду в это время стоял и смотрел на свое отражение в окне. Я так понимаю, ему очень нравилось перо за ухом. Больше никаких конфликтов не случилось. Только один раз Бруно получил рогами в лоб от зверушки из загона, когда просунул башку сквозь забор и залаял в момент забега на скорость. Судя по тому, что пес истерику не устроил, было не больно.

Время шло, темнело, дальше идти уже не было смысла, и нам пришлось расположиться на долгий привал. А вот еды совсем не осталось. Только перловка у зомби. И мы решили устроить большую кашу. Я долго объяснял кровососам, что нам надо развести костер и приготовить пищу. Словами, потом руками показывал, как ложкой едят. Но потом сообразил — показал котелок! После этого дело упростилось.

Кровососы повели нас в погреб, у них, оказывается, за одним из сараев была вырыта глубокая яма и над входом выложена небольшая арка из бревен. По земляным ступенькам, обложенным досками, мы спустились вниз. Хорошо, что я взял фонарик, кровососы небось, как и бюреры, в темноте прекрасно видят. Там внутри было много глиняных горшков, в них оказались всякие соленья и квашенья. На угощение нам достали белые маринованные грибы. В дальнем углу погреба, на леднике, лежало мясо. Небольшие тушки. Я подумал, что, может быть, это те самые трехрогие звери. Но особенно задумываться не стал.

Кровососы устроили настоящий праздник. Развели огонь, у них под стенкой дома была сложена громадная поленница. Пока костер прогорал, чтобы получились угли, они устроили такое сооружение, вроде вертела, и нанизали на него две тушки из ледника, предварительно посыпав их травками и нашпиговав чесноком. Кровососы все делали очень смешно. Никаких ножей у них не было. Они своими длинными когтями протыкали мясо и туда уже запихивали целиком головку чеснока. Мясо получилось очень вкусное, да еще кровососы принесли из дома какой-то сладкий напиток. Он напоминал лимонад, но не сильно газированный и совсем не химический. В общем, мы налопались так, что еле доползли до комнаты Ыду, где нас положили спать.

Глава двадцать первая

Заглянул в окно бандит,

А там — другой бандит сидит,
И глядит весьма сердито
Он на третьего бандита,
А четвертый бандит с пистолетом
Стоит между ванной и туалетом,
А шестой бандит с автоматом
У дверей обнимается с пятым,
А пятый бандит с пулеметом
Рычит по-страшному: «Кто-о-о та-а-ам?»

Юнна Мориц

Покидать дом кровососов было грустно. Во-первых, и мне, и ребятам уже надоело шататься по Зоне. И чем дольше мы шли, тем все более безнадежным выглядел наш поход. А потом мы посмотрели, как родители Ёду — и первый, и второй, — провожали его, обнимали, и мне стало совсем тоскливо. Я не знаю, как остальным. Хотя мне, наверное, еще хуже, ведь только от меня зависело, найду ли я тут отца. А может быть, даже помогу ему выйти из Зоны. Нам надо было обязательно хоть как-то встретиться здесь с нормальными людьми. Чтобы не поднимали стрельбы, не давали подзатыльников, не запугивали, а по-человечески с нами поговорили. И мы решили, что надо идти к Радару. Тем более что он был недалеко.

Юрка говорил — он читал, что «Свобода» сейчас все время Радар охраняет, чтобы его враги не включили и не взяли Зону под свой контроль. Значит, у нас есть шанс встретить там нормальных людей. Только не знаю я, как мне с ними говорить. Опять прогонят и скажут, что детям тут не место? Ну, мы обсудили с ребятами эту проблему и решили, что делать нечего, надо идти. Только, наверное, не надо брать оружие, а то будет как тогда в баре — испугаются и начнут сразу драться, и не только драться.

В общем, мы договорились так: Радар уже совсем близко, к нему можно подойти лесом и по шоссе. Наши зомби лесом с трудом пройдут, им же все время строим хочется и чтобы еще шаг чеканить. Значит, Толик и Бруно с ними по шоссе пойдут, только отстанут на пару часов. Мы даже часы сверили, как положено. А Юрка с остальными — лесом. А я впереди один идти буду. Ну — не впереди, а параллельно Юрке, по дороге. И как увижу людей из «Свободы», так и пойду с ними разговаривать. И не трепаться — это Юрка мне несколько раз строго сказал, а наврать, что я со Стрелком приехал в Зону и потерялся в лесу. Спросить, может, кто видел его. И еще мы решили, что мне надо с рюкзаком идти. Чтобы не думали, что я с неба свалился или за соседним кустом поджидают те, кто меня подослал.

Хоть я знал, что совсем рядом в лесу идут мои друзья и видят меня, было страшно. Я набрал специально камешков и бросал их вместо гаек. Мне казалось, что внезапно вся Зона изменилась. Я стал для нее чужой. Свешивающиеся с деревьев ошметки «жгучего пуха» пытались сорваться и полететь на меня. Впереди у обочины я увидел, как какая-то птичка, мелкая, вроде синички, вдруг спикировала и попала в воздушный вихрь, от нее только перья кровавые в разные стороны полетели. Я долго бросал камни, но в том месте больше ничего не происходило. А потом опять на дороге попала лужа, в которой ничего не отражалось. Я кинул в нее камень, лужа чмокнула и швырнула камень обратно в меня, попала прямо по ладони, даже кровь выступила. Лужу я обошел, но время, конечно, потерял. Я вокруг нее боком пробирался, а тут как заорут:

— Стой, кто идет! — Это было как гром с ясного неба. Или как там говорят.

Я сразу поднял руки вверх, прямо от самых плеч. Мне надо было показать, что я послушный и свой.

— Обойди справа, нечего тут шляться! — продолжил голос, который шел из-за сложенных друг на друга бетонных блоков.

— Я, дяденька, потерялся! — как можно жалобней прокричал я.

Из-за блоков показалась голова. На лице человека даже отсюда было видно неподдельное удивление.

— Ты чё, пацан? Ты как сюда попал? — уже не командирским голосом спросил он меня.

— Я потерялся! — Я даже почти заревел, потому что мне по-настоящему вдруг стало жалко себя.

— Иди сюда, — позвал тот, что сидел за бетоном.

Я осторожно приблизился и обошел блоки. За ними сидели два человека с автоматами, которых я раньше не видел. С оптическими прицелами, толстым стволом и приклад такой — как рама, но деревянный. Одеты люди были, как и все тут в Зоне, в камуфляж, и по нашивкам я понял, что это и есть «свободовцы», так там и написано было — «Свобода».

— Ты, пацан, как потерялся? Ты серьезно, не врешь? В Зоне детей не должно быть, — сказал тот, что прятался.

— Я к отцу приехал, меня везли, а потом, пока я ходил по-маленькому, машина уехала, — почему-то соврал я.

— А кто твой отец?

— Он сталкер! Самый главный. Его Стрелком зовут.

— Так, подожди. Сейчас мы тебя в штаб отправим, там с тобой поговорят. — Он достал рацию и попросил, чтобы к нему пришел разводящий.

Я не знал, кто такой разводящий, и стоял, молча ждал. А разводящим оказался просто еще один военный с автоматом. Он пришел и, не задавая никаких вопросов, крепко взял меня за руку и повел с собой.

Мы прошли сначала немного вдоль дороги, потом свернули к комплексу зданий, которые прятались за деревьями. Там разводящий подошел к небольшому кирпичному строению и открыл дверь. Комната внутри вся была заставлена всякими ящиками и стульями. Был стол, на котором стояла зеленая коробка с проводами и антенной, наверное, военная рация. Несколько военных сидели возле стола и играли на табуретке в домино.

— Вот смотрите, путешественника привел, — сказал разводящий.

— О, пионеры, — удивился один из играющих в домино, на мгновение подняв на меня глаза. — У нас теперь пионерлагерь открыли? На зарядку по порядку становись!

Этот военный был немолодой, сильно загорелый, с совершенно седой, коротко постриженной шевелюрой.

— Я потерялся, — буркнул я, подозревая, что и тут мне никто не поможет.

— Ага, выпал из портфеля, — сказал один из доминошников, и все заржали.

— Нет, я от машины отстал! Я к отцу приехал! — почти закричал я.

— А кто у нас отец? — спросил один из мужиков и стукнул по табуретке костяшкой.

— Стрелок! — уже с вызовом ответил я, мол, получите!

Игравшие в домино замерли и, положив кости на стол, уставились на меня.

— Ты, мальчик, это только что придумал? — спросил седой.

— Я правду говорю! — Я надулся.

— Это ты очень правильно к нам зашел. Мы как раз папу твоего ищем. Серый! — Наверное, этот седой мужик был главным и поэтому сейчас отдал приказ.

— Да! — отозвался Серый — это был молодой парень, который в это время возился с рацией.

— Передай всюду, куда только можно, — сын Стрелка здесь, пусть приходит к нам, мы ему его отдадим. Пусть в каждом баре и в каждом кордоне услышат.

— Ну, что, пацан, как тебя зовут, кстати? — продолжил главный.

— Андрей.

— Так вот, Андрюша, ты извини, придется тебе у нас посидеть некоторое время. У нас к твоему папе накопилось много вопросов, так что мы будем рады его видеть, когда он за тобой придет.

— А вы его давно видели? — Я очень обрадовался. А что, может, вот-вот я и увижу отца!

— Его никто не видел. А дел за ним много числится. И «Свобода» очень бы хотела с ним встретиться.

И тут до меня дошло. Меня решили как живца использовать. Отца на меня поймать!

— А если его не найдут, ну, он может и не услышать вашего сообщения? — спросил я.

— А ничего! Птичка тут вести на хвостике далеко разносит. Ты, пацан, пока посиди. Хромченко, устрой пионера.

Хромченко был толстый мужик с висячими усами и блестящей лысиной. Он взял меня за рукав рубашки и потащил прочь. Он вывел меня из помещения, потом, пройдя метров пятьдесят, подвел к маленькой будке, втолкнул внутрь и закрыл там.

— Пожрать принесу потом, пока отдыхай, — бросил он перед тем, как запереть на ключ ржавую дверь.

Отдыхать можно было только на железной кровати, на ней лежал грязный полосатый матрац и даже сплюснутая серая подушка. Но все равно выбирать не приходилось, я решил пока поваляться, вдруг отец отзовется вот-вот, и дальше все будет нормально.

Я лежал, смотрел в потолок и вдруг заснул. Ну, то, что заснул, я понял уже потом, когда кто-то стал меня трясти за плечо. Это был Хромченко.

— Так, пойдем, пацан, начальство вызывает, — сообщил «свободовец». — А ты, смотрю, шустрый — пять минут, и уже дрыхнешь. Молодец! В армии таким цены нет, кто так быстро засыпает.

В комнате, где все сидели, мне тот, главный, с загорелой мордой, сразу же сунул в руки трубку от рации.

— На, вот тут как раз Стрелок, — сказал начальник.

— Алло, — сказал я с замиранием сердца.

— Ты кто такой? — прохрипел в трубке неприятный голос.

— А вы кто? — Мне этот голос очень не понравился.

— Я Стрелок и хочу знать, почему ты, гаденыш, говоришь, что ты мой сын?

— Я Андрей Малахов. — Я думал, он поймет.

— Ну и хрен с тобой, хоть Нагиев! — ответил голос. — Нет у меня никаких сыновей. Так и скажи твоим приятелям.

Но «свободовцам» ничего говорить не было нужно. Рация не только на трубку передавала сигнал, его и так все слышали из динамика.

— Ну и? — Главный «свободовец» на меня посмотрел очень нехорошо. — Может, расскажете, молодой человек, что вы тут нам впарили? Я даже почти поверил. Уж больно необычно встретить в Зоне мальчишку. А ты, пацан, оказался очень хитрый. Папашка его сидит в «100 рентгенах» и никаких сыновей не признает. Липовый папашка-то. А что же тогда ты тут вынюхиваешь? Как в Зоне оказался? А ну, говори!

— А я вот что покажу. — Я понял, что надо что-то делать, и вспомнил о пистолете у меня в рюкзаке.

Я сбросил рюкзак и, порывшись там для виду, эффектно, прямо как в кино, вытащил пистолет и навел ствол на седого. А тот совсем не испугался, так вздохнул тяжело, прямо как добрый учитель вздыхает, когда приходится двойку ставить. Он поднялся, подошел ко мне и отнял пистолет. Я попытался стрелять, но пистолет не выстрелил. Эх, надо было сначала потренироваться.

— Хромченко, отведи его, потом разберемся.

Меня взяли теперь уже за шкурку, а не за рукав, отобрали рюкзак и поволокли опять в ту самую каморку. Но когда Хромченко отпирал дверь, у него за спиной словно ниоткуда появился наш Полтергейст, который со свиньей и тушканчиком к нам пришел. Хромченко ничего не заметил, но оглянуться не успел, как от страшной оплеухи полетел прочь. А в это время из домика, где сидели все «свободовцы», раздались автоматные очереди. А потом бахнули разрывы гранат, и все затихло.

Вокруг меня уже топтались наши зомби, очень довольные тем, что произошло. Они вообще всегда радуются после боя.

Как рассказали ребята, они все ждали-ждали, когда я вернусь или дам им знать. А тут уже и отряд зомби стал подтягиваться. Конечно, надеяться, что зомби подойдут к посту и их не обстреляют, было нечего. Попросили кровососов тихонечко убрать постовых. Кровососы с удовольствием открутили им головы. Ребята об этом рассказывали так спокойно, словно это было кино. Да и меня уже не особенно ужасали все эти кровавые подробности. Мы привыкали.

Потом друзья пошли меня искать и увидели издалека, как меня ведут под конвоем. Тут Полтергейст, не спрашивая, сам решил, что надо делать. Ну а перебить тех, кто сидел в доме, было совсем не трудно. И зомби гранатами их закидали скорее уже по привычке. И что я еще заметил — теперь некоторые зомби были вооружены. Они, как только мы стали лагерем в лесу, начали чистить свое оружие. Зомби, если делали что-то, чему хорошо научились в нормальной жизни, сразу становились серьезными и спокойными, переставали гундеть и шататься и выполняли работу старательно, как настоящие солдаты. Строем ходили, обмундирование подгоняли. Оружие чистили просто как машины какие-то. Четко, аккуратно, быстро.

Я засмотрелся на зомби, и тут ко мне подошли ребята.

— Ну и что теперь? Мы пока всю Зону не выжжем, так ничего и не узнаем? — спросил Толик. — Мне что-то не очень это нравится. Слишком нам везет.

— Все пока на комикс похоже, — добавил Юрка. — Пора бы и на землю возвращаться.

— Я говорил со Стрелком. Он в баре «100 рентген», — почти не соврал я. — Надо туда идти. Вот смотрите.

Я достал карту и нашел там этот самый бар.

— И не надо ни с кем воевать. Он там, так что никакие бешеные взрослые нам уже не нужны. Надо идти.

— Надо-то надо... — уныло протянул Бэрик. — Только уже надоело.

— Все равно уйти отсюда мы сможем только с юга. Не получится обратно через реку. А впереди город. Там же интересно, там дома брошенные! А вдруг мы там что-нибудь интересное найдем?

Но уйти мы не смогли никуда. Небо разорвал рев — боевой вертолет, страшный, как сказочный дракон, пронесся над нашими головами и, пролетев за кроны деревьев, завис над лесом. Вертолет развернулся и застыл, наклонив свой тупой нос в нашу сторону. Он словно примеривался и размышлял, что с нами делать.

Совершенно неожиданно под носом у боевой машины взвыл пулемет. Фонтанчики земли, хвои и листьев взлетели почти под нашими ногами. Мы бросились к будке, где я сидел пленный. Неожиданно между нами и вертолетом выскочил Полтергейст, словно материализовался, как волшебный джин. Вертолет вильнул носом, и очередь прошла мимо.

Это не понравилось пилоту, и он выпустил две ракеты, которые с гадким шипением полетели к нам. Полтергейст развел руки в стороны, как дирижер, и ракеты, выполняя его приказ, разлетелись веером. Мне показалось, что Полтергейст очень разозлился. Он смотрел на вертолет и глухо гудел, как рассвирепевший кот.

Вертолетчики, видимо, не поняли, что происходит, и направили машину к нам. Я уже видел каждую заклепку на фюзеляже, мне даже показалось, что я навсегда запомню пилота в лицо. На пилоте был шлем, но забрало из темного стекла было поднято. Он смотрел мне прямо в глаза. А Полтергейст подпрыгнул, как кузнечик, и из его рук полетел в вертолет огненный шар. Шар попал в двигатель, вертолет затрясло, словно рыбу на крючке, он начал вращаться вокруг своей оси и заваливаться в сторону. Потом, зацепив хвостом крышу, грохнулся среди зданий и бабахнул огнем до самого неба. Вот теперь мне показалось, что дело сделано, и отсюда можно спокойно уходить. Полтергейст, довольный результатом, прямо прыгал на одной ножке от радости.

Глава двадцать вторая

«Чудо»

Ты еще
Не видел
Чуда?
Никогда
Не видел
Чуда?
Вот беда —
Не видел чуда!
Так сходи
И посмотри!

Р. Сеф

Я шел и думал, хорошо, что мы деревенских прогнали. Какие-то они не такие, как мы. Вот я, например, если мой товарищ плохо поступает, всегда признаю, что он поступил плохо. Перед всеми. А эти всегда — только они правы, а остальные дураки. Что бы ни вытворили. И сами... Да ладно.

По карте нам нужно было свернуть с шоссе и пройти по грунтовке, чтобы попасть к другой дороге, ведущей прямо в поселок, где находился бар «100 рентген». Видимо, когда-то в этих местах было приусадебное хозяйство. Полуразрушенные постройки, обвалившийся забор. В общем, как все в Зоне. Кирпичи и фундаменты поросли бурьянами, уже засохшими и торчащими как рыжие палки, и новой порослью, зеленой и нахальной. Пахло нагретыми лопухами. Я на минуту остановился среди этих развалин, чтобы осмотреться.

И тут в небе словно кто-то разбил бутылку с краской. В несколько секунд оно покраснело, и по багрянцу побежали черные облака. Ухнуло глухо, но тревожно. Все наши друзья — зомби, кровососы и Полтергейст — забеспокоились и загомонили. Бруно сел на траву и завыл тоскливо и безысходно. Что-то назревало. И тут прапорщик заорал и побежал, и все зомби вслед за ним рысцой бросились к большому сараю. Похоже, это был амбар или какое-нибудь сельскохозяйственное строение — высокий деревянный дом без окон, но с большими воротами. Он выглядел вполне нормально. И крыша была целая. В общем, за военными зомби туда направились кровососы, Полтергейст, ну и мы с Бруно.

Мы успели под крышу вовремя. Как только закрыли большие ворота, снаружи бабахнуло так, словно ударила молния, но никакой молнии видно не было. Это была совсем не гроза. По стенкам амбара побежали змейки электрических разрядов. Выглядели они неопасными, просто извивались и тихо шипели. Иногда они пробежали по нашим рукам и ногам, тихонько щекоча. Воздух в сарае стал светиться от молний. Но он не был прозрачным, а будто повисло сияющее марево.

И тут я увидел, что что-то странное происходит с нашими друзьями из Зоны. Они стали меняться. Первым изменился Бруно. Вместо очень страшного мордатого, зубастого и косматого чернобыльского пса он вдруг стал невероятно пушистой симпатичной собачкой. С веселой острой мордочкой, как в мультике. Весь серый с черным и хвост бубликом. Он улегся, положив голову на лапы, и преданно смотрел на Юрку. Потом незаметно изменились зомби. Они перестали бормотать, даже в мареве амбара стало видно, что их лица уже не такие смертельно бледные, и глаза заблестели и перестали таращиться в разные стороны. Военные сели кружком на ящики и поленья, которых тут было много, и стали шепотом разговаривать. А прапорщик подошел ко мне. Он тоже выглядел, как обычный человек. Его всклокоченные волосы теперь словно кто-то причесал. Они были коротко стриженные и совсем седые.

— Меня зовут Василий Андреевич, — сказал он и протянул мне руку. — Я бывший прапорщик. Теперь зомби.

Я сидел и ни слова не мог из себя выдавить. И Юрка онемел, и Толик тем более.

— Ну да, э-э-э... — я издал нечленораздельные звуки.

— Ты не бойся, пацан. Сейчас выброс, и все мы на час-другой становимся теми, кем были до катастрофы. Так что можем просто поговорить. Парни мои вон — сейчас болтать будут, вспоминать. Мы ведь практически не помним ничего, что с нами случается между выбросами. Я вот только смутно помню, что вы нам помогли. Помню, что помогли, а как и где... не соображу. Я ведь помню только выбросы. Как короткие обрывки нашего настоящего. И каждый раз вижу, что нас все меньше. Или уходят ребята, или погибают. Когда-нибудь мои люди и меня уже недосчитаются.

— А как вы зомбями стали? — вырвалось у Толика, который чуть пришел в себя.

— Да это мы все помним. — И тут Василий Андреевич рассказал свою историю.

* * *

Он, оказывается, был старшиной в роте охраны системы загоризонтной локации. Он даже обещал показать нам эту систему потом. Странно, сказал он, что мы ее еще не заметили, антенны там знатные. И вот, когда уже все рухнуло, я не знаю, что он имел в виду, так вот, ему приказали эвакуировать материальные ценности. Прапорщик объяснил, что ценности — это обмундирование, продукты и даже какое-то вооружение со склада, который находился в расположении части. Я сразу подумал, что это и был тот склад, недалеко от которого мы их встретили. Прапорщик собрал контрактников и поехал с ними к складу. А когда они проезжали мимо антенны, их накрыл пси-импульс. В первый выброс, когда к ним вернулось сознание, они узнали, что кто-то в те несколько дней, пока комплекс локатора не контролировался, успел подвести к нему психотронный сигнал. В общем, так они за секунду и превратились в зомби. Хорошо отпечатавшийся в мозгах приказ все время толкал их к складу, но они ничего не могли понять, не могли ничего сделать — зомби ведь не мыслят так, как люди.

— А ты со своими приятелями помог. Мы выполнили долг. Так что... — Прапорщик достал неведомо откуда появившуюся у него пачку сигарет и закурил. — Нам легче теперь. Нет той тоски, которая грызла все годы. Я думаю, даже после выброса, когда нас опять накроет, мы не предадим вас, ребята.

— Извините, а можно прикурить?

Я даже вздрогнул. У меня за спиной стоял мужчина в красивом костюме с белой рубашкой, и даже галстук был повязан.

— А, а... — Я опять не смог придумать, что спросить.

— Ты хочешь узнать, кто я? — Мужчина рассмеялся. — Разрешите представиться, молодой человек, я Миронов. Леонид Миронов, физик-исследователь. После выброса, ну и до него, меня люди будут называть — кровосос. А вот мой коллега — Павел Птушин.

Миронов взглядом показал на своего товарища. Тот был почему-то в смокинге и с галстуком-бабочкой.

— А откуда у вас одежда? — с сомнением спросил Юрка. Я вообще-то постеснялся спрашивать.

— А, это? Ну, считайте, это аватар такой. Ведь не обязательно то, что вы видите, существует на самом деле.

— То есть вас нет? — испугался я.

— Нет, мы-то как раз есть, и именно такие, как выглядим, но вот одежда... Считайте, Зона нам в обмен на нашу основную жизнь здесь дала шанс хоть иногда выглядеть так, как нам бы хотелось. Но я прошу нас извинить, у нас всего пара часов, а ребенка надо учить.

— Ребенка учить?

— Поймите, ведь мальчику нужно научиться говорить, научиться быть человеком хоть в редкие минуты. Мы всегда учим детей в минуты выброса.

— Скажите, а вы тоже под пси-импульс попали? — спросил я.

— Да нет, что ты, — засмеялся Леонид. — С нами получилось сложнее. Никто точно не может сказать как, но постепенно у тех, кто работал в Зоне после взрыва — и первого, и

второго, — начались направленные мутации. Это не связано ни с воздействием излучения, полный состав которого мы не смогли расшифровать, ни с вирусами, которые тут мутировали настолько, что стали проводниками потусторонних сил.

— А вы тоже из своей жизни между выбросами ничего не помните?

— Ну, не совсем так. Помним, конечно, многое.

— А зачем же вы тогда со сталкерами воюете, ведь они вас из-за этого убивают? — У меня даже голос дрогнул.

— Убить кровососа вне выброса нельзя. Если он сам того не захочет.

— То есть?

— Как бы тебе проще объяснить... Всегда, когда погибает кровосос, он погибает по своей воле. Он вступает в схватку с человеком тогда, когда у него внутри начинается собственная схватка — человека со зверем. И знай, если кровосос погиб в схватке, в нем победил человек. Не его, а именно в нем.

— А Ыду? Он кто?

— Ну как... Он сын людей. Ведь даже и за мгновения выброса можно полюбить. Любовь побеждает всегда. И везде. Не плачь.

Я и не заметил, как у меня вдруг появились слезы.

— Вы скажите Ыду, что мы его любим любого. Он классный пацан.

— Спасибо. Именно потому, что вы такие... В общем, не бойтесь ничего в Зоне, пока мы с вами. Ладно, надо с мальчиком позаниматься.

Потрясенный, я словно в болезненном бреде обвел глазами амбар. И увидел в дальнем углу девочку. Она сидела и качала что-то на руках. Делала вид, что баюкала.

— Привет, ты?.. Ты Полтергейст? Да? — Я подошел к ней.

— Привет. Я вообще Катя. Может, я для вас и полтергейст, но я Катя. А это мой крыс! Он мой друг.

Девочка показала мне веревочку. Это была смотанная в клубок та самая веревочка, на которой Полтергейст водил тушкана.

— Ты не смотри так, я не сошла с ума. — Девочка грустно улыбнулась. — Я просто так играю. Ты знаешь, это был мой самый лучший друг. Столько лет. Все время, пока я здесь, в Зоне.

— А что с тобой в Зоне произошло?

— Откуда я знаю? Я ехала в летний лагерь на автобусе. Там много детей было. Потом появились какие-то вооруженные люди, убили водителя и погнали автобус в Зону. Потом был взрыв, я потеряла сознание... Потом... Я очнулась в лесу. Сильно болела. И однажды утром я проснулась вот такой. Все дети из того автобуса стали полтергейстами. Мы же все были победителями республиканского конкурса творчески одаренных детей.

— И вы тоже воюете с людьми?

— Воевать? С ними? Мы просто убиваем их при каждом удобном случае! За то, что они с нами сделали! Жалко, сейчас все наши на речке. А то бы мы с вами все пошли. А у тебя нет жвачки?

Мы все стали сразу рыться в рюкзаках. Нашли пачку жвачки и две конфеты-карамельки.

Девочка очень обрадовалась. Она положила в маленький карман платья веревочку и взяла в руки сладости как что-то драгоценное.

— Я, когда нет выброса, не могу жвачку жевать. Да и где ее взять? Да и не понимаю я ничего. И не помню. — Она жевала жвачку с наслаждением, даже глаза на мгновение прикрыла.

И тут запели зомби. Вернее, они же были не зомби, а просто солдаты. Они пели тихую печальную песню. «Там, вдали, за рекой». Я ее знал, но тут показалось, что они ее пели так здорово, что никакой хор с ними не мог сравниться.

А снаружи все грохотало, казалось, весь мир сошел с ума. Я даже не мог себе представить, что же там делается.

— Ты хочешь посмотреть, что там? — спросила вдруг девочка-полтергейст и кивнула на ворота амбара.

— А ты откуда знаешь? — Я удивился. Как это Катя прочла мои мысли?

— Ну, я же все-таки победила в конкурсе одаренных детей. — Она засмеялась.

Катя подошла и взяла меня за руку. Я никогда не держал девочек за руку. Я никогда такого позора там, снаружи, допустить не мог. А тут оказалось так просто и естественно.

— Идем, не бойся. Если я тебя держу за руку, тебе ничего не грозит. Я защищаю тебя. — Катя уговаривала меня, понимая, что мне немного страшно.

Мы подошли к воротам. В них была маленькая дверца, видимо, чтобы только человек мог пройти. Вот ее девочка и открыла.

— Ты сейчас увидишь все не глазами обычного человека, а нашими глазами. Настоящих жителей Зоны. Смотри.

Она подтолкнула меня к двери, не выпуская руки.

Не было никакого кошмара и кровавого неба. Для меня исчез и злоеший грохот, и вспышки неестественных молний. Светило солнце. По голубому небу плыло несколько легких облачков. Только совсем недавно мы пришли к амбару по разваленному хозяйству, свежий бурьян прорастал через засохший, и повсюду валялся строительный мусор. Ничего этого сейчас не было. Только изумрудная поляна с яркими цветами, легкий ветерок и щебет мелких птиц. Я даже заметил, как то там, то здесь траву расцвечивали россыпи земляники. Смешной оранжевый заяц увидел нас и даже собирался убежать, но потом передумал и легко поскакал на другой край поляны.

— Это наш мир, — тихо сказала Катя. — Для нас он такой. А вот...

Она теперь взяла меня за обе руки и сказала:

— Закрой глаза и посмотри закрытыми глазами вверх.

Я так и сделал, но ничего не увидел, а девочка продолжила:

— Открой глаза.

Надо мной было необъятное бархатно-черное небо. Оно было усыпано мириадами звезд. Я никогда не видел звезды так четко. Всегда небо было белесым. А потом я стал смотреть на одну, красненькую, и тут меня стало поднимать над землей. Я уже летел в космосе, сжимая Катины ладони, и не ощущал ни скорости, ни расстояния. Несколько секунд, таких же, как бывает во сне, когда летаешь, и мы ступили на красный песок. Я давно понял, что это Марс.

— Но ведь на Марсе нечем дышать, — только и сказал я. — Это невозможно.

— А разве Зона возможна? — спросила девочка. — Разве возможны все те, кто живет в Зоне? Если ты принимаешь это, то должен принять и все остальное. На, возьми.

Катя отпустила мою руку и подняла с земли, вернее, я даже и не знаю, можно ли было сказать «с земли», маленький шарик.

— Попробуй, это очень вкусно, — сказала она, протягивая мне шарик.

Я, не сомневаясь ни на секунду, откусил кусочек. Он был сладкий, и словно поток разных вкусов полился мне на язык. Как будто самые лучшие в мире конфеты и фрукты были перемешаны в этом кусочке.

— Вот такие здесь растут яблоки. Ты теперь не будешь болеть там, у себя дома, — улыбнулась девочка. — А полетели на Сатурн? Мне так нравится там между колец гонять.

Мы пронеслись сквозь пространство и вот уже летели среди каменных глыб кольца Сатурна. Они сверкали в солнечном свете, и казалось, усыпаны алмазами и разноцветными драгоценными камнями.

— Катя, а на других планетах есть разумные существа? — спросил я и подумал — ведь сейчас можно такое открытие сделать, что вся жизнь на Земле перевернется.

— А зачем они тебе? — засмеялась она.

— Ну как, встретимся с другим разумом, ведь это так здорово.

— Но ведь вы уже встретились? И что? — Девочка посмотрела на меня требовательно, словно ожидая важного ответа.

У меня загорелись щеки, и я промолчал.

Мы опять стояли на пороге амбара и смотрели на прекрасный, сказочный мир Зоны. Высоко в небе, оставляя белый след, пронеслась ракета. Куда, зачем? Напротив нас висел дирижабль, красивый, тоже яркий, как все вокруг, он медленно развернулся и унес людей вдаль. Косяк гигантских бабочек невиданных, фантастических расцветок облетел амбар и устремился в небо.

— Все, хватит, сейчас конец выброса, — сказала Катя и закрыла дверь ангара. После яркого мира я на мгновение перестал что-либо различать в темноте. А когда смог... Кровососы стояли рядом с Ёду и гудели. Военные зомби, покачиваясь, двинулись на выход. И Полтергейст, вытащив из кармана веревочку, грустно смотрел в потолок...

Глава двадцать третья

Передатчик развернулся:
«Это вот — моя антенна,
Частоту моей настройки
Посчитайте непременно».

(Автор неизвестен)

— Я вот что думаю, — сказал Толик, глядя на зомби. — Ведь если они попали под излучение этой самой системы, ну, как ее назвал Василий Андреевич, за, за... этой, локации...

— Загоризонтной локации. — Я хорошо запомнил название.

— Да, локации, — кивнул Бэрик. — Так вот, если она вдруг опять включится и опять кто-то попадет под нее?

— Ты что предлагаешь? — Юрка как-то озадаченно посмотрел на Толика.

— Надо ее сломать на фиг, — убежденно ответил Боровик.

— А как ты ее сломаешь? — Я понял, что Груше эта идея совсем не нравится.

— За то, что она сделала, я руками ее сломаю, — процедил Бэрик. — Надо к ней идти.

— А чего это ты решаешь вдруг? Пока Андрюха тут нас главный.

— Я не решаю, а предлагаю. — Толик начал злиться. — А кто не хочет, может здесь торчать. Я и сам пойду сломаю.

— Никуда ты не пойдешь, кишка тонка! — Юрка стал задираться.

— Так, тихо. — Мне пора было вмешиваться. — Я предлагаю голосовать.

— Ну и голосуйте. Хоть лопните! Не пойду я туда. Все, надоели мне ваши приключения! — Юрка демонстративно сел на полено, которое валялось посреди амбара.

Бруно, который все это время беспокойно слушал наш разговор, посомневавшись, принял позицию хозяина и лег у Грушевского под ногами.

— Ты предатель! — крикнул Толик. — Я думал, мы — один за всех, а ты вот какой.

— Я такой, если все за одного, то чего вы меня не слушаетесь? — Юрка психовал, словно боролся за что-то самое важное в жизни. — Сами идите, я подожду. Сломать антенну с излучателями любой может! Я устал, и собака нуждается в психологической разгрузке.

— Очень надо было, — сказал я. — Пошли, Толик, посмотрим, где эта самая антенна.

— А как? — Тут только выяснилось, что Бэрик не подумал о том, где же эта антенна находится.

— Ну как. — Я пожал плечами. — Сказал же зомби, то есть Василий Андреевич, что ее увидеть проще простого. Мы-то не искали никаких антенн.

Чтобы увидеть хоть что-то кроме подступившего к амбару мелкоколосья, пришлось долго забираться на крышу этого самого амбара. Сначала я не мог придумать, как это сделать. А потом со стороны, противоположной входу, мы нашли доску, прибитую поперек бревен, из которых был построен амбар. И вот Бэрик, как дикая обезьяна, вцепился в эту доску руками и ногами и стал карабкаться по бревнам, как по лестнице. И долез до маленького окошка у

самой крыши. Я никогда так не лазил, но попытался. И в общем, после третьего бревна я поскользнулся и повис, держась за доску и прижавшись к ней животом.

— Можно не лезть! — крикнул сверху Толик. — Все ясно.

Он так же ловко спустился, я еле успел спрыгнуть на землю, сделав вид, что просто залезть не успел.

— Мы точно слепые кроты, там она. — Толик показал в направлении леса. — Наверное, час идти. Давай поднимать народ.

— Народ?

— Ну зомбей наших и остальных, — пояснил Толик.

— А... ну пойдем.

Я был на самом деле расстроен тем, что Юрка вдруг заелся.

— Пошли! — крикнул Толик в открытую дверь амбара, и на свет вышли кровососы и Полтергейст. А зомби не пришли. Я зашел за ними внутрь и повторил то, что Толик говорил:

— Военные, вперед, шагом марш!

Зомби заурчали недовольно, стали переминаться с ноги на ногу, но никуда не двинулись. «Вот же народ странный», — подумал я. Ну, ладно, не хотят — и не надо. Мы с Юркой решили, что справимся без них, и, показав рукой тем, кто пошел с нами, куда идти, двинулись к антенне.

Этот самый загоризонтный локатор я увидел очень скоро, как только тропинка, петлявшая в лесу, повернула в нужном направлении. Среди деревьев мелькнула огромная, выше любого дома, решетка. Кровососы спокойно топали к ней, словно догадались, что нам надо, а Ыду, как переводчик, бегал от нас с Толиком к своим соплеменникам и что-то лопотал. Старался быть нужным. Один Полтергейст грустно замыкал нашу экспедицию, понутив голову. Но я его понимал. Ему сейчас не весело.

Высоченная стена антенн нависала над нами, заслоняя весь горизонт. Чем ближе мы подходили, тем больше во мне росло сомнение, как же мы будем ее ломать. Скорее всего сломать ее, как забор, мы не сможем. Да, наверное, и не надо ее так вот ломать. Дело же не в этих железках. Я ведь как думаю, телевизионная антенна принимает из воздуха сигнал и передает его на телевизор. А ведь эта антенна не так должна работать. Не принимает же она сигнал из космоса и не показывает его по телевизору в Зоне? Нет, конечно, эта антенна должна пускать сигнал прямо в голову человека, чтобы управлять им или, к примеру, изменять его, как зомби. Значит, она работает не так, как телевизионная, а наоборот. То есть к ней должен откуда-то приходить сигнал по проводу, а она должна его выпускать в разные стороны.

Я рассказал Толику все свои соображения, и он согласился со мной, только сказал, что надо искать разъем кабеля. Потом посмотрел на меня и пояснил, что сигнал к антеннам подводят по кабелю, и кабель должен присоединяться к антенне чрез разъем — специальную железяку, которая позволяет соединять два куска кабеля. Я сказал, что вообще-то у телевизора это называется штекер антенны, а Толик заржал, как дурной, и заявил, что это не телевизор, а сложная боевая техника. Почему боевая — не объяснил.

— Какой штекер! Там же кабель, — Толик показал руками большой круг, — вот такой. Его не втыкать надо, а привинчивать.

Я подумал, что, наверное, он в чем-то прав. Эта антенна-то побольше телевизионной. Я, конечно, не видел никогда телевизионных антенн, но в старых мультиках их рисовали часто, когда надо было показать, как коты по крыше лазают. А у нас у всех давно кабельное телевидение.

Лес расступился, и перед нами полностью открылась громада антенного комплекса. Вблизи он был просто страшный. Я никогда не думал, что такое сооружение будет вызывать страх высоты даже тогда, когда стоишь у его подножия.

Первое, что я понял, когда мы подошли совсем близко, что совершенно не представляю, где искать этот разъем и этот кабель. И еще мне показалось, что здесь давно не было ни одного человека. И что антенны — мертвые. Даже на кладбище техники не было так мертво. Там машины и вертолеты только затаились на время, а здесь все дышало смертью.

Но раз пришли, надо что-то делать. Наши друзья из Зоны отступили в сторону и сбились в кучку, наблюдая за нами. Они не мешали нам, но и не помогали, никто из них не прокладывал путь. Видимо, для нас здесь было относительно безопасно, и все зависело теперь только от нас.

С этой стороны фундамент антенн был практически монолитный. Угрюмый бетон с редкими вентиляционными решетками, в которые никто бы не смог пролезть, разве что тушкан, но его с нами уже не было. Ясно, что эту махину придется обойти. Мы с Толиком пошли вдоль стены направо, а остальные и не шелохнулись. Ну, как хотят. Мы дошли до самого угла и завернули, потом опять и вышли на фасадную сторону основания антенны. И увидели пристройку с дверями — вход в помещение под антенной.

— А может, тут уже ничего не работает? — как-то скучно спросил Толик. — Зря мы сюда пошли вообще. Юрка правильно решил.

— Я вот что подумал, — внезапно дошло до меня. — Ведь зомби не пошли с нами, потому что боялись, что их опять накроет излучением.

— И? — Толик помрачнел.

— Зомбям-то терять нечего, а вот если накроет нас, то... — Я посмотрел на Толика. — Тикать надо!!!

Я заорал изо всех сил и рванул к открывшемуся впереди входу под антенну. Понятно, что под ней безопасней.

Мы стояли в маленькой комнатке прямо за дверью. Вернее, двери никакой не было, она валялась снаружи. Ее скорее всего взорвали. Петли, массивные стальные полосы, были изжеваны так, словно они из пластилина.

— Ну, что? Пошли дальше, не будем же здесь, в прихожей, топтаться. — Я первым шагнул в темноту помещения. Хорошо, что фонарик у меня был с собой.

Внутри царил мрак, разрушение и вонь сгоревших электроприборов. Наверное, здесь не один пожар случился. Потолок был настолько закопчен, что казалось, его обили черным бархатом. Перекрытие опиралось на бетонные колонны — квадратные, с шляпкой наверху. На шляпках держались плиты потолка. Колонны тоже были закопченные. И несколько из них не опирались ни на что. Просто висели в воздухе. При этом прекрасно держали на себе бетон потолка. Ну, в Зоне мы уже привыкли и не к такому.

В помещении мы не нашли ни приборов, ни кабелей, только пустые ящики с обгорелыми проводами. Все это никак не могло работать. Но в дальнем конце комнаты была лестница на верхний этаж.

— Пошли туда? — спросил я Толика, который все это время сопел у меня за спиной.

— Зачем, ничего же нет, — тихо ответил Бэрик. — Пошли уже отсюда. Пора, там зомби некормленные.

С чего это он так за них стал трястись. Но я не стал ему ничего говорить и пошел вперед к железной лестнице.

Второй этаж мало отличался от первого. Тут было уже светлее, и скорее всего здесь господствовал не пожар, а разгром. Во-первых, тут было полно какашек. Засохшие кучки виднелись повсюду. Словно кто-то использовал это помещение как туалет. Но какашки не воняли — они были сухие. Я еще подумал — хорошо, что сухие, не хватало нам спугнуть какого-нибудь бешеного сталкера или военного. Во-вторых, тут было несколько железных столов, на которых стояла аппаратура. Ну, она раньше была аппаратурой, а сейчас это горы разбитой электроники. Как будто сумасшедший с кувалдой тут несколько дней развлекался.

— Ну, что я говорил, ничего здесь нет. — Толик говорил уже громко.

— А вот это что? — Я показал на один прибор, с которым поступили очень странно. Зеленый железный корпус прибора выглядел так, словно великан взял его громадными лапами, сплющил, а потом растянул в стороны. Даже от пальцев остались вмятины.

— Да уж... Шрек веселился? — спросил Толик, понизив голос.

— Я не знаю. — Я тоже стал говорить тихо. — Я надеюсь, он ушел давно.

— Давно, прибор весь пылью покрыт, — сообразил Толик.

— Где твой разъем? — спросил я, мне захотелось побыстрее отсюда уйти.

— Я думаю, все оборвали уже, — не очень уверенно сказал Бэрик, озираясь.

— О! Смотри! — Я наконец увидел один несгоревший кабель.

Из-за одного из сокрушенных электронных блоков наверх в потолок, за которым уже находился сам антенный комплекс, уходил кабель, точно такой же, как у телевизорной антенны.

— Надо разъем найти! — Толик шагнул к кабелю.

— Осторожно! — заорал я.

Толик от неожиданности присел и закрыл голову руками.

— Да нет! Ты чуть в капкан не попал. — Я показал пальцем на коричневую кучку. — Осторожней надо, заминировано!

Толик, сидя на корточках, начал тихо хихикать, а потом вообще громко рассмеялся, просто заржал. Я тоже с ним. Если бы тут было почище, мы бы точно упали на пол, валяясь от смеха.

Насмеявшись, мы совсем успокоились. Подумаешь, развалины старой антенны и битая аппаратура! Да будь здесь хоть на грамм опасно, кровососы бы нас ни за что сюда не пустили.

Мы обошли стол с аппаратурой и стали изучать кабель. Оказалось, он был просто отрезан. Но чуть выше того места, где его разрезали, к кабелю с помощью металлических прищепок были присоединены провода, а от прищепок провода шли к маленькой рации. Ну, может, это была не рация, а что-то похожее, вроде сотового телефона. Он тоже был разбит вдребезги. Толик рванул эти прищепки, и кабель свободно повис в воздухе. Ничто уже к нему не присоединялось.

— Все, дело сделано! — сообщил Бэрик сам себе. — Пошли отсюда!

— Пошли, — согласился я. — Тем более, мне кажется, что тут когда-то стояла очередь таких, как мы, чтобы сломать эту антенну. Видимо, кому-то она сильно насолила.

— Ничего, лишний раз не помешает. — Толик на мгновение задумался, потом резким ударом ноги сшиб один из приборов на пол. — Это контрольный выстрел.

— Эх, сделать бы тут контрольный выброс. Чтобы все местные опять в людей навсегда превратились, — мечтательно сказал я. — Но боюсь, наоборот уже не получится.

— «Фарш невозможно повернуть назад...» — фальшиво спел Толик. — Пойдем уже.

Я внезапно почувствовал, что сильно замерз. Даже мурашки по спине пробежали. Видимо, тут сыро, в этом каземате. Пора, пора отсюда.

Обратно к нашим друзьям мы вернулись уже без всяких опасений. Они там тоже не скучали. Кровососы где-то добыли веревку, и сейчас Ыду и Полтергейст прыгали на скакалке. Ыду был не очень опытный прыгун. Он подпрыгивал высоко, поджимал ноги, почти сгибая их пополам, а вот Полтергейст прыгал очень здорово. Чуть-чуть отрываясь от земли, так что скакалка только и могла проскочить под ним. Ыду от счастья верещал, а Полтергейст был очень спокоен и многозначителен. Они увидели нас, и Ыду стал стараться так, что сверкали грязные пятки. А Полтергейст после очередного подскока забыл приземлиться и смотрел на нас вопросительно, зависнув в воздухе. Кровососы еще пару раз крутанули скакалку и остановились.

— Все в порядке, пошли к нашим, — сказал я им.

Компания немедленно отправилась в обратный путь. Юрка наверняка уже волновался, я его знаю. Он такой, вспылит, упрется рогом, а потом нервничает, пытается загладить ссору первый. Назад мы шли быстро и беззаботно, только когда посередине пути Полтергейст заметил, что он все так и идет, не касаясь земли ногами, он смутился, приземлился тихонько и пошел нормально. Но мы с Толиком сделали вид, что ничего не заметили.

Юрка уже ходил туда-сюда перед амбаром и волновался.

— О, наконец! Как дела? — обрадованно закричал он, как только нас увидел.

— Нормально, теперь эта антенна никого не обидит, — с чувством выполненного долга заявил Толик.

— Ну, молодцы, я сразу подумал, что это вы правильно придумали. — Юрка затараторил, как всегда он делал после ссоры. — А я пока зомби покормил, а то они

проголодались и стали солому жевать. Это же не дело! А знаете, как трудно было воду найти! Я там колодец нашел, вода вроде чистая, и Бруно ее пил. Ну, я каши наварил, они наелись и сейчас в амбаре дремлют. А гляньте, чему я Бруно научил! Бруно, Бруно, — стал звать собаку Юрка.

Толик на меня посмотрел вопросительно — чего это Груша такой шумный? Я тихо кивнул ему в ответ, мол, все в порядке.

Из амбара выполз сонный Бруно. Он потянулся, отставив задние ноги, зевнул так, что у него во рту мог поместиться невысокий человек, и лениво подошел к Грушевскому.

— Бруно! Ап! — скомандовал Юрка.

Бруно посмотрел на него задумчиво.

— Ап! — повторил Юрка страшным голосом.

Бруно, видимо, был совершенно не настроен демонстрировать новые знания и лег на спину, подставив живот.

— Это все зомби! Они его кашей подкармливают каждый раз. Так они мне собаку совсем из кондиции выведут, — сокрушенно сказал Юрка. — Ну сейчас я им задам!

Юрка решительно зашагал к амбару. Бруно, увидев, что хозяин уходит, подхватился и потопал за ним.

— Чего это он такой говорливый? — спросил Толик.

— Ну как, это чтобы мы забыли, что мы поссорились, — объяснил я.

— Да ладно! — махнул Толик рукой.

Тут раздался лай, грохот опрокинутого котла и Юркины крики. Из амбара вскочил Бруно. Он держал в руках открытую банку тушенки и улепетывал со всех ног. За ним выскочил Юрка, явно проигрывая в скорости, а потом человек пять зомби, похоже, просто за компанию. День удался на славу.

Глава двадцать четвертая

«Наш доктор»

Зной или стужа,
День или ночь —
Доктор торопится
Детям помочь...

А. Кардашова

Ночью мне приснился страшный сон. Будто я весь в грязи и надо лезть на большую гору. Я лез, лез, лез. Все выше и выше. И не смог удержаться, упал лицом в грязь. И проснулся. Было тяжело дышать. При каждом вдохе между ребер будто протыкало ножом. Я попытался закутаться в спальник, но теплее не стало. А потом меня начало трясти. Когда мне было девять лет, я болел каким-то жутким гриппом. Меня так лихорадило, что даже зубы стучали. Температура была за тридцать девять, а ноги — ледяные. Мама тогда сказала, это значит, что температура продолжает расти, и вызвала детскую неотложку. Врачи приехали, сделали мне укол, и я уснул. Здесь не было ни мамы, ни врачей. Я долго пытался согреться и все-таки заснул уже под утро. Проснулся я, когда было светло и пахло костром. А мне все еще было нехорошо. Я выполз из шалаша и пошел к костру. А потом вдруг словно лицо холодным ветром обдало, и я перестал чувствовать свои ноги. И вообще провалился куда-то.

Я летел на дирижабле. Он был громадный, как небо, а я лежал в гамаке, подвешенном под брюхом дирижабля. Гамак качался туда-сюда, убаюкивая и не давая заснуть одновременно. Было очень холодно, в небе всегда так. Я попытался открыть глаза. Не было никакого дирижабля, над головой качались кроны деревьев. Глаза болели, я их закрыл и стал прислушиваться. Кто-то тихо бормотал рядом. А потом меня вдруг осенило — какой я дурак,

я ведь все это время мог позвонить отцу! Надо только найти телефон. Здесь обязательно должны быть телефоны-автоматы. Я вошел в тесную кабинку и набрал номер.

— Алло, — слышалось из трубки. Такой знакомый, чуть хриплый отцовский голос.

— Папа! Это я! Ты где? — Я обрадовался, как все просто получилось!

— Андрюша! Ты как смог мне позвонить? — встревоженно спросил отец.

— Я из автомата! Ты когда приедешь, я соскучился! — У меня неожиданно перехватило дыхание.

— Скоро, Гусенок, скоро. Как ты там? — Отец, казалось, тоже говорил с трудом.

— Тут плохо! Я во дворе с пацанами подружился, но все равно иногда деремса. И мама целый день на работе. Папа, приезжай, да?

— А как мама?

— Мама нормально! Папа, а твоя командировка когда кончится?

— На днях. И я приеду!

— Папа, если ты не приедешь, я найду тебя сам. Поэтому приезжай!

Я хотел еще поговорить, но телефон вдруг закачался и улетел далеко в темноту.

* * *

Раздался чей-то голос: «Быстро в дом его, остальные — пока во дворе». О зубы ударилось что-то твердое, наверно, ложка, и горькая жидкость обожгла горло. И я провалился глубоко-глубоко в мягкую перину. Она была такая мягкая и зыбкая, что я проваливался все глубже и глубже.

Потом я открыл глаза. Было темно, только в дальнем углу над столом горела тусклая лампочка. За столом сидел худой мужчина с длинными темными волосами. Он точил нож. Я испугался, хотел убежать, но он понял, что я на него смотрю, отложил нож в сторону и тихо спросил:

— Ну что, очухался?

Я хотел ответить, что уже совершенно здоров, но только прохрипел что-то и опять провалился в темноту. Даже в том холодном небытии воняло какой-то тошнотворной едой, и меня мутило. А потом просто наступила полная тишина и темнота.

Что-то щекотало нос. Под веки пробивался яркий свет. Я лежал и боялся открыть глаза. И вдруг почувствовал, что у меня ничего не болит, что дышать не больно и что все хорошо. В окно светило утреннее солнце. Я решил, что это все-таки утреннее солнце. Во-первых, всегда просыпаются утром, во-вторых, таким радостно-ярким солнце бывает только утром. Тонкий лучик просочился сквозь занавеску, и в нем играли пылинки.

Я попробовал подняться. Это удалось мне с большим трудом. Словно я много дней бежал без остановки, и теперь от каждого движения болели все мышцы. У кровати стояли тапочки-шлепанцы. Я всунул в них ноги и, качаясь, поплелся к двери. Там, за дверью, раздавались звуки — спокойные и мирные.

Я открыл дверь и вышел на высокий порог дома. Он спускался пологими ступеньками в большой двор. Во дворе кипела жизнь. В дальнем углу у забора в три шеренги построились зомби, как на детском утреннике. Передняя шеренга сидела, а две стояли одна над другой, видимо, они забрались на какие-то лавки. В общем, они играли в хор, сомнений не было. И не просто играли, а даже пели. Ну, это они так думали, что поют. Дятел вон тоже думает, что поет.

Дирижировал ими какой-то зомби в шляпе с обвисшими полями. Он держал двумя пальцами веточку и рывками водил ею в воздухе. А зомби тихо-тихо, еле слышно подвывали ему в такт. Им так это нравилось, что некоторые даже закрыли глаза и запрокинули бледные лица в небо, словно прислушиваясь к небесам.

Слева от крыльца на лавочке, пристроенной к стене, сидели Юрка с Толиком и ели бутерброды с колбасой. Она была нарезана тонкими кружочками и пахла так, что мне казалось — они жуют прямо перед моим носом. А с другой стороны порога в тени большого

дуба сидел бюрер. Перед ним в воздухе висели шахматы. Он играл с тем самым черноволосым мужчиной, которого я видел в доме при свете лампочки. За игрой наблюдали кровососы и Полтергейст. Полтергейст все так же теребил в руках веревочку и не спускал глаз с фигур. А неподалеку возле колючих кустов прыгал Бруно, делая вид, что он на кого-то охотится. Судя по сумбурным прыжкам, охотился он на кузнечика. Все происходило практически в полной тишине, только вытье зомби еле угадывалось.

— О! Выздоровел! — Юрка увидел меня и оторвался от своего бутерброда.

Юркин голос сработал словно переключатель звука. Залаял Бруно, зомби, обрадовавшись мне, вдруг заорали, словно пели гимн, заурчали кровососы. И даже бюрер, глянув на меня мельком, удовлетворенно рыкнул. Ыду, оставил своих старших товарищей, прибежал ко мне и стал дергать за рукав.

— Так, не налетайте, тоже мне, обрадовались, — сказал мужчина с длинными волосами. — Андрей, пошли в дом, я должен тебя осмотреть. Но думаю, все уже позади.

Он подошел ко мне и, обхватив за плечи, повел в дом.

— А вы доктор? — не знаю зачем спросил я.

— Нет, я врач, — улыбнулся он. — Ну-ка, дыши.

Он усадил меня на кровать, задрал майку и приложил холодный пяточок прибора, которым всегда врачи слушают легкие.

— Ну, неплохо, считай, все прошло! — удовлетворенно сказал врач.

— А что прошло?

— У тебя была крупозная пневмония. В Зоне она проходит по-особому, совершенно не так, как бывает на Большой земле. Ну что, Андрей, тебе очень повезло. Спасибо твоим друзьям.

— А я ничего не помню. Дядя, а где мы вообще?

— Меня Тимур зовут. Мы у меня дома, — сказал он.

— Тимур? Это у вас нет антивируса? — Я вдруг вспомнил старый разговор папиных друзей с бабушкой.

А Тимур посмотрел на меня очень внимательно и совсем без улыбки. А перед этим он все время улыбался.

— Так... — Он сел на табуретку, которая стояла рядом с моей кроватью. — Ты кто, мальчик?

— Я Андрей. Андрей Малахов.

— Андрей Малахов? Что же они... — Казалось, мои слова его просто ошеломили. — Что же мне твои друзья несли про клад, Стрелка и какие-то коды. Ты ведь за отцом пришел, да? Скажи мне!

Я только сейчас увидел, что волосы у Тимура все черные-пречерные, но одна прядь совершенно белая.

Я решил не врать и не придумывать и рассказал все. С того самого момента, как мы уехали в Минск, как появился дядя Саша. Как я ездил к бабушке в Москву, про то, как я узнал, что мой отец Стрелок, ну, если точно — Тираторе, и про то, что он не совсем пропал. И про то, как тетя Клава и дядя Герман приходили. И что именно от них я узнал про антивирус.

— Твой отец никогда не был Стрелком. Стрелок — один из уродов Зоны. Ну, ты уже, наверное, успел понять, что самые страшные создания в Зоне — это люди.

— А вы папу моего когда видели? Ну, в... позже всего?

— Вот когда его пропавшим объявили, тогда я и видел его в последний раз.

— Он погиб? — у меня дрогнул голос.

— Еще не придумали такой Зоны, чтобы в ней Вадим... отец твой, погиб. Он исчез, и, я думаю, не просто так.

— Так он точно не Стрелок? Я со Стрелком даже по рации говорил. Он, правда, тоже сказал, что я не его сын.

— По какой рации? Со Стрелком? — Тимур очень удивился.

— Ну, я к «Свободе» пришел с ребятами. Ну и сказал, что...

— Так. Подожди. Охрану «Янтаря» ты с друзьями завалил?

— Да нет. Мы их просто... Ну. Да. А что, они в самом деле в плен меня взяли?

— Ясно. Я так понимаю, это именно ты со своей командой шел с севера Зоны? Моча всех и вся на своем пути?

— Мы только плохих. В смысле, воевали только с плохими!

— Как ты похож на отца, именно сейчас, в уверенности в собственной правоте. Хотя, конечно... по большому счету, нельзя отрицать, что ты прав. А ты... Ты мать предупредил?

— А она думает, что я в пионерлагерь, ну, в лагерь отдыха поехал.

— А твои приятели своим родителям что сказали?

— А я откуда знаю, — уныло протянул я.

— Так, в общем, я вас проведу на юг. Вам здесь нечего делать. Я мало верю, что ты сможешь выжечь всю Зону, хотя по повадкам можно предположить, что ты способен и на это. Но тебе надо отсюда уходить. — Тимур говорил очень строго, и я понял, что он заставит нас сделать именно так.

— Зачем? Я отца должен найти! — У меня прямо комок в горле застрял. — Ведь вы тоже... Ну почему... Вы же с ним товарищами были! Нельзя так бросать в беде товарища. Нельзя!

— А есть такие ситуации, когда ничего нельзя сделать. НИЧЕГО! Ты понимаешь? Отец твой исчез, просто исчез. И зомби это видели, но ни один из них не смог ничего внятного сказать. Лопочут что-то про колесо обозрения. Ну, чего они только не лопочут, когда возбуждены. Ты думаешь, я не ходил к тому колесу? Отец твой сделал что-то такое, что никто понять не может. Он исчез. Понимаешь — исчез! Похоронил Семяцкого, не попросил помощи ни у кого из местных, ну, тут я его понимаю, и исчез.

— Отведите меня к тому колесу, хорошо?

— Зачем? Хотя давай договоримся. Я тебя отведу. Но потом я тебя поведу дальше. На блокпост. И ты поедешь к маме. Договорились?

Тимур даже кивнул, словно сам с собой договорился.

— Я тебе обещаю... — продолжил Тимур. — Я сделаю все возможное, но отца твоего найду.

— А почему до сих пор не сделали? — тихо спросил я. — Почему не искали его столько лет?

— Ну... — Тут Тимур явно смутился. — Я ничего не могу сейчас сказать. Может, когда ты вырастешь — поймешь.

— Взрослые, когда не знают, что сказать, всегда говорят: вырастешь — поймешь. — Я уже понял, что ничего мне Тимур не скажет.

— Ты не прав. Внутри Зоны я ничего не могу узнать. И выйти — тоже не могу.

— А вы пробовали? — Мне хотелось с ним поругаться.

— Мне не надо пробовать. — Казалось, что Тимур очень сдерживается, чтобы меня не стукнуть. — Но если ты думаешь, что такая моя попытка поможет найти твоего отца, — давай пойдем. Только тебе потом с этим жить. Договорились?

— Договорились! — почти крикнул я. — Не боюсь я ни с чем жить. После того, как я живу.

— Да сколько ты там прожил... Ладно, хорошо. — Тимур кивнул. — Надо тебе выздороветь окончательно, и пойдем.

— Да я себя совсем нормально...

— Вот тут ты со мной не спорь. Я врач, а ты пациент, быстро в постель. Разбежался! — Тимур подтолкнул меня к кровати.

А я уже стал осматриваться в поисках одежды. Пришлось лечь. И сразу загудели ноги, словно я пробежал сто километров. Тимур дал мне какое-то лекарство, жидкое и противное. И я сразу заснул.

Глава двадцать пятая

«Дружная»

Раз, два, три, четыре, пять
Нам друзей не сосчитать,
А без друга в жизни туго,
Выходи скорей из круга.

Считалка

Пахло грибным супом. Я проснулся совсем легко. За окном уже был легкий сумрак. А за столом сидели Юрка с Бэриком и наворачивали тот самый грибной суп.

— А где Тимур? — спросил я.

— Он пошел зомбей кормить и остальных тоже. Зомби что-то сильно прожорливые стали.

— А как мы вообще здесь оказались? Вы меня притащили? И откуда вы про это место узнали?

— Ну, ты вообще здорово нас напугал, — начал рассказ Толик.

Оказалось, что три дня назад я выполз из шалаша и грохнулся без сознания. Был бледный и горячий. И ни на что не реагировал. Ребята пытались мне дать лекарство, в аптечке были только йод и валидол. Валидол в рот засунули, но я глотать не стал. И чай не пил, вернее, они не знали, как его вливать. А зомби смотрели на все это и потом вдруг разбежались кто куда. Пацаны решили, что они испугались и насовсем ушли. А оказалось, зомби побежали за помощью. Они привели с собой зомби-гражданского. Тот был лысый и в шляпе с широкими полями. Вот он и заставил ребят сделать что-то вроде носилок. Вернее, это было больше похоже на гамак, который соорудили из спальника и привязали к двум большим палкам. В этот гамак они положили меня и пошли за зомби.

Шли долго, наверное, полдня, но в итоге пришли сюда. Тимур их встретил, он, оказывается, уже знал, что к нему меня больного принесут. И сразу же меня в постель уложил, а пацанам сказал, чтобы они занялись нашей командой. Накормить, устроить в сарае с сеном на ночлег. Самое интересное, ни кровососы, ни Полтергейст совсем не боялись Тимура, и он вроде даже как знал одного из них. Потом Тимур послал Лысого куда-то, и тот пришел с бюером. Бюер принес какие-то травки и большой кристалл. Тимур растер его и сделал лекарство. В общем, этими травами и тертым кристаллом он меня и лечил. А валялся я без памяти два дня. Вот так я оказался здесь.

Пока они рассказывали, я понял, что если не поем сейчас, то мне станет нехорошо. Я нашел кастрюлю с супом и тарелку. Суп оказался просто удивительный. Я подумал, что мы совсем тупые — могли бы все время грибы собирать и варить такой суп. Не сообразили.

— Так что дальше будем делать? Тимур сказал, что мы вместе с ним пойдём. Он что, знает, где Стрелка найти? — спросил Толик, наблюдая, как я орудую ложкой.

Я промолчал, только прогудел набитым ртом, мол, подожди. Но я уже решил, что дальше обманывать пацанов нельзя.

— В общем, ребята, Тимур нас выведет из Зоны, — сказал я, когда закончил есть добавку.

— Ты что? А как же клад? — зашумели они.

— Нету клада. И нет никакого Стрелка, я вас обманул, — тихо сказал я и стал откашливаться.

— То есть как обманул? У тебя же наладонник сталкеровский, ты же со Стрелком говорил по рации, — не мог успокоиться Юрка.

— Ребята, наладонник я сам сделал. Из обычного КПК. Ребята, я отца искал.

И Юрка, и Толян как по команде закрыли рты.

— Где? Тут?

— Мой отец в Зоне пропал. Он был в специальной разведывательной группе. И Тимур был там. Но с ним что-то произошло, он не может из Зоны выходить. И еще были у отца товарищи. Но им не разрешили отца искать. В общем, Тимур мне сказал, что нас выведет. А отца мне не найти. Тимур уже пытался. В общем, простите меня.

— А разве если бы ты сказал, что за отцом идешь, мы бы не пошли с тобой? — с обидой в голосе спросил Бэрик.

— Я бы не позвал...

— А обмануть так можно? И позвать?

— Ладно, и вправду пора домой, — сказал Юрка. — Я представляю, что мне предки устроят. Если они уже протрезвели.

— Ой, — только и сказал Толик, очевидно, вспомнив, что дома ему тоже навалеют по полной.

Мы затихли. Я подумал, а вдруг моя мама позвонила в лагерь и узнала, что меня там нет?

— Ну, что притаились? — В дом вошел Тимур. — О, ты молодец, поел. Значит, все-таки идешь на поправку. А чего такие кислые?

— Да подумали... Как нам дома всыпят... — тихо сказал Юрка.

— Ну, там, конечно, уже вас хватились, но я уже о вас сообщил. Думаете, я не подумал о том, что вас ищут? Так что спите спокойно — дома все знают.

Я по лицам ребят понял, что у них тоже отлегло.

— Тимур, а скажите, вот... — Я даже не знал, как спросить.

— Что еще? — переполошился Тимур.

— Ну, — протянул я, — дело в том, что мы не все время втроем шли... — Я вспомнил о Юзике и его товарищах и подумал, что мы нехорошо поступили, бросив их одних. Надо было хоть оружие дать.

— Что, кого-то потеряли?

— С нами в Зону еще трое ребят местных ходили, ну, в смысле, не из Зоны местных, а из деревни на границе Зоны. Мы потом с ними поссорились и отправили их обратно. — Я рассказал правду, и стало легче.

— А, ты про этих? Ну, так они давно дома. Они-то про вас и сообщили в полицию. — Тимур улыбнулся. — Только, я боюсь, вы очень удивитесь, когда узнаете, в какую полицию они заявили.

— Почему это? — Я не понял иронии Тимура.

— Да вот, с твоими друзьями очень странная история вышла. Их выловила в миле от берега спасательная служба Пхукета.

— Какого Пхукета? — всполошился Юрка.

— Как какого, тайландского. Это курорт такой есть на берегу океана. Красота там неопишная, — ответил Тимур.

— Я понимаю, что Таиланд, у меня по географии пятерка. Но как они... — Юрка вытаращил глаза.

— Просто, на парашютах, — спокойно ответил Тимур. Словно спускаться на парашютах в океан для трех пацанов из полесской деревни — обычное дело.

— И что они в полиции?

— А ничего, когда в полиции выяснили, что они по-русски говорят, и привели переводчика из наших, они объяснили, что их сюда забросило из дыры в пространстве и что виноваты три пацана из Минска, — стал рассказывать Тимур насмешливым тоном. — Ну, пацанов, конечно, сразу на родину отправили, там еще долго с ними говорили, выяснили имена тех страшных злодеев из Минска. В общем-то именно оттуда и пошла первая информация о вас, ребята.

— И что, начали искать? Нас ищут? По всей Зоне? — разволновался Бэрик.

— Мне сказали, что знают, где вы, но не могут организовать спасательную операцию. Надо получить мандат ООН.

Мне стало немного тревожно от таких слов. Я представил, как ООН дает мандат на наш поиск, и сразу вылетают бомбардировщики. И бомбят все вокруг Зоны. Ну, как всегда.

— Так мандата не дали? — осторожно спросил я.

— Нет, не бойся, — успокоил меня Тимур. — В общем, через день выступаем. Я так понимаю, Андрей все вам рассказал? — обратился он к ребятам. — О том, что поход к концу идет?

— Рассказал... Он еще много чего рассказал, — буркнул Толик. — Будем собираться.

— А откуда у них были парашюты? — Юрка никак не мог успокоиться.

— Этого я не знаю, — ответил Тимур. — Но вот про дырку ту, я не ожидал, что вы узнаете. Редко кто то место живым проходит.

— Мы никому не скажем! — заверили мы.

— Ну и молодцы. А сейчас идите гуляйте, я должен осмотреть пациента.

Тимур долго выслушивал мои легкие своей штукой, потом смотрел горло с ложечкой, стучал пальцами по груди. Ну, как обычно все врачи делают.

— В общем, к походу готов. Только есть у нас некоторые проблемы. Там, ближе к Кордону, вас уже очень ждут некоторые представители военных группировок. Слишком ваш поход по Зоне был, ну, как бы это помягче сказать, заметным. Местные уверены, что вы, ребята, новые мутанты. Иначе как бы вам удалось столько военных положить — и «долговцев», и «свободовцев», и сталкеров в баре... Такого тут еще не было. Так что придется нам поступить немножко не так, как вы действовали до сих пор. Отправим ваших друзей по домам, а вы пойдете со мной. Всего нас будет четверо.

— Да плевать нам на местных. Мы с нашим отрядом какого хочешь местного...

— Так, не хорохорься, не надо больше смертей. Не надо. — Тимур опустил глаза, словно хотел сказать что-то очень неприятное.

— Так что, предадим своих? — чуть не крикнул я.

— Никто никого не предает. Ты же не всю жизнь будешь с кровососами и зомби по миру странствовать? Погуляли, и хватит. — Тимур говорил так, что было понятно, мы его слушаемся. — Пойми, лучше расстаться сейчас и не подставлять их под пули всяких...

Он не продолжил, кого всяких, но и так было понятно.

— А как им скажешь? Они же сами за нами увязались, — только и смог я сказать.

— Объясним. Не бойся. Они понимают намного больше, чем ты думаешь. — Тимур встал. — Сейчас я толмача позову, он им все объяснит.

Тимур пошел во двор, ну и я за ним. Было интересно, как же он им все расскажет. А Тимур позвал своего Зомби в Шляпе и что-то ему стал говорить на ухо. Тот кивал в ответ. Потом зомби отошел к своим и стал бормотать. К ним подошли кровососы вместе с Ыду и Полтергейстом. А бюрер, который все еще был здесь, наблюдал за ними издали. Все выслушали Лысого и без всяких слов немедленно пошли кто куда прочь со двора. А мне стало обидно, даже Ыду не подошел попрощаться. Все-таки до конца их не понять, обитателей Зоны. Ни людей, ни этих. Я нашел Юрку с Толиком — они от нечего делать играли в ножики за углом.

— Видали? — спросил я, кивнув в сторону уходящих.

— А что? — всполошились друзья.

— Все уходят восвояси, а мы идем дальше сами, — пояснил я ситуацию.

— Как все? — всполошился первым Юрка и закричал: — Бруно, ко мне!

И вправду радостный Бруно немедленно примчался неизвестно откуда.

— А ты говоришь — все. Бруно меня не бросит! — Юрка, сияя от счастья, стал тереть собаку за холку и щекотать ему за ухом.

— Ну, Бруно. А вот остальные ушли. И даже не попрощались. И вообще Тимур сказал, что дальше мы пойдем только с ним. Потому что местные могут нам устроить кровавую баню, и не надо подставлять ни зомби, ни всех остальных.

Мы с пацанами поболтали еще немного, но мне очень захотелось спать, и я пошел в дом. Там Тимур сидел за столом и чистил автомат.

— Я спать буду, да?

— Давай, тебе надо сил набираться, — ответил Тимур, даже не глянув на меня.

Ночью мне приснилось, что я играю в четырехмерные шахматы с Ыду. А Тимур ловит во дворе зайца. Заяц был оранжевого цвета, он отбегал от Тимура на некоторое расстояние, садился на траву и пытался зажечь об ухо спичку. У него почти получалось, но тут его настигал Тимур, и зайцу приходилось опять убегать. Вот же бред какой-то.

Проснулся я от того, что Юрка теребил меня за плечо.

— Что, я проспал? — всполошился я.

— Нет, ты выйди во двор, глянь, что делается! — Юркино лицо просто расплывалось от радостной улыбки.

Было утро, не раннее, а как раз самое приятное, когда еще не жарко, и только подсыхает роса на траве, и солнце на ней играет, как на драгоценных камнях. А во дворе стояли все наши. Зомби, кровососы, Полтергейст и впереди — Ыду с бюрером, как самые маленькие.

Ыду увидел меня и загукувал, как всегда делал, когда радовался. Он подошел к нам, взял меня и Толика за руки и повел нас ко всем. Юрку он бы тоже взял, но рук не хватило, и Ыду просто следил, чтобы Юрка тоже шел. А толпа зомби расступилась, и мы увидели, что они нам устроили сюрприз. На большом куске брезента, расстеленном на траве, лежала куча всяких предметов. По тому, как некоторые из предметов мерцали, я сразу догадался, что это артефакты.

— Тимур! — позвал я, потому что ничего в этом не понимал. Тимур пришел сразу же — он возился с чем-то в сарае.

— О, это откуда? Друзья ваши притащили? Ну-ка...

Он долго рассматривал артефакты, перебирал их, раскладывал и смотрел на свет.

— Я так понимаю, это вам, ребята, на память от ваших друзей. Одно могу сказать, если это продать, то вам до конца своей жизни и на жвачки, и на Канары хватит. Королевский подарок.

Мы вышли через час. Тимур накрепко запер дом. Мы попрощались со всеми. Ыду разревелся, и один из кровососов взял его на руки, чтобы успокоить. Бюрер долго сопел, потом сунул мне в руки кожаный мешочек. Там он хранил свои шахматы. А зомби построились и прошли мимо парадным шагом. У них даже получилось спеть песню. Ну, такую, на свой манер. Когда мы шли прочь от дома Тимура, я все время оглядывался. Со двора нам махали руками и конечностями наши друзья. Наверное, самые надежные друзья, которые были у меня в жизни.

Тимур не разрешил нам брать никакого оружия, кроме ножей. Он выдал их нам, сказав, что это он сам ковал. Ножи были большие и красивые. Их мы повесили на пояс. Оружие было только у Тимура. Он взял автомат Калашникова, тот самый, который чистил. Ну и еще у него был пистолет в кобуре и такой же нож, как у нас. Рюкзак у Тимура был странный, вроде и большой, но он туда мало чего положил, поэтому его вещмешок выглядел пустым. Кроме артефактов, которые мы разделили поровну на три рюкзака, мы взяли немного еды. Палатку, спальники, пенки оставили. Тимур сказал, что, во-первых, мы сегодня же доберемся до цели, а во-вторых, если надо будет, он знает, где можно переночевать под крышей.

Шли мы уже совсем не так легко и беззаботно, как тогда, когда с нами были жители Зоны. Тимур время от времени бросал гайки, к которым он привязывал куски бинта. Иногда осторожно обходил места, которые ему не нравились, а иногда стоял, дав нам знак не шевелиться, и долго выжидал чего-то. И я впервые, наверное, за все время, пока был в Зоне, вдруг понял, насколько опасно тут ходить.

Тимур, когда находил аномалию, объяснял нам, что это такое. Рассказал про «электрику», которая могла бы убить любого разрядом электричества. Про страшную «жарку», которая могла нас всех просто испарить в доли секунды. Про «холодец», после которого нам бы мало не показалось. А мы прошли всю Зону, и наши друзья не дали нам не то что попасть в эти

страшные ловушки, а вообще их заметить. Все-таки Зона для них не страшная аномальная зона, а родина, это мы здесь чужие. И это от нас здесь вред, а не от них. Но кто мне поверит? Ничего, я вырасту и вернусь сюда. Я постараюсь, чтобы люди поняли, что они не цари природы, а просто жители.

Сначала дорога шла по широкой тропинке через лес, потом тропинка перешла в проселочную дорогу, и наконец мы вышли на разбитое шоссе. Я заметил, что Тимур вздохнул с облегчением.

— А ведь вы должны знать тут каждый уголок, почему же надо все время проверять дорогу? — не выдержал и спросил я.

— А почему тут всегда была осень, а с вашим приходом настало лето? — ответил он вопросом на вопрос.

— Ну... — Я не знал, что ответить. — Зоне захотелось, и все.

— А ты всегда можешь предугадать, что Зоне захочется?

— Но ведь так же нельзя, все время бояться?

— Мальчик мой, кто тебе сказал, что я боюсь? Ты знаешь, даже в обычном мире жизнь бывает намного сложнее, чем здесь. Но там не бросишь гайку, проверяя свой путь.

— Это да, — сказал я и вздохнул.

Но все-таки я бы не сказал, что жизнь там, за Зоной, сложнее, чем здесь. Когда я бывал в гостях у бабушки, все было просто и понятно.

Глава двадцать шестая

Пыхтит паровозик,
Гудит паровозик,
Покоя нет никому.
Устал паровозик,
Уснул паровозик,
Четыре годочка ему.

А. Седугин

Незаметно чувствовалось, что мы приближаемся к городу. Все чаще вдоль дороги валялись сгнившие остовы всякой техники, то тут, то там попадались полуразрушенные домики с почерневшими деревянными стенами. Иногда дорогу перебегали кабаны или слепые собаки. Но на нас они не обращали никакого внимания. То ли знали, что нас не надо трогать, то ли просто мы им были неинтересны. От летнего солнца становилось уже жарко, и запахи мертвых домов, хвойного леса и горячего бетона наполняли воздух. Шли мы молча, потому что Тимур несколько раз резко обрывал нашу болтовню, мы мешали ему сосредоточиться на дороге.

— Надо нам сначала к Сидоровичу. — Тимур остановился на развилке. — Так что пойдем к нему, тут его лежка недалеко. Сегодня должен быть на месте.

— А может, не надо к Сидоровичу? Он такой жук. За «огоньком» посылал нас за то, что скажет, где Стрелок, — вспомнил я встречу с этим человеком.

— Ну и за «огонек» мы с него возьмем должок. Вот же спекулянт, детей послать за «огоньком»! — Тимур покачал головой. — Этот артефакт пять лет никто принести не мог, все гибли, как мухи.

— А что там такого? — удивился Толик. — Мы пошли с Ыду и спокойно его взяли. Ыду, правда, вел нас так путано, мы все время кружили, возвращались, плохие места обходили. Там их так много!

— Так, подождите, пацаны! Расскажите мне подробнее, где этот «огонек» был и как вы его нашли? — Тимур очень заинтересовался.

— Да я ничего не знаю, — ответил я, потому что Тимур смотрел на меня. — В это время я, как Буратино, вверх ногами на дубу висел. Пусть вон Юрка с Толиком рассказывают.

— Ну, я даже не могу сказать, где он точно. Хотя, Андрюха, дай ЖПС Сидоровича, там же все забито, — попросил Юрка.

Тимур взял у меня гаджет перекупщика и стал его внимательно изучать.

— Ага, понятно. — Врач нашел координаты артефакта. — Интересное место. Ни у как там?

— Да мы-то что, у нас Ыду поводырем был и зомби, как обычно, вроде разведки, — начал рассказ Юрка.

— Но не все время, — подхватил Толик, он ведь тоже добывал «огонек».

— Ну да, мы как раз подошли к тому полю, так зомби стали топтаться на месте и дальше — никак. Видимо, там проход был очень узкий. Ыду так странно пошел, словно по кочкам прыгал, ну, как в классики.

— Он двигался прыжками, — пояснил Бэрик. — Прыгнет на одной ножке, потом примерится и опять. А потом вообще смешно было.

— Ага, смешно, — перебил Юрка. — Оно как бахнет, я чуть не обделался. Там...

— Да, бахнуло знатно, оно как швырнет, а тут... — продолжил Толик.

— Так, ребята, давайте поточнее, ладно? Кто куда бахнул и зачем? — остановил их Тимур.

— Ну, Ыду прыгал-прыгал, потом остановился и стоит. — Груша стал рассказывать подробно. — И смотрит перед собой. А потом поковырял вокруг себя, песка нагреб и легко так его бросил. Ну мы и увидели. Там такое было!

— Какое? — Тимур тормозил рассказчиков, чтобы они не увлекались.

— Дай я, — встрял Толик. — Так вот, пыль полетела, и мы увидели, что в воздухе, ну как мираж, висят две такие штуки. Во! Как у белки в клетках! Точно. Такие большие колеса. Только они невидимые, и белка для них понадобилась бы, как медведь. Они, кроме того, что в воздухе висели, еще и крутились. Красиво так, друг навстречу другу.

— Как это? — не понял Тимур.

— Одна по часовой стрелке, а другая против, — пояснил Юрка. — Вот на них Ыду и устался. И стоит, идти никуда не хочет. Видать, думал. А потом придумал и стал тихонько дуть, ну я не знаю, как у него получилось, но эти самые колеса вдруг поплыли друг к другу. И стали совсем рядом. И остановились. Ну, тут Ыду выдрал пук травы и кинул точно посередине. Ну эти два колеса и бабахнули. Только молнии полетели. Грохоту было!

— Хитер жук ваш Ыду. Разрядил противоположные колеса. Ну и дальше, нашли «огонек»?

— Нет, потом мы встретили мужика дурковатого, — покачал головой Груша.

— Да. Полного идиота, — подтвердил Бэрик. — В пальто, даже в шинели, на морде противогаз, сам на четвереньках, идет по полю и грибы собирает. И главное, наглый такой, увидел нас и попрыгал к нам. Хоть бы шинель снял, жарко ведь, неудобно. Ну, его Ыду на взлете сшиб.

— Да, и тот не обиделся, — кивнул Юрка. — Они, наверное, раньше знакомы были. Ыду ему показал какой-то гриб, прямо из-под земли выковырял, я думал сначала, что это картошка, а оно не картошка.

— Что ты понимаешь, картошка! — возмутился Толик. — Это трюфель! На международных аукционах он знаешь сколько стоит!

— Так что же ты тогда, если такой умный, не стал их собирать? — обиделся Грушевский.

Наверное, они какой-то свой старый спор вспомнили.

— У тебя не спросил, и как бы я его копать стал? Сам бы Ыду попросил...

— Так так, ребята, не надо трюфелей, про «огонек», — вернул на землю спорщиков Тимур.

— Ну так вот, Ыду с этим, в противогазе, стал о чем-то разговаривать. Ну, по-своему, — продолжил Юрка по делу. — Противогаз слушал, слушал и, кажется, понял, что от него хотят.

— Это snork, — сказал Тимур.

— Кто? — Я не понял.

— В шинелях с противогазами — это snorkи. Самое идиотское создание Зоны. Глупее, кажется, не придумать, — объяснил Тимур. — Я думал, что с ними вообще ни о чем договориться нельзя.

— Да нет, договорились, — улыбнулся Толик. — Да еще как. Этот самый snork как чесанет по полю и привел к нам совсем странное существо.

— Интересно, какое? — По вопросу Тимура я понял, что он уже о чем-то догадался.

— Ну... — Толик тут слегка замялся. — Птицу он привел. Она была странная. Юрка, сам рассказывай. А то...

— Ой-ой, стесняется он. — Юрка соорудил Толику рожу. — Птица была не простая. Здоровая, почти как страус, а задница у нее громадная и голая, как у макаки. Главное, он привел ее на веревочке, вроде как ручную.

— Да, тут, в Зоне, птиц лучше на цепи держать, — согласился Тимур. — А птицу я такую знаю. Бздюха называется.

— Вот именно. Ыду ее дерг за голову, за клюв, а она «пр-р-р» — и испортила воздух, — продолжил Юрка. — Воняет, как не знаю что. Мы сразу носы заткнули. Я так думаю, эти snorkи таких птиц разводят. Вот и приходится им в противогазах все время ходить.

— Интересная версия. Надо ее запомнить, — с улыбкой, но совершенно серьезно сказал Тимур. — Ну и дальше?

— Ну а дальше snork достал из кармана два камешка и держит их возле этой задницы. Ыду дерг за клюв, птица — «пердь», snork и стукнул камешками. Искру высек. Вот так «Огонек» и образовался. И не гаснет.

— Ну а дальше просто, — продолжил Толик. — Мы «огонек» в контейнер — и домой.

— Очень интересно. Буду знать на будущее. Надо птичью ферму организовать, — сказал Тимур.

— В общем, не очень сложно, — подытожил Толик. — Но все равно Сидоровичу, считай, за просто так отдали. Деньги, конечно, надо с него взять. Если я с деньгами вернусь, то мои предки ругаться не будут.

— А я своим не дам, — твердо сказал Юрка. — Ну, дам рублей сто, и хватит с них. Дядя Тимур, а много мы заработать сможем? Может, можно будет квартиру купить? Так, чтобы у меня с Бруно отдельная комната была.

— Я думаю, хватит, — рассеянно произнес Тимур. — Так, пацаны, опять расшумелись, нам сейчас в лес входить. За мной след в след чтобы! И тихо! Поняли?

— А Бруно не может след в след, — протянул озабоченно Грушевский.

— А ему и не надо. Чтобы чернобыльский пес да попал в аномалию? Не бойся. А ты уверен, что хочешь его из Зоны вывести? Я боюсь, с санитарным кордоном у тебя большие проблемы будут.

— Я друзей не бросаю! — гордо сказал Юрка.

— Это правильно, — согласился Тимур. — Ладно, что-нибудь придумаем.

Лес мы проскочили очень быстро, это был не лес, а скорее какой-то огрызок леса, потому что через полчаса мы опять вышли к грунтовке, и там Тимур свернул.

— Веселые здесь места. Так, ребята, я не уверен, что «подстанция» не тронет вас так же, как жители Зоны. Так что от меня ни на шаг, ладно? — сказал Тимур.

— Какая такая подстанция? — не понял я.

— Ну, какая, электрическая. Там аномалия на ней гадкая, вроде почти живая, но очень уж омерзительная.

— Током бьет? — забеспокоился Толик.

— Не столько бьет, сколько на мозги давит. Ладно, пойдем, если она зашумит, разберемся, — ответил Тимур, поправил свой рюкзак и зашагал вперед.

«Подстанцию» мы увидели очень скоро. То, что это место неприятное, я понял сразу. За облезлым забором из ржавой проволоочной сетки стояли с десяток жутких конструкций — вроде больших шкафов с рогами и проводами, идущими к этим рогам.

— Это трансформаторы высокого напряжения, — Тимур стал объяснять сам, не дожидаясь вопросов. — Когда здесь все еще работало, они энергию от АЭС передавали местным жителям, а теперь — кладбище трансформаторов. Очень злобное было несколько лет назад.

Что значит «злобные трансформаторы», я не понимал, но на всякий случай мы держались подальше не только от «подстанции», но даже от забора.

— А сейчас как электричество по Зоне передается? — спросил Юрка. — Мы видели на складе, когда с зомби встретились, — горят лампочки нормально.

— А кто его знает, Зона есть Зона, — пожал плечами Тимур. — Это наименьшая из проблем, с которыми мы тут встречаемся.

В одном месте, чтобы пройти дальше, нам пришлось подойти вплотную к забору из сетки. И Толик дотронулся до него рукой. Тут мы сразу поняли, почему «подстанцию» так не любил Тимур.

Словно сорвавшись с цепи, по всей территории, ограниченной забором, заматались молнии. Почти беззвучные, они только злобно шипели, как бабка на базаре, которая торгует семечками. Молнии — разноцветные, синие, голубые — бесновались, норовя вырваться за забор, но, видимо, не могли.

— Ишь ты, все не угомонится! — усмехнулся Тимур.

— А вы тут уже были раньше? — шепотом, будто не желая, чтобы услышала «подстанция», спросил Юрка.

— Да, было дело. Кстати, Андрей, твой отец меня из этого пекла тогда вытащил. — Тимур вдруг задумался на минуту и продолжил: — А пожалуй, я немного порезвлюсь!

Он сбросил рюкзак, расстегнул его и вынул оттуда большой мягкий футляр.

— Хочется мне ее позлить, ой хочется. — Тимур сказал это, глядя на прыгающие молнии.

Он присел на корточки и открыл футляр. Я уже догадался, это было как в американских фильмах про крутых спецназовцев. Внутри футляра лежала разобранная винтовка. У нее был длинный толстый ствол, ажурный приклад и еще отдельная часть, в которую патрон вставляют и которая, в общем, и стреляет. Я не знаю, как она называется. Тимур ловко, в два приема, соединил эти части, и в руках у него оказалось очень красивое ружье. Большое. Тимур из того же футляра достал обойму, я успел заметить, что патроны в ней намного больше, чем в автомате, и весело сказал:

— Так, пацаны, отойдите немного подальше, я тут в вашем стиле шкодить буду.

Мы, естественно, отошли, пятясь, уж больно было интересно посмотреть на то, что сейчас будет.

Тимур осмотрелся, выбрал себе место и улегся за обломком бетонного блока. Он устроился удобно, положив винтовку на этот самый блок. Потом прицелился и бабахнул. У самого большого трансформатора разлетелись белые тарелочки, они были похожи на бусы, только не висели, а торчали. Потом Тимур еще раз выстрелил, но в бок трансформатора, и из него потекла жирная масляная струя. После нескольких выстрелов струи текли уже из трех трансформаторов.

Потом Тимур достал из футляра один патрон и загнал его в винтовку. Выстрел! Пуля полетела, сверкая огнем, наверно, она была трассирующая. Она попала прямо в лужу вытекшего масла. Масло загорелось, распространяя вокруг черный дым. Сначала огонь был слабый, словно от костра из двух палочек, но постепенно разгорался, и в какой-то момент он охватил почти все трансформаторы, распространился, словно разнесенный ветром. А молнии все продолжали летать от столба к столбу, от трансформатора к трансформатору. Но как-то уже не так уверенно, словно метались в поисках выхода и не знали, куда убежать.

Тимур поднялся, разобрал и спрятал винтовку и позвал нас:

— Все, пацаны, пусть эта тварь догорает, пошли дальше!

Мы приближались к городу, это было понятно. Все чаще попадались разные здания, технические сооружения. Вдоль дороги даже стали появляться фонарные столбы, поломанные, конечно. Лес сменился чередой деревьев вдоль дороги. И свежий запах зелени сменился вонью пожарищ, ржавого железа и прелой штукатурки.

— Вот сейчас я вам что-то покажу, тут такое чудо обитает. — Тимур улыбнулся и показал рукой вперед, где, как мне показалось, был мост, проходящий над железнодорожными путями, которые разбегались влево и вправо. Мы поднялись на него. Но как только я положил руку на перила, из-под моста поднялось облако пара и окутало нас влажным туманом.

— Вот он, родимый, не дремлет! — обрадовался Тимур и подошел к ближе к краю. — Смотрите!

Под мостом стоял громадный паровоз и пыхтел, выпуская клубы дыма, которые поднимались столбом вверх.

— Это артефакт? — в один голос спросили мы с Юркой.

— Это паровоз, — сказал Тимур. — Он тут давно. Неизвестно, откуда взялся. И душа у него паровозная. Снаружи грубая и черная, но внутри он пламенный и чувственный. Его надо покормить.

Я не понял про душу паровоза, но, то, что его надо покормить, раз так говорит Тимур, осознал.

— Только мы же еду с собой не брали, — сказал я. — Как кормить?

— Ну, ты даешь! — Тимур засмеялся. Он вообще веселый стал в последнее время. — Кто же паровоз едой кормит? Ему дрова нужны или, лучше, конечно, уголь. Давайте дров наберем!

Мы отправились искать хоть какие-то дрова, но, видимо, не мы первые здесь кормили паровоз, и пришлось прилично побегать. Больше всех повезло Юрке, он нашел целый деревянный ящик.

— А как его кормить? — Я вообще-то был уверен, что Тимур шутит.

— Ну, рта у него нет, поэтому ему все в трубу бросают, — объяснил Тимур.

Мы немедленно разломали ящик на мелкие щепки и склонились над перилами. Начались соревнования, кто точнее попадет в трубу. Первые пару щепок полетели вообще не туда, но третья — точно в цель. Паровоз на мгновение замолчал, перестал пыхтеть, словно пробовал на вкус угощение. И сразу же, удовлетворенный, издал радостный крик — гудок. Мы, обрадованные таким пониманием, стали бросать еще, а паровоз каждый раз в ответ радовался.

— Ребята, а ведь там, у путей, кучи угля валяются, давайте мы его углем будем кормить. — Юрке очень понравилась эта игра.

— Тимур, можно? — спросил я, ведь только он знал, что здесь можно, а что нельзя.

— Ну давайте, только быстро, у нас еще дел полно.

Мы прошли мост и спустились по тропинке, которая вела к путям. Угля было действительно много. Но попасть в трубу снизу было уже сложнее. Когда удавалось, радости паровоза не было предела. Он гудел, вращал громадными красными колесами, проскальзывая по рельсам, и показывал всем своим железным видом, что невероятно доволен. Когда мы подобрали все куски угля, разбросанные вокруг, паровоз понял, что угощение кончилось, издал очередной протяжный гудок и медленно покотил по рельсам. Проехав метров десять, он остановился, свистнул, и вернулся на место. Потом опять проехал вперед и вернулся.

— Да он нас с собой зовет! — догадался Бэрик. — Поехали!

— Ну... — Тимур замялся, но, видимо, ему самому хотелось покататься. — Ладно, только не долго!

Мы залезли по лесенке в кабину машиниста. Паровоз проследил, чтобы все собрались на борту, просигналил и рванул вперед. Замелькали шпалы, рельсы, стрелки. Паровоз скоро

привез нас в какое-то место, где рельсы замыкались в большой круг. И две колеи, узкая и нормальная, заходили в громадное здание.

— Это же ремонтное депо, что он задумал? — сказал Тимур. Но паровоз сам ответил на его вопрос.

Призывно просигналил гудок, громадные ворота депо распахнулись, и оттуда выкатил локомотив, или не знаю, как это называется. Такие в электричках состав тянут. Электричка приветственно гуднула, подъехала ближе и стала нос к носу с паровозом. Они даже чуть не столкнулись. И стали посвистывать, словно радоваться встрече.

— Я понял! — чуть не закричал Тимур. — Это же он себе подругу завел! Вот дела. Да нет, это же не подруга, а жена!

Я думаю, Тимур догадался, что это жена, потому что из депо по узкой колее выкатили два маленьких паровозика. Они были похожи на обоих родителей одновременно. Вроде и паровозы, с большими трубами, но колеса одинаковые, как у электрички. Паровозики подкатили к родителям параллельными курсами и стали радостно пищать свистками. А паровоз-папа для солидности загудел басовито и гулко.

— Я к ним спущусь! — заявил Юрка и, не дожидаясь ответа от Тимура, сбежал по лесенке на землю.

Ну, мы с Толиком тоже захотели глянуть на малышей. Они были небольшие и совсем ручные. В их кабины могли залезть только мы, потому что взрослому туда не втиснуться. Паровозикам явно понравилась игра, потому что, как только мы загрузились, они покатали по своим узким колеем. Сначала в депо, где угрюмо стояли громадные станки, колонны вагонных тележек и грязные баки. Из депо мы поехали кататься по кругу. Если бы здесь была не одна узкая колея, то, наверное, паровозики соревновались бы, кто быстрее. Но мелочь машинная быстро устала, и они вернули нас на место, пыхтя и шипя свистками.

— Так, пацаны! — Тимур нас ждал уже на земле. — Хватит, пора! Отсюда к Сидоровичу совсем близко.

Мы с сожалением расстались с веселой железной семейкой. Похлопали по бокам паровозики и пошли вслед за Тимуром.

Глава двадцать седьмая

«Знак „Тоннель“»

Знак гласит, что еле-еле
Виден свет в конце туннеля.
На педаль не налегай,
Лучше фары зажигай!

Олеся Емельянова

«Туннель»

Туннель — это ночь, но не вправду, а в шутку.
Ночь продолжается только минутку.
Поезд так быстро выходит на свет,
Что испугаться времени нет.

Джанни Родари¹

---

¹ Перевод Самуила Маршака.

А город уже маячил впереди. Я даже не верил и не понимал, что наше путешествие подходит к концу.

— А мы сразу пойдем на Кордон? — не вытерпел и спросил Юрка.

— Дай нам сначала в город прийти, думаешь, это запросто? — спокойно ответил Тимур, не отвлекаясь от дороги. — Нам еще туда прорваться надо.

— А что, опять военные? — испугался я.

— Да нет, не военные. Но в город просто так войти нельзя. Не забывай, даже если вы шли по Зоне, как на прогулке в городском парке, это не делает ее проще. В компании местных для вас были одни правила, а для нас, идущих вот так, скажем, автономно, — другие. Совсем другие.

— И что теперь? — Я не понял, какие последствия для нас будут иметь эти другие правила.

— Теперь мы будем прорываться в город.

— Да что тут прорываться! — Юрка чуть не закричал и ткнул пальцем в дома, уже совсем близкие. — Вот же, пришли. Перед носом уже.

— Это тебе так кажется. — Тимур сказал это каким-то усталым голосом, будто повторял эти слова тысячу раз. — Мы в Зоне, повторяю, и то, что ты видишь город на расстоянии вытянутой руки, никак не означает, что город на расстоянии вытянутой руки.

— А где же он? — не понял Груша. Да и я тоже.

— А никто не знает. Может, и тут. А может, это подземелье на Сириусе, — пожал плечами врач. — Еще ни один спутник с орбиты не увидел ту Зону, по которой мы идем. Поэтому давайте топайте за мной и меньше спрашивайте.

— А что, уже спросить нельзя? — Юрка обиделся.

— Извини, я неправильно выразился. — Тимур похлопал Грушу по плечу. — Я имел в виду, не сомневайся в том, что я говорю. Вопросы, конечно, задавай. Когда будет такая возможность, я отвечу.

Тимур подошел к канализационному люку, установленному на обочине дороги на бетонном возвышении. На удивление, люк еще никто не украл и не разбил. Доктор подцепил край люка железякой, валявшейся рядом, и сдвинул его в сторону. Заглянул в колодец и бросил туда гайку. Послушав, как она упала, Тимур скомандовал:

— Всем вниз!

— А Бруно? — забеспокоился Юрка.

Он все время боялся, что в какой-то момент с собакой возникнут проблемы.

— Бруно... — Тимур задумался. — Ну, давай так.

Он снял рюкзак, вынул из него все содержимое, а там было много всяких штук, которые я никак не ожидал увидеть, один складной арбалет чего стоил. Среди прочего там был и моток прочной веревки. Веревку привязали к лямкам рюкзака, потом все вместе поймали глупое животное. Бруно решил, что это какая-то новая игра, и устроил сумасшедшие скачки. Бегал вокруг нас, лаял и не давался в руки. Но в конце концов его запихали в рюкзак так, что только здоровенная клыкастая голова торчала наружу. Юрка первым нырнул в колодец, и потом туда на веревке отправили Бруно.

Судя по веселому лаю, донесшемуся из-под земли, Бруно Груша освободил, и собака была доставлена без проблем. Затем в колодец нырнул Тимур, потом я и Толик.

Сначала, перед тем как спускаться в колодец, я подумал, что нам придется идти по гадким канализационным каналам, полным грязной вонючей жижи и какашек. С крысами и ужасными насекомыми. Но там, под землей, оказался тоннель диаметром примерно метров пять, сухой, с песком вместо ожидаемой воды и отбросов.

В тоннеле было тихо и тепло. Из зарешеченных люков сверху лился тусклый свет. Его вполне хватало, чтобы идти без фонариков.

— И куда мы выйдем по этому... — Юрка не придумал, как назвать подземелье.

— Я же говорил уже, — укоризненно покачал головой Тимур. — В город выйдем.

Он достал из кармана гайку, привязал к ней кусок бинта и швырнул вперед. Гайка, описав пологую дугу, отразилась от песка и заскакала точно как камешек по воде, когда «блины печешь».

— Ну, вот, потопали потихоньку. Только, Юра, ты собаку на поводок возьми, хорошо?

— Так он же черныбыльский! Он ничего не боится. Он нас защитит! — зашумел Юрка, обидевшись за своего пса.

— Вот я того и боюсь, что он нас защищать начнет. Давай, не спорь со мной.

Юрка засопел и стал ловить Бруно за загривок, чтобы не вырывался.

— А я вот все-таки не пойму, — на разговоры теперь потянуло Толика. Он как с Ыду расстался, все время был немного скучным. — Я не пойму, мы же прошли почти всю Зону, и ничего не произошло. А тут вдруг надо идти и бояться. И всякие аномалии на каждом шагу.

— Ну, представь себе, например, вот такую ситуацию. — Тимур задумался на секунду. — Вот, допустим, ты прожил всю жизнь на острове в океане и не сталкивался с цивилизацией.

— Что, совсем-совсем? Как папуас без штанов? — поморщился Юрка.

— Да. Представь, что для того, чтобы добыть пищу, тебе нужно с деревянным копьем охотиться в бухте на рыбу. Что фрукты растут на деревьях, что дождя не бывает, а для жилища тебе достаточно хижины из пальмовых листьев. И весь твой мир — это твой маленький, чистенький зеленый островок в океане.

— А акулы будут? — поинтересовался Толик.

— Нет, акул нет, есть только дружелюбные дельфины, — смеясь, ответил Тимур.

— Я согласен, — кивнул Толик.

— Так вот, представь, что в один прекрасный день ты проснулся где-нибудь на заводе, где собирают автомобили. Возле роботизированного конвейера.

— Что, и людей нет?

— Если и появится, то охранник, который будет тебя гонять как Сидорову козу, как дикаря из неведомых стран, который проник сюда неизвестно как и неизвестно зачем.

— А как он узнает, — насупил нос Толик, — что я из дикарей?

— На тебе штанов не будет, — сказал я.

— Чего это на мне не будет штанов? — обиделся Бэрик.

— Ладно, на тебе будут кожаные штаны не по моде и перья на голове, — согласился Тимур. — Так вот, что ты почувствуешь? Как ты воспримешь этот мир?

— Ну, я... — протянул, задумавшись, Толик. — Я, наверное, все-таки попробую договориться с этим охранником.

— Ты языка не знаешь. На твоём острове вообще говорили на шелкающем кафрском наречии, — лишил Толика вариантов Тимур.

— Ну, тогда... Тогда... — Толик думал, закатив глаза вверх, стараясь найти выход. — Я попробую разобраться сам. И разберусь.

— Очень надеюсь. Но вот я могу предположить, что события будут развиваться так. — Тимур остановился. — Во-первых, ты решишь скорее всего, что роботы, которые собирают машины, — это основные обитатели этого мира. Ведь ты же привык, что двигаться, когда нет ветра, могут только живые существа, а тем более совершать сложные действия. Как ты думаешь, что ты первое сделаешь при встрече с таким роботом?

— Ну, я, наверное, попробую с ним заговорить, раз уж я такой дикий, — ответил Толик.

— А когда он тебе не ответит, а, работая, больно заденет манипулятором по носу, ты решишь, что он на тебя напал, и шарахнешь его дубиной или ткнешь копьем, так ведь? — Тимур подобрал гайку, к которой мы как раз подошли, и примерился ее бросить снова.

— А может, я добрый? — не согласился Толик.

— Да ты от страха начнешь его лупить, от страха. — Тимур размахнулся и швырнул гайку.

Гайка, как и раньше, полетела и запрыгала по песчаным волнам подземелья. Но, подскочив в очередной раз, она вдруг исчезла.

— Ложись!!! — заорал Тимур и завалил всех нас на песок, раскинув широко руки.

Лежа на животе, он стал вертеть головой в поисках укрытия. Слева у самой стенки тоннеля были сложены несколько бетонных блоков. Наверное, тут когда-то что-то собирались строить.

— Лежать и не шевелиться, — прошептал Тимур и, перекатившись через меня, метнулся по-пластунски к блокам. Там он чуть приподнялся и сел, прислонившись спиной к бетону.

— Так, по одному, — еле слышно скомандовал Тимур, — сюда!

Мы перебрались за блоки без проблем, даже Бруно слушался, проникнувшись общим тревожным настроением.

— И что теперь? — спросил я.

— Не знаю я, надо ждать. — Тимур сидел и совершенно безучастно смотрел туда, откуда мы пришли. — Вперед пока нельзя.

— Так назад пойдем, — с недоумением предложил Юрка.

— Назад в Зоне ходить нельзя. Тогда мы точно уже никуда не придем, — отрезал Тимур. — И не говори больше такого. Это опасно.

Груша молча пожал плечами, но возражать не стал.

Я осторожно выглянул из-за блока и посмотрел вперед. Там было все спокойно. И тут, словно она дожидалась меня, откуда-то сверху, со свистом крыльев, ринулась большая птица, скорее всего сова. Она летела туда, куда Тимур бросил гайку. И точно так же, как гайка, с легким хлопком исчезла.

— Вот видишь, — сказал Тимур. — Вперед нельзя, назад нельзя. Сидим ждем.

— А чего ждем? — Юрка спросил совсем скандальным голосом. — Пока точно так же, как гайка, не пропадем? Мы шли без всяких этих заморочек и целы, а тут...

— Так вот, — Тимур продолжил предыдущий разговор, не обращая внимания на Юрку. — Ты начнешь лупить по сборочному роботу. Но скорее всего даже не сломаешь его. Если не повезет, получишь манипулятором еще и по голове. И сразу в твоей дикой башке возникнет мысль: кошмар! Кругом чудовища и ловушки! Ну, за ловушку ты можешь, кстати, принять обычную тележку с запчастями, которая покатится в сторону, если ты на нее облокотишься. В своем тихом мире на острове ты про колесо, конечно же, ничего не слыхал. И то, что вместо неба тут потолок, вместо солнца — лампы, а ты никогда такого не видел, будет тебя пугать.

— Ну а зачем я там буду лазить? Я убегу, — фыркнул Толик.

— Это потом. А сейчас, пока ты будешь в ужасе озираться вокруг, в этом злом непонятном мире, прибежит охранник. Вот от него ты точно чесанешь как ошпаренный. И наверное, ну так, для образа, забежишь в лифт и, может, даже нажмешь кнопку, случайно прислонившись спиной.

— А чего это я в лифт полезу?

— Ну, ты же привык на своем острове чуть что прятаться в укромные закутки. И вот ты спускаешься на лифте вниз, в гараж. Что ты подумаешь в этом случае?

— Что я на лифте спустился и... — начал излагать Бэрик.

— Ты подумаешь, Толя, что тебя перенесли демоны или что ты проткнул пространство. А то, что ты на лифте ехал, ты и теоретически подумать не можешь. Этого нет в твоём понимании мира, ясно?

— Ну ладно, а вот откуда тогда кровососы? — не отставал Толик.

— А то ты не знаешь, — буркнул я.

— Ну. Ладно, не кровососы, а...

— Ты можешь еще тысячу вопросов задать, но ни ты, ни я на них не сможем дать ответа, потому что не все можно вот так, с ходу, понять. Нам понадобятся, может, быть тысячи лет, чтобы пройти путь, который приведет нас к пониманию этого мира.

— Но ведь мы же шли и без всяких вопросов!

— Вот это уже следующий шаг, — кивнул Тимур. — Представь, что ты спокойно приехал в новый мир со своего острова и сразу встретился с... ну, даже с тем же охранником, без драк и крушения индустриальных роботов, то что бы было?

— Он бы мне в рыло дал бы, и все, — буркнул Толик.

— Ну, это от тебя полностью зависит. А мне кажется, что при хорошо сложившихся обстоятельствах он бы тебя повел на экскурсию, покатал на лифте, накормил бы мороженым, а потом бы и в кино сводил.

— Но тут-то никакого кино нет. — Толик выглядел так, словно его обделили.

— Зато у тебя не случилось расстройства желудка от непривычной пищи, ты не обделался от страха в кино при виде Годзиллы и не отравился выхлопными газами. А пока будем играть в путешествие по автозаводу без экскурсовода. — Тимур выглянул из-за укрытия и продолжил: — Сейчас проверим.

Врач порылся в кармане, выудил горсть гаек и стал тщательно выбирать нужную. После того, как он продел в гайку веревку, снова ее бросил. Теперь гайки долетела спокойно, она приземлилась на песок без каких-либо приключений.

— Ну, пока можно идти. — Тимур подождал, пока мы встанем, и потом осторожно двинулся дальше.

— Тимур, ну хорошо. Вы говорите, что мы в неведомом мире, но ведь никто же и не пытается его изучить. Ведь если тут все понять правильно, то такого можно наделать. — Я подумал, что Зона может не только горе приносить, но и, возможно, научит нас очень многому. Может быть, мы в другие миры сможем попадать... Тут я вспомнил о девочке Кате.

— Во-первых, сейчас это, как мне кажется, никому не нужно. Зона не может сразу приносить деньги, и непонятно, сможет ли приносить в ближайшее время, а академические исследования... Так случилось, что последнее время их как тип человеческой деятельности давно взяли себе на откуп рвачи и бездари. Вот и пугают Зону учеными. А какие это ученые...

— Ну не ученые, а вообще — все страны вместе...

— Ну, подумай, кому эта Зона нужна? Тут нефти нет, на органы никого не продашь... В общем, на настоящий момент бизнес-план на освоение Зоны составить не удалось. Ладно, хватит болтать, а то сейчас опять влетим куда-нибудь.

А тоннелю, казалось, не будет конца. Он уходил далеко, так что его очертания терялись в слабом свете, пробивающемся снаружи.

— Тимур, а зачем тут такой ход? Это и не канализация, и не склад, и вообще непонятно что, — спросил я.

— Ну, ответ на все одинаковый, — Тимур поморщился, — не знаю. Я вообще не думаю, что мы сейчас на Земле. Песок посмотри какой.

Песок и вправду был странный. Я набрал горсть и поднес поближе к глазам. Песчинки были словно маленькие снежинки, в виде шестиугольных звездочек. И когда я его высыпал из ладони, он еще долго кружил, прежде чем упасть под ноги.

А за поворотом нас ждал очередной сюрприз. Поперек тоннеля лежал динозавр. Сначала я подумал, что это просто завал из камней, но когда мы подошли поближе, то сомнений не было. Динозавр. Громадный, как рисуют в книжках. У него голова была размером с паровоз, тот самый. Но динозавр был мертвый. Он не шевелился, не дышал. Просто лежал, положив голову на лапы. Бруно подошел к нему осторожно, понюхал, тихо тявкнул и задними лапами набросал на морду динозавра песка. Потом вернулся к нам.

— Это что? — Юрка, казалось, был больше всех поражен и смотрел на ископаемое не отрываясь, как на чудо.

— Не знаю, всегда тут лежит, сколько раз я ни ходил через тоннель, он здесь лежал.

— Это окаменелость?

— Я думаю, что не совсем. Никто, я у мужиков в городе спрашивал и у местных в лесу, никто не видел, чтобы он пошевелился. Но как не проходишь тут, поза у него каждый раз новая.

Обойти динозавра было не просто. Он головой почти упирался в стенку. Чтобы пройти, нужно было протискиваться между стенкой и чешуйчатой щекой с закрытым морщинистым глазом. Получалось только боком. Я шел последний, и когда проходил самое узкое место, почувствовал коленом, что нос у этого ископаемого на самом деле каменный. Шершавый и холодный. А динозавр, наверное, тоже что-то почувствовал. Он на мгновение открыл глаз, глянул на меня и опять закрыл. Никто этого не увидел, а я от страха чуть прямо там не упал. Но я не стал никому об этом рассказывать.

— Так. — Тимур внезапно остановился. — Мне кажется, что мы уже пришли.

Как он это определил, непонятно, но он уверенно подошел к лесенке, которая шла вверх, и стал по ней подниматься. Потом он открыл люк и высунулся наполовину. Убедился, что мы у цели, и спустился к нам. Сначала мы опять паковали Бруно. А пес, запомнив, что первый раз ему было не очень удобно, устроил целую войну. Но в итоге, несмотря на активное сопротивление, его в конце концов затолкали в рюкзак. Тимур, снова поднявшись по лестнице, вытащил пса, который выл от ужаса и оскорбления. Следом полез Юрка. Затем Тимур опять спустился вниз, собрал все свое имущество в рюкзак и последним, после меня, выбрался наружу.

И тут мне показалось, что нас обманули. Мы стояли точно в том же месте, с которого и залезли в люк два часа назад.

— Тимур, мы никуда не ушли, что ли? — Юрка тоже заметил подвох.

— Как это никуда? Мы пришли к городу.

— Но ведь мы ни на шаг не приблизились! — От обиды я даже повысил голос.

— Андрей, ребята, поймите, один шаг в Зоне может быть больше, чем дорога в тысячу километров, и, пройдя по дороге тысячу километров, мы можем не приблизиться к цели ни на шаг. Расстояние, время, пространство здесь не имеют никакого смысла. По крайней мере для людей.

— Но зачем же тогда мы шли по тоннелю?

— Всегда, чтобы пройти в город, я шел через этот тоннель, — терпеливо объяснил Тимур. — И никогда у меня и мысли не было пойти по-другому.

— А попробовать? — ехидно спросил Бэрик.

— Я не пробовал, и другие не пробовали. Но я точно знаю, что многие, кто пробовал найти собственный путь в Зоне, пропадали навсегда. Или погибали — быстро, если везло.

Глава двадцать восьмая

«Жучок»

Шел по улице жучок
В модном пиджачке.
На груди блестел значок,
А на том значке
Нарисован был жучок,
Тоже в пиджачке.
И на нем висел значок,
А на том значке
Был еще один жучок...
Но он был так мал,
Что глядел я целый час
И не разобрал:
Был ли у жучка значок?
Был ли на значке жучок?

Андрей Усачев

Мне показалось, что Сидорович перемещается по Зоне вместе со своим домиком. И домик и даже двор, куда нас привел Тимур, были точь-в-точь такими же, как те, где мы встретили Сидоровича впервые. Тимур коротко стукнул в дверь и вошел, следом за ним — мы.

— Здорово, хозяин! — громко сказал Тимур.

— А, Доктор, добро пожаловать, — из сумрака отозвался Сидорович. — Ты, я вижу, с детками пришел. Не ждал. Судя по тому, что я знаю, после встречи с этими туристами еще никто живым не ушел. Шустрые мальчики.

Голос у Сидоровича был с такими неприятными интонациями, словно прийти с детьми — это что-то постыдное и отвратительное.

— У каждого своя судьба. Ты и сам прекрасно знаешь, что в Зоне только это правило и работает. Ты-то жив. — Тимур говорил жестко, он сразу стал говорить с Сидоровичем как с врагом.

— Ну, я же их не обижал, правда, дети?.. — усмехнулся нам Сидорович.

Мы молчали. Но молчали так, что у Сидоровича больше не появилось желания у нас что-либо спрашивать.

— Ладно, ты по делу или как? — Сидорович, похоже, тоже не очень был расположен к беседе.

— «Огонек» тебе мальчики принесли?

— Ну, как договаривались, так и сделали, — с некоторой тревогой в голосе ответил Сидорович.

— А ты знаешь, как называется заведомое введение в заблуждение? Ты думаешь, я не знаю, что «огонек» стоит намного больше твоей лживой информации о Стрелке?

— Уговор дороже денег, — отрезал Сидорович. — И потом, я парашюты за полцены отдал приятелям вот этих товарищей.

Сидорович дернул подбородком в нашу сторону.

— А договора не жучить на хабаре — такого не было раньше?

Потом они стали спорить и говорили слова, которых ни я, ни мои приятели не понимали. А я переглянулся с пацанами — так вот откуда у деревенских взялись парашюты. Ну что, они зато побывали на море. Также не зря в Зону ходили.

— Что ты хочешь от меня, Доктор? — наконец сдался Сидорович.

— Заплати детям сколько положено.

— Только половину. Ты знаешь, я не очень удачно его сдал.

— Ладно, с парш... Давай.

Сидорович, кряхтя, полез в стол и достал громадную пачку денег.

— Вот все, что могу. — Он пододвинул пачку в нашу сторону.

— А что, больше денег нет? — Толик не выдержал.

— Тебе, мальчик, тут на все хватит! — раздраженно, с железными нотками в голосе, ответил Сидорович.

— А у нас еще есть всякое. — Бэрик боялся, что нам не удастся продать все, что нам подарили.

— Да? — с сомнением в голосе переспросил перекупщик.

— Есть кое-что. — Тимур укоризненно глянул на Толика. — Вот. — Он поставил рюкзак на табуретку, запустил туда руку и вытащил небольшой комоч, похожий на окаменелые корни травы.

— Триста. — Сидорович полез в стол.

— Четыреста. — Тимур сказал так, что Сидорович на мгновение застыл, запустив голову в тумбочку, но ничего не ответил.

На стол легли четыреста рублей.

— Все? — с некоторым сомнением спросил Сидорович.

— Нет, конечно, — весело ответил Тимур. — Вот еще есть.

Из его рюкзака на свет появился новый предмет, похожий на кастет из отполированного камня.

— «Сопилка» вещь хорошая, но когда их две, цена впятеро вырастает. А так две тысячи, — сообщил перекупщик.

— На вторую. — Тимур достал точно такую же «сопилку», как назвал этот камень Сидорович.

— Восемь дам, — голос Сидоровича в очередной раз дрогнул.

— Тебя арифметике не на деньги Сороса случайно учили? — Тимур сделал движение рукой, словно решил спрятать артефакты назад.

— Ты же не предупредил, что придешь, где я столько денег наберу? — Перекупщик посмотрел на Тимура так, словно тот был виноват в том, что денег осталось мало.

— Ага, ты только телефончик забыл оставить, чтобы я предупредил, — ответил Тимур и полез за новым артефактом.

— Да... — Сидорович осторожно взял в руки ажурный цилиндр. Словно вырезанный из алмаза, сверкающий каждой линией странного морозного узора. — Давно я «сирень» не видел. Лет десять, наверное. Но много не дам. Десять.

Тимур торговался с этим человеком, а у меня волосы чуть не дыбом вставали. Я таких денег даже представить себе не мог, а ведь это была просто ничтожная часть того, что лежало у нас в рюкзаках.

— Слушай, если у тебя в рюкзаке еще много таких штучек, может, мы договоримся встретиться на моей основной базе? А то мне же еще надо с людьми, с которыми уговор, рассчитаться. А денег совсем в обрез. Давай завтра утром, да? Ты же знаешь где?

— Я-то знаю, но что-то мне... — засомневался Тимур.

— Разве Сидорович когда-нибудь обманывал? — Перекупщик взглянул на Тимура такими честными глазами, с таким выражением лица, что у меня появилось чувство, что обманывал он всегда и всех.

— Ладно, завтра так завтра, — наконец решился Тимур. — Пошли, ребята.

— Стойте, вот тебе от меня подарок! — Сидорович протянул мне красивый значок. Он был круглый, как большая монета, на нем был выбит барельеф орла. И вроде золотой. — Как постоянному клиенту!

Через пять минут, когда домик с Сидоровичем уже скрылся за деревьями, Тимур сказал:

— Плохо, очень плохо, что все переносится на завтра. У нас не много времени осталось.

— А что, куда спешить? — спросил Толик. — Ведь деньжищи-то какие!

— Полнолуние через два дня, — ответил Тимур мрачно.

— Ну и что? — в один голос спросили мы с Юркой.

— Во-первых, это Зона, во-вторых, у меня обострения в полнолуние. Вирус активизируется.

— Плохо вам будет? — Я-то знал про вирус.

— Ну, считай, что очень плохо. Ладно, я думаю, большую часть мы сможем ученым отдать. Они платят не хуже Сидоровича, только к ним пробраться надо, и они не каждому доверяют. — Тимур на секунду остановился, словно раздумывая, что делать. — Идем в город. Там переночуем.

— А почему в город? — удивился я. — Ведь у Кордона полно людей живет, можно в гостинице остановиться. Деньги есть! И вообще нам же к колесу надо. Может, сразу туда?

— Я боюсь, что, покажись мы в районе Кордона и поселка, вас сразу власти за шкуру — и вон из Зоны. Пикнуть не успеете, как артефакты конфискуют, а вы будете ехать в армейском автобусе до ближайшей электрички под родительским надзором. Пошли. А колесо не укатится. Не торопи события.

— А город ведь пустой, — засомневался Юрка. Забеспокоился и Бруно, почувствовав что-то, прижался к ноге Грушевского. — Там же только руины. Я читал.

— Мало ли что в книжках пишут. Держал я как-то одну из них. Про Зону. Цирк, да и только. В городе есть места, где еще живут люди. Вот к одному надежному сталкеру и пойдем. Редактор его зовут.

Сколько мы прошли уже по лесам Зоны? Наверное, больше, чем за всю предыдущую жизнь. В летнем лагере не считается, там же в основном сидели за забором, а лес такой ухоженный, как парк. Может, и в Зоне тоже не считается — мы же через буреломы не продирались, а по тропинкам и по дорогам шли. Но все равно тропинки были лесные и дороги тоже. И сейчас Тимур вдруг неожиданно сказал:

— В лес зайдем, я вам кое-что покажу. — И свернул с дороги прямо в чащу.

— А не опасно? — Я заметил, что он даже ни гайки, ни камешка не бросил.

— Э, нет... тут место особое, — ответил Тимур.

Мы зашли совсем недалеко от обочины, а деревья, вместо того чтобы расти гуще, расступились. В одном месте Тимур остановился и сказал:

— Так. Теперь смотрите и молчите.

Он собрал несколько веточек и разложил маленький костер. Когда он разгорелся достаточно сильно, выломал несколько веток с куста с узорчатыми листьями. Он бросил их в огонь, и от костра пошел густой белый дым. Дым не стал подниматься вверх, а стелился по земле и, словно увлеченный потоком воздуха, устремился между деревьев. Там он неожиданно почти вертикально поднялся вверх. И сразу в дыму стало угадываться дерево. Странная такая сосна. У нее две нижние ветки уходили в стороны от ствола. Дерево было похоже на гигантский крест.

— Что это? — прошептал я.

А ребята смотрели на дерево-крест не отрываясь.

— Это было давно, — начал рассказывать Тимур, но его перебил звук мотора, неожиданно возникший ниоткуда.

Тимур, широко раскинув руки, увлек нас в сторону кустов. Мы спрятались там так, чтобы нас не было видно.

На открытое пространство, рыча моторами, выехали грузовик с большим тентом, легковой автомобиль и три мотоцикла с колясками. Мне не надо было объяснять, кто это были. Это были фашисты. И кресты на машине, и каски, и пулеметы на колясках мотоциклов — это все я знал хорошо. И по фильмам, и по фотографиям в интернете, и по школьным урокам истории.

Но машины были такие же, как дерево, словно просвечивали сквозь маревое дыма. Грузовик остановился первым, легковушка взяла в сторону, а мотоциклы стали полукругом на некотором расстоянии от дерева-креста. Полог тента сзади раскрылся, и из машины выскочили два фашиста с винтовками в руках. Они были без касок, в шапочках. Они открыли защелки на заднем борту, и он с резким хлопком откинулся. Оттуда выскочили четыре человека. Это вроде были и фашисты, но совсем по-другому одетые. На них были кители, скорее похожие на пиджаки, а на головах дурацкие зеленые шапки с козырьками.

Раздались команды по-немецки — резкие, гортанные, грубые. Те, в шапочках, засуетились и выволокли из кузова четырех связанных человек. Пленные выглядели очень плохо. Одежда разорвана в клочья, на лицах кровь. Двое мужчин, одна женщина и мальчик. Такой же, как я. Как мы. Люди в шапочках стали что-то кричать пленным. Я не понимал их языка. Похож на белорусский, я в школе учил его уже год, но не такой. Какие-то отдельные выкрики, словно эти люди говорили междометиями, и слова почти понятные.

Может быть, я не мог разобрать потому, что они были достаточно далеко. Связанные люди построились в неровную шеренгу. А двое в зеленых шапках вытащили из кузова табуретку и веревки. Я видел такую веревку несколько дней назад. Именно так она и выглядела — петля для виселицы. Веревки перекинули через ветки дерева. И, стоя на табуретке, один из фашистов привязал аккуратно к веткам петли.

Тем временем один из фашистов повесил на шеи связанным таблички. Там были надписи. У всех одинаковые — «партизан». Четыре табуретки поставили под деревом. На табуретки заставили залезть связанных и накинули им петли на шеи. И мальчишке тоже.

Партизаны стояли и смотрели куда-то далеко. Я неожиданно понял, куда они смотрели. Они смотрели на меня. А тем временем открылась дверца легковой машины, и оттуда вышел важный немец. Он был худой, высокий, в длинном черном кожаном пальто. Я подумал, что ему очень жарко летом в пальто. Он отдал короткую команду фашистам, а те в свою очередь командовали наряженными в шапочки. Каратели подошли к партизанам и стали у них за спинами.

Я понимал, что все происходящее нереально, что все это очередная игра Зоны, но я не выдержал, выскочил из-за куста и с ножом в руках кинулся туда, к виселице. И пробежал сквозь марево дыма, сквозь страшные, призрачные фигуры фашистов. Никто из них, конечно, меня не заметил. Никто. Только мальчик неожиданно повернул в мою сторону голову и улыбнулся разбитыми губами. И подмигнул мне. Глухо стукнули о землю табуретки. Налетевший порыв ветра разогнал дым. Я стоял один среди редких деревьев. Подошел Тимур, обнял меня за плечи и повел оттуда обратно на дорогу, по который мы шли. Минут через десять, когда я смог сказать хоть что-то, я спросил:

— Это здесь было?

— Да. Здесь много отрядов партизанских воевало. Немцы казнили всех, кого могли поймать. И партизан, и семьи их, и связных. Тот мальчик, видимо, был связным.

— А эти? В шапках?

— Полицаи. Предатели. Но я никогда не видел такого. Я просто хотел вам дерево показать... С ним тут многое связано. Оно с войны тут стояло. А потом исчезло. Вскоре после этого и рвануло на станции. Ну и пошло-поехало. А Зона, видать, вам захотела показать...

— Я бы фашистов самих на этом дереве повесил. И полицаев, — сказал Юрка сквозь зубы.

— Раньше так многие думали. И говорили. — Тимур сделался внезапно строгим и глядел на дорогу, чуть прищурив глаза, словно хотел увидеть что-то, что не видели мы. — Но теперь... Теперь — это теперь.

— А что... — хотел спросить Толик, но осекся. Он понял, что Тимур не хочет больше об этом говорить.

Глава двадцать девятая

«Ворона»

Ворона сидела на лавке,
И Митя увидел
Ворону.
Он не обидел
Ворону,
А только
Погладил ей лапки.
Но раскричалась
Ворона,
И в небо умчалась
Ворона!
Нету вороны на лавке,
Нету вороны на крыше,
Нету вороны и выше!
Где ее крылья и лапки?
Нету вороны в сквере,
Митю ворона не слышит,
Но Митя в такое не верит:

— Воро-о-о-на! — зовет он. — Воро-о-о-на!
Выходят собака и кошка
На сквер прогуляться немножко,
И кошка мяукает Мите:
— Меня вы за лапку возьмите,
Втроем веселее дорожка.
Залезем на облако, крошка,
На облако у небосклона, —
Там светится
Хлебная крошка
И прыгает ваша ворона!

Юнна Мориц

В городе было страшно. Словно прошла война, и все погибли, а дома остались. Дома, магазины, грибочки на детских площадках, зловещий плющ, вываливающийся из окон мертвых квартир. Страшно.

И отовсюду такой затхлый запах, как от мертвого жилья. Не знаю, что так пахнет — то ли мокрая штукатурка, то ли, может, вещи, которые бросили люди. Длинный бульвар, наверное, когда-то был у местных жителей любимым местом для прогулок. Высокие тополя, под ними через каждые пять метров обломки скамеек. Я так и представил, как гуляют по бульвару жители Припяти, как на скамеечках сидят родители, а рядом между деревьев бегают малышня. Сейчас тут было пусто и тихо. Хотя, пройдя немного по дорожке, я понял, что не так уж и тихо. Пространство стало наполняться тихими звуками. Сдавленными восклицаниями, легким шорохом, мелким топотом, как мне показалось, маленьких ног. Я вопросительно глянул на Тимура. Он приложил палец к губам и тихонечко сказал:

— Главное, чтобы сейчас Бруно не залаял.

— А что это? — прошептал я.

— Посмотри вверх, только очень медленно голову поднимай. — Тимур глазами показал, куда надо посмотреть.

Я так и сделал. И мне стало даже нехорошо. Над нами на всех деревьях сидели тысячи, а может, и десятки тысяч ворон. Они молча сидели на ветках, только переминались с лапы на лапу и время от времени зачем-то взмахивали крыльями. Некоторые от какого-то вороньего нетерпения вскаркивали приглушенными голосами. Я вопросительно взглянул на Тимура, но он только одними губами произнес: «Потом». И тут я понял, почему это место казалось таким запущенным. Земля, поломанные скамейки, асфальт — все было покрыто пятнами белого птичьего помета. Они вместе с многолетним запустением придавали бульвару особо неопрятный, необитаемый вид.

Тимур понял, что я увидел, показал пальцами на помет и опять приложил палец к губам. Я догадался, что он имел в виду: лишний звук, неосторожное движение — и мы рискуем оказаться под таким же слоем вороньего помета. Бруно проникся серьезностью момента и трусил рядом молча. Толик с Юркой наблюдали за моим общением с Тимуром и тоже все поняли. Так и дошли мы, чуть ли не на цыпочках, до конца бульвара, где обрывалась аллея пирамидальных тополей. Когда мы вышли на проезжую часть, бывшую проезжую часть, Тимур вздохнул облегченно.

— Вот же мерзость! Один неверный шаг, и потом в жизни не отмоешься. Понаприлетали чернокрылые.

— В смысле понаприлетали? — Я не понял, что Тимур имел в виду.

— Да это же не местные. Бродячие стаи ворон. Какого черта в Зону лезть? Дармовой жрачки ищут. А Зона — не резиновая! Ну, почему к нам не летят лебеди или павлины, а обязательно самая гадость из того, что в небе летает.

— А почему бродячие? — спросил Толик шепотом. — Они же не бродят, а летают?

— Перья им, гадам, повыщипывать — еще как бродить будут! — сердито ответил Тимур.

Бруно очень внимательно слушал Тимура, пытаясь понять, о чем речь. Настроение последней фразы передалось собаке. Пес решил встать на нашу защиту и ринулся обратно на бульвар, разразившись заливистым, громогласным лаем.

Я подумал, что, когда начнется конец света, все будет происходить именно так. В небо с деревьев с криками и хлопанием крыльев взмыла черная туча. Даже отсюда было видно, что на землю, как дождь, полетел птичий помет. Бруно осознал свою ошибку, заскулил и ринулся назад. Мы шарахнулись от него, потому что он от страха решил прижаться к кому-нибудь. Увидев, что мы не в восторге, собака остановилась и отряхнулась так, что белые брызги полетели во все стороны. В общем, нам все равно досталось.

Тимур тяжело вздохнул, снял рюкзак и стал его развязывать. Я подумал, что он сейчас будет бить ворон из того страшного снайперского ружья. Оказалось, совсем нет. Он достал не плоский мягкий футляр, а зеленую трубу.

— Это зенитная ракета? — немедленно спросил всезнающий Толик.

— Да нет, это простой «Шмель». Мы сейчас цыплят-табака делать будем.

Я не знал, что такое «Шмель», и не понимал, что сейчас будет, но промолчал. Тимур перевел в рабочее положение прижатые к корпусу ручки и прицел, пристроил трубу на плечо и стал ждать. Он ждал, когда вороны перебесятся и опять усядутся на деревья. Дождался и выстрелил. Из трубы вылетела желтая ракета, я успел цвет рассмотреть, и полетела в самую середину аллеи, к самому высокому тополю. Ахнул взрыв, огненный шар вспух в середине бульвара и моментально сжался, увлекая за собой и ворон, и деревья, и даже пару скамеек. Через мгновение на асфальте лежали только тысячи обугленных тушек, а на горизонте маячили последние из удирающих птиц. Больше ворон на бульваре не осталось.

— Вот так, теперь не скоро вернутся.

— А я думал, вы всех животных спасаете, — сказал Юрка, впрочем, без особого сожаления в голосе.

— Всех, да не всех, — весело ответил Тимур, довольный работой. — Если перефразировать классика, «всякая Зона лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». Пошли, ребята.

Через минуту мы опять были в пути, и только на дороге сиротливо валялся отработанный огнемет.

Тимур остановился у пятиэтажки, которая как сестра-близнец была похожа на другие дома, стоящие вдоль улицы. А я понял, чем это здание отличается от остальных. Во-первых, к левому подъезду шла тропинка. Не старая заросшая, а утоптанная. Видно было, что совсем недавно ею пользовались. А во-вторых, дверь в этот подъезд не валялась на земле и не болталась на сгнивших петлях, как повсюду в городе, а нормально закрывала вход в подъезд.

— Вот тут Редактор и живет, — сказал Тимур. — Пошли.

— А он дома? — спросил осторожный Толик.

— Ну, вот и узнаем. — Тимур толкнул дверь и, достав фонарик, шагнул в темноту подъезда.

По узкой лестнице мы поднялись на последний пятый этаж. Тимур надавил на звонок возле одной из четырех дверей. Раздалась глухая противная трель внутри квартиры, но никто нам не открыл.

— Никого? — безнадежно спросил Толик.

— Никого, — ответил Тимур.

На мгновение повисла тишина, только Бруно, который, пока мы поднимались по лестнице, успел сбегать вверх-вниз два раза, высунув язык, дышал так, что было слышно на весь подъезд.

— И что, уходим? Или, может, подождать его на улице? — спросил я. Мне было неуютно стоять на этой темной обшарпанной лестничной площадке.

— Да зачем? — весело сказал Тимур. — Я же знаю, где ключ.

Он посветил на стенку между двумя центральными дверями и нашел ящик, в котором обычно находятся пробки, чтобы не сгорела проводка. Он открыл этот ящичек и, порывшись там, достал ключ.

— Вот всего и делов-то. Редактор мой товарищ и доверяет мне. — Тимур нащупал замочную скважину и легко открыл дверь.

Не входя в квартиру, он провел рукой слева по стене и щелкнул выключателем. В прихожей загорелся свет.

— А откуда тут свет берется? Ведь ничего нигде не работает, а света навалом, — удивился Юрка.

— Именно. Нигде ничего не работает, а света навалом, — согласился Тимур. — А у нас в стране всегда так. Тут, в Зоне, просто все доведено до полного идиотизма. Ну, заходите, устраиваемся здесь до завтрашнего утра.

Тимур сначала осмотрел все помещение, а потом позвал нас. Это была небольшая однокомнатная квартира. С кухней, туалетом и ванной. Все было маленькое, но вполне ухоженное.

— Надо поесть приготовить, посмотрите в холодильнике, а я проверю, что тут на балконе. — Тимур махнул рукой в сторону кухни.

В холодильнике нашлась колбаса и два лотка яиц. В общем, можно было приготовить нормальную яичницу. На столе в контейнере был хлеб, даже свежий.

Вот только газовая плита была совсем старинная, на две конфорки. Я бы на месте хозяина давно ее выбросил и купил бы современную. Газ еле зажгли. Правда, откуда тут газ, тоже было непонятно. А тут как раз Тимур пришел.

— Так, на балконе полный порядок, — довольно сообщил он.

— А балкон нам зачем? — удивился Груша.

— Балкон здесь всегда должен быть в полном порядке. — Тимур многозначительно поднял вверх указательный палец.

Мы нажарили яичницы с колбасой, сели вокруг маленького столика. Бруно все время вел себя очень плохо — просил вкусенького, но Юрка всем строго говорил, что собаку нельзя баловать. А то раз дашь со стола, потом всегда клянчить будет. Поэтому все подсовывали псу кусочки так, чтобы Юрка не видел. В самый разгар пира щелкнул замок, входная дверь в квартиру вдруг распахнулась, но никто не вошел.

— Редактор, это я, Доктор, тебя не было, а нам приют нужен, — громко сказал Тимур в направлении двери.

Из черноты лестничной площадки в дверь шагнул человек. Я впервые увидел настоящего сталкера, а не бандита, военного или еще кого-нибудь. Он был в босоножках из тонких ремешков, в шортах до колена и в зеленой футболке, на которой был нарисован ежик с бутылкой водки в лапах. И за плечом карабин. Ну, то, что это карабин, я потом узнал. Тогда я подумал, что это просто ружье. Никаких противогазов, бронежилетов, ботинок со шнуровкой до колена и страшного оружия.

— О, да ты не один, — сказал Редактор. — Рад тебя видеть.

Они пожали руки, обнялись, как старые, добрые друзья, похлопав друг друга по спине.

— Пусть дети покушают, а мы пойдем на балкон сходим, побеседуем, — сказал Редактор и покосился с опаской на Бруно.

И что им дался это балкон?

Глава тридцатая

«У котенка работенка»

У котенка работенка —
Ловят серого мышонка,
Ловят серого чертенка

Три котенка, три кота.
А мышонок удирает,
Он от смеха умирает,
Серым хвостиком играет
Перед носом у кота,
Напевает: «Тра-та-та,
Это что за суета?»
Ловят бедного мышонка
Три котенка, три кота,
Но никто поймать не может,
И никто понять не может,
Что такое быстрота!..

Юнна Мориц

Разговаривали они долго, потом вернулись, и Тимур сказал:

— Ребята, у нас тут возникают некоторые трудности.

— А что случилось? — спросил я, вымазывая остатки яичницы в тарелке кусочком хлеба.

— В общем, дело такое, Сидорович оказался большей сволочью, чем я думал. Он после того, как мы ушли, договорился со всякой шушерой. Короче, нас здесь ищут. Чтобы вернуть то, что вы якобы украли у Сидоровича, и чтобы расквитаться за то, что вы натворили в Зоне. Сидорович убедил всех, что вы мутанты. Новое поколение монстров Зоны.

— Да как они нас найдут? Мы тихонько пройдем к Кордону. Правда, вот надо же продать...

— Об артефактах не беспокойся. Что-нибудь придумаем. А найти нас, я думаю, будет не просто. Не навесил же он... Так, Андрей, он тебе значок подарил, да?

Тимур глянул на меня очень встревоженно. Я быстренько метнулся в прихожую и снял значок со своего рюкзака. Редактор взял кругляшок в руки и стал внимательно рассматривать. Потом достал нож и подковырнул с торца. Задняя часть значка отскочила. Внутри торчали проводочки, батарейка и всякие электронные потрошки.

— Вот же скотина, — только и сказал Редактор. — А ведь я квартиру эту продавать собрался. Разнесут ее теперь вдребезги.

— Так, уходим немедленно. — Тимур поднялся. — Редактор, детей спрячь в ДК и проследи, чтобы с ними было все в порядке. А за «жучком» пусть побегают. Идет?

— А ты-то где будешь?

— А я этих охотников за детьми за собой уведу. Тем более полнолуние уже завтра. А вы слушайте Редактора и делайте все, что он вам скажет. Я ему некоторые инструкции выдал по хабару.

— Так вы же... — Я вспомнил про вирус, но Тимур на меня так глянул, что я понял — болтать не надо.

Мы быстренько собрались, сталкер Редактор взял с собой еще три спальника, сказал, это чтобы мы не мерзли в ДК. Я не знал, что такое ДК, но спрашивать не стал.

Тимур взял у меня значок и повесил его на веревочке на шею. Странно, что он не пристегнул его. Ну ладно, это его дело. Потом Тимур вышел на балкон и с него по лесенке ловко перебрался на крышу.

— Подождем часик и пойдем, — сказал Редактор. — Потому что, если они отслеживают этот «жучок», пусть думают, что вы ушли отсюда.

— А зачем вообще уходить? — спросил Юрка. — Ведь, если по «жучку» считать, ушли мы — и все.

— А если вас не найдут, если начнут весь ваш путь проверять? Думаете, никто не знает, что на этих координатах моя квартира? Они же не столько вас ищут, сколько ваш

хабар! Но вообще я не понимаю, что у вас за артефакты такие могут быть, чтобы так народ всполошился.

— У нас их много, — гордо сообщил Толик. — Нам их зомби подарили и кровососы.

— Господи, куда Зона катится... — только и сказал Редактор.

Спустя час мы тихонько вышли из дома Редактора и дворами, через мертвые пустыри, мимо мертвых домов пошли к ДК. Сталкер объяснил, что ДК — это был раньше дом культуры «Энергетик» и что там есть много укромных помещений, где можно спрятаться, и нас никто не найдет. Только главное — носа не высовывать. А он нас будет навещать. И что Тимур поручил ему продать по частям наш хабар, а деньги он принесет. И что хабар он сдавать будет не гаду Сидоровичу, а ученым.

Дома внезапно расступились, и перед нами открылась большая круглая площадь перед этим самым ДК. Площадь когда-то была вымощена каменными плитами, и там были всякие красивые фонтаны. Сейчас все заросло молодыми деревцами и кустами. А здание «Энергетика», наверное, было очень красивым, широкие ступени вели к стеклянным дверям. Все стекло, правда, было разбито, но все равно заметно, что когда-то тут было очень здорово. И колоннады слева и справа от дома культуры тоже впечатляли. Я еще заметил, что за ДК виднелось колесо обозрения. То самое колесо. Наверное, там был парк с ларьками, качелями, детскими площадками и всякими аттракционами. Я вот никогда на колесе обозрения не катался. Их давно все снесли. Я только в книжках и старых фильмах такие встречал.

Редактор первым вошел в дом культуры. Осмотрелся и потом позвал нас. Бруно ринулся внутрь здания и сразу же поскакал куда-то в подвал по широкой лестнице с перилами.

— Вот же собака сумасшедшая, — усмехнулся Редактор. — Зачем ей в гардероб?

Сталкер повел нас по широкой лестнице на второй этаж. Это был не совсем этаж, а так, ну, как в кинотеатрах и всяких развлекательных центрах — лестница вдоль стены и второй этаж — словно внутренний балкон. Мы прошли над всем первым этажом и повернули налево. И оказались в холле, который выходил окнами на площадь перед домом культуры. Окон, конечно, никаких не было, но алюминиевые рамы остались.

Видно было, что здесь шли бои. Под ногами на полу всюду катались гильзы. Они были ржавые и даже покрыты такой зеленой коркой, как на старинных памятниках. Вдоль стены слева шла череда дверей. Вернее, половины дверей не было. Их выломали за все те годы, пока тут не было людей. Но некоторые остались. Одну из таких дверей открыл Редактор и позвал нас внутрь... Бруно к этому времени уже вернулся из подвала и тщательно обнюхивал и метил каждый уголок.

Комната за дверью оказалась на удивление ухоженной. Даже очень. Посередине стоял громадный круглый стол. Он был старинный, весь покрытый резьбой. Прямо как в королевском дворце в фильме про мушкетеров. Стол украшал большой чернильный прибор из горного хрусталя, он мягко играл бликами на гранях. На стене висел плакат про устройство швейной машинки. Откуда он тут взялся — непонятно. Рядом под плакатом со швейной машинкой стояла большая скульптура из черного дерева — сидящий пудель с открытой пастью. У стены стоял громадный кожаный диван, тоже как в кино, только про миллионеров.

Мы стояли, слегка оторопев. Даже свет в этой комнате был странный, словно ниоткуда.

— Что, пацаны, нравится? — весело спросил Редактор. — Я тоже, когда впервые это увидел, не поверил своим глазам.

— А как же не растащили все? — с неприкрытым удивлением спросил Толик. — Тут небось одна статуя собаки кучу денег стоит, а стол...

— А в ДК никто не ходит. Тут хабара нет, да и считается, что место плохое. Про эту комнату только мы с Доктором знаем. Так что сидите тут, носа не показывайте! Туалет в конце коридора. И шторы не открывайте, когда свет включен. Сами понимаете.

Редактор снял свой рюкзак, вытащил оттуда спальные принадлежности для нас и еду на завтра.

— Так, показывайте свои артефакты, я отберу то, что в первую очередь сдам.

Сталкер долго рылся в моем рюкзаке, выбирал. При этом он покачивал головой и цокал языком.

— Да, ребятки, хорошую вы собрали коллекцию. Я за все годы столько не видел. Научники на уши встанут!

— А вы себе процент возьмите за работу! — внезапно сказал Юрка, держа за ошейник Бруно, который норовил засунуть свою зубастую морду в рюкзак.

— Договорились, — не стал возражать Редактор.

Он в итоге выбрал почти половину того, что у меня было, запаковался и ушел, напомнив, чтобы мы без нужды из комнаты не выходили.

Какое-то время мы просто сидели и молчали, слишком много всего на нас вывалилось за эти дни. Потом стали делить места, где кто будет спать. В общем, решили так. Я буду спать на диване. Бэрику положили спальник прямо на стол. А Юрке сдвинули два кресла, и у него получилась почти кровать. Уже хотелось спать, и мы выключили свет. И тут в дверь кто-то стал стучать. Мы испугались, но к ударам прибавился жалобный скулеж. Ну конечно, Бруно забыли!

— Ну, заходи, собака. — Юрка открыл дверь и впустил своего пса. — Ты где пропадал, глупое животное?

Глупое животное село и протянуло лапку, мол, я хороший. Юрка покормил собаку, потом налил в котелок воды, и пес долго и шумно лакал. А потом подошел к черной скульптуре, посмотрел на него, понюхал, развернулся к ней хвостом и тщательно, с оттяжкой, начал рыть задними лапами. Как делают собаки после того, как погадят. Типа высказал пренебрежение. И лег на полу, говоря всем своим видом — пора спать.

А я решил посмотреть, что там снаружи, и подошел к окну. Штора была плотная, тяжелая, наверное, бархатная. Я отодвинул ее и выглянул наружу.

Окна комнаты были расположены с тыльной стороны дома культуры. Передо мной открылась площадка с аттракционами и колесо обозрения. Парк освещала полная луна, она была слово бешеная, оранжевая и очень яркая. В свете луны колесо обозрения выглядело совсем неестественным, словно призрак из другого мира или летающая тарелка, стоящая на боку. И еще я понял, что на этом колесе никогда не покатаюсь. Колесо обозрения оказалось поломанным, оно на самом верху было разорвано, словно лопнувший обод. А у подножия колеса обозрения виднелись аттракционы попроще. Карусель и качели.

Все это в лунном свете выглядело призрачным. Я представил, как здесь раньше играли дети, продавалось мороженое и играла музыка. Но в это время страшный вопль пронесся за окном. У меня даже по спине мурашки побежали. И сразу, словно все население Зоны проснулось, хором заорали разные твари в темноте. В небе в сизом лунном свете замелькали тени, как будто пролетели со страшной скоростью птицы или летучие мыши. Я быстро задернул штору, чтобы меня не заметили с улицы. А пацаны уже дрыхли и ничего не видели и не слышали.

Я тоже решил ложиться спать. И почти сразу понял, что я зря выбрал этот диван. Он был обит кожей. Красивой, блестящей и страшно скользкой. Синтетический спальник, который я использовал как одеяло, с меня все время сползал. Я залез в него, но тут стал сползать вместе со спальником. Это было еще хуже. В общем, я долго ворочался, пока в конце концов не заснул.

Мне приснился страшный сон. Я ходил по коридорам дома культуры, и мне было очень холодно. Я бродил совершенно один. И был совсем маленький, как в детстве. А потом я спустился вниз по ступенькам туда, куда Бруно бегал. И увидел там отца. Он стоял на коленях у громадного зеркала. В отражении я увидел, что у отца закрыты глаза. Я подошел к нему и коснулся его плеча рукой.

— Папа, обними меня, я замерз.

Отец словно проснулся, вздрогнул и встал с колен. Он обнял меня, и тут грохнул взрыв.

Я сполз с этого дурацкого дивана, лежал рядом с ним на полу и сильно замерз. Толик с Юркой стояли у окна и, прижавшись к стеклу, смотрели на улицу.

— Вставай, тут такое было, жуть, — замахали они мне руками.

Я выбрался из спальника и подошел, продирая глаза. Было уже позднее утро. Городок аттракционов заливало солнце. А на асфальте валялись убитые люди. Не просто убитые, а разорванные в клочья.

— Мы проснулись, потому что на площади орали и стреляли. А ты спал, как суслик, скрючившись, — стал рассказывать Юрка. — Мы смотрим, а там что-то непонятное происходит, словно тень какая-то между людей мечется и расшвыривает их. Потом рассмотрели — чудовище жуткое. Оно потом в заросли убежало, а кто-то из гранатомета по кустам этим — бабах. А сейчас смотрим — никого живого на земле нет. А вдруг оно к нам сюда залезет?

— Ну а вдруг не залезет? — Я пока еще не совсем проснулся и не отошел от ночного своего кошмара. — Давайте поедим.

Редактор нам оставил булочек и йогурт. Этим и позавтракали. И стало совсем скучно. Хоть бы книжки какие-то были или телевизор. Но откуда тут телевизор? Мы собрались в морской бой поиграть, как когда-то дома по телефону, но тут как раз пришел сталкер Редактор.

— Ну, ребята, вы, наверное, заметили? — начал он с ходу.

— Ну да, ночью тут жуткий бой был.

— Это те друзья, что вас ищут, за каким-то поперлись сюда. Не знаю, зачем их Доктор приманил. И, видать, напоролись на что-то... Ходят легенды о вервольфе, но только слишком уж они фантастические. — Сталкер сел за стол и взгромоздил на него свой рюкзак. — Теперь о деле, ребята. Кто у вас кассиром?

— У нас коммуна, — поспешил сообщить Толик, хотя никогда мы про коммуны не говорили.

— Ладно, как хотите. Вот тут двести тысяч. Себе я агентские снял. Десять процентов, по-честному. — И выложил на стол гору денег. — Давайте, что еще сдать?

Я опять дал ему свой рюкзак, да еще и Толик с Юркой свои подтащили. Сталкер был похож на малое дитя, которое попало в отдел игрушек в «Детском мире». У него загорелись глаза, и он стал перекидывать всякие штучки, камешки и непонятные стекляшки.

— Ладно, я все беру, тут надо долго с покупателем говорить, — в итоге сказал сталкер. Он переложил все артефакты в рюкзак, только оставил несколько на столе.

— Пусть это вам на память останется. Они не дорогие, а вы, может, потом перед друзьями дома хвастаться будете. Детей на выходе никто обыскивать не станет.

И еще Редактор оставил нам несколько пакетов с едой, объяснив, что это армейский саморазогревающийся паек, и показал, как им пользоваться.

— А если всех, кто за нами охотился, убили, то, может, можно уже идти? Вы Тимура позовите, и пойдем, да? — Мне надоело сидеть в этом ДК.

— Тимур сказал, что, когда надо, сам придет. И строго-настрого приказал ждать его и не рыпаться. Так что, пацаны, действуем по плану, — сказал сталкер и ушел.

Глава тридцать первая

«Привидений не бывает»

Я скажу наверняка:

Привиденья — выдумка!

Вот уж точно — ерунда!

И нигде и никогда:

Ни по вторникам, ни в среду,

Ни у бабы, ни у деда,

Ни на море, ни в лесу,

Ни в двенадцатом часу

ПРИВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ!

Каждый школьник это знает.

Даже ветер завыва-а-а-а...

Привидений не быва-а-а-а...

Елена Евсеева

Было скучно. Мы, конечно, побродили по этажу, позаглядывали в комнаты, но далеко отойти боялись. В одной комнате мы нашли много почти одинаковых книжек «ПСС В. И. Ленина», но и их читать было невозможно. В общем, мы послонялись туда-сюда и решили, что надо попробовать тот самый армейский паек.

Мне не так хотелось есть, как посмотреть, как работают саморазогревающиеся консервы. Оказалось интересно. Банка открывалась легко, надо было за колечко потянуть. Внутри — тушенка и посредине отдельный отсек. Надо разорвать пакетик с водой, который был вложен внутрь, и вылить воду в этот отдельный отсек. Вода протекла в дырочки, слегка зашипело, и мясо моментально нагрелось. Там еще были упаковки кофе с молоком, они так же нагревались.

Мы разложили все на столе и устроили пир. Тушенка была отличная, и хлеб был тоже вкусный. Когда мы уже почти все съели, за дверью вдруг раздались шаги. Мы сначала подумали, что пришел сталкер Редактор, и особенно не испугались. Но шаги были странные. Словно кто-то прошел мимо нашей комнаты и пошел дальше. Потом вернулся. А потом как будто он прошел через нашу комнату, мне даже показалось, что я слышу, как он дышит где-то совсем рядом.

А потом началось совершенно непонятное. Шаги раздались за окном. Но ведь там никто не мог ходить, мы были на втором этаже и здание было высокое. Сразу как-то перехотелось есть. Мы молча уставились на закрытые шторами окна, но открыть никто не решался.

В это время скрипнула дверь. На пороге стоял незнакомый человек. На нем был длинный плащ, а лицо закрывал капюшон. Странно, в такую жару — и в плаще. За спиной у человека торчала винтовка. Тут мне стало совсем страшно. Я подумал, что это один из тех, кто нас искал, чтобы убить. А у нас же никакого оружия не было. Да и непонятно, как бы мы тут им воспользовались вот так — лицом к лицу. Но человек этот ничего не делал. Просто стоял и, наверное, смотрел на нас. Потом медленно подошел к столу и сел.

— Здравствуйте, — сказал я.

Человек кивнул в ответ. Может, он немой. Тут, в Зоне, всякое бывает.

— Угощайтесь. — Толик подвинул ему банку с тушенкой и дал пластмассовую вилку.

Человек взял вилку, но есть не стал. А я все не мог понять, почему не видно его лица. Вроде света в комнате достаточно, но капюшон был так низко надвинут, что казалось, под ним только чернота.

— Надо покататься на колесе, — вдруг раздался голос из-под капюшона. Глухой, сиплый, словно ненастоящий.

— На каком? — Юрка не понял. А я сразу догадался.

— Открой штору. — Гость, не поворачиваясь, вытянул руку и ткнул пальцем в сторону окна.

Мы вдвоем вскочили открывать, не знаю почему. Может, потому что было страшно сидеть рядом с этим человеком.

— Оно же поломанное. — Юрка увидел прямо за окном колесо обозрения, разорванное пополам на самом верху.

— Надо починить ось, — ответил человек.

— А зачем, мы, что ли, не катались на таком? — сказал Толик и оглянулся. — Ой.

Он ойкнул, потому что в комнате никого не было. Мы быстренько закрыли шторы и сели вокруг стола. Страшный человек ушел, а страх остался.

— А чего это он тут командует? — первым решился прервать молчание Юрка. — И что там можно починить?

Мы постепенно успокоились и даже доели то, что оставалось. А тут как раз уже пришел нормальный человек — сталкер Редактор. Он удовлетворенно хмыкнул, увидев, что мы все съели, и выложил очередную кучу денег на стол.

— Вот, наторговал. Теперь вам, пацаны, много чего можно будет себе в жизни позволить, — сказал Редактор. — А вы тут как, не баловали?

— К нам мужик странный приходил, — сказал Толик.

— Сюда? — Сталкер удивился. — Что за мужик?

Мы подробно рассказали все, что случилось.

Редактор заметно расстроился. Сел, потер лицо руками и поскреб в затылке.

— Это был Черный Сталкер. Он не человек вообще-то. Призрак. И чтобы так, среди бела дня, прийти? Странно все это, — сказал он. — И колесо...

Редактор подошел к окну, отодвинул штору и долго смотрел на площадь внизу, на колесо, потом и повернулся к нам.

— Значит, так, Тимур скоро придет, он у меня дома отсыпается. Он отведет вас на КПП, готовьтесь. Вроде желающих вас отловить поубавилось. Так что сидите, а я пошел по делам. Мы уже, наверное, не увидимся, надеюсь, вас черти в Зону больше не потянут. — Он пожал нам руки, как взрослым, а меня даже по плечу похлопал.

И опять мы остались сидеть одни. Скуотища. Хоть бы комп был какой-нибудь. Погоняли бы в «Сталкера», как раз перед тем, как мы в Зону пошли, новая версия вышла. Но это так, одни мечты. Хотя долго скучать нам не пришлось. Неожиданно в коридоре раздался грохот. Я уже было подумал, что за нами пришли люди Сидоровича, но, не успев испугаться, увидел, как распахнулась входная дверь, и к нам в комнату ворвался вихрь. Он кружил, сдувая посуду со стола и переворачивая легкую мебель. Вихрь был похож на сгусток тумана, он метался по комнате, крушил все, а потом вдруг остановился над креслом и превратился в человека. Ну, почти в человека, потому что он был какой-то неясный и уродливый. Неясный — в смысле он все время расплывался и немножко менял форму. Повисла неловкая пауза.

— Здравствуйте, дети, — как учитель в школе, заявил человек-вихрь. — Я Дух Зоны. Не ждали?

— А, э... — только и смог сказать я.

— Ясно, вы ничего обо мне не знаете, — грустно сказал Дух. — А ведь я — основа всей Зоны. Без меня тут ничего не было бы. Дух Зоны — это основа основ!

Когда Дух говорил, он все время менялся и переливался всеми оттенками зеленого цвета, как камуфляжная сетка. У него в руках возникало и исчезало разное оружие. Не настоящее, тоже расплывчатое и почти прозрачное. Наверное, у Духа Зоны были какие-то странные представления об оружии. Даже мне, в общем-то ребенку, было понятно, что танк или ракету в руках не удержишь, а все автоматы, пулеметы, револьверы, которые мелькали в руках Духа, были больше похожи на игрушечные.

Когда Дух Зоны наигрался оружием, в его руках вместо зенитного комплекса вдруг появилась гитара. Дух запел. Я, конечно, сам не очень хорошо пою, но неправильные ноты слышу и могу сказать одно — пел он отвратительно. Вот когда зомби пели, пение их было странное и не человеческое. Но хорошее. А тут и музыка не музыкальная, и слова у песни были какие-то дурацкие. Про сталкера, который склонял голову, а потом у него изо рта лилась мелодия, и он этой мелодией кого-то спасал, а когда не спас, убили об стену.

— Как вам моя песенка? — напевшись, спросил Дух.

— Ну, такая она... — начал я, выбирая слова повежливее.

— Говно твоя песня! — внезапно рубанул Толик. — И поешь ты, как беременный осел.

— Что ты можешь понимать в песнях Зоны? — Казалось, Дух не сильно и обиделся. — И что ты можешь понимать в моем глубоком внутреннем мире?

Словно пытаясь показать этот внутренний мир, Дух сделал прозрачным свой живот. Никакого глубокого мира я там не увидел. Так, несколько лягушек, недоеденный бутерброд и смятая банка от «пепси-колы». Но, может, это только я видел, а на самом деле оно было не

так, и сам Дух видел что-то другое, отличное от банки газировки и такого ценного для него несъеденного бутерброда.

— Скажите, а чем вы в Зоне занимаетесь? — Мне стало жаль этого Духа, и я решил подбодрить его вопросами.

— Ты, мальчик, совсем неразумный, — зачем-то нахамил Дух. — Неужели тебе не понятны такие простые вещи? Вот, к примеру, идет сталкер за хабаром, если он не знает меня, он может попасть в нехорошую историю. Всегда надо сначала зайти в бар и выпить.

— Пить вредно, если пить перед походом, то надолго сил не хватит, — сообщил опытный Юрка.

Но Дух, казалось, уже не слушал. Он, закатив свои туманные глаза, держал в руке бутылку. На ней была надпись «Прозрачное». Я не знаю, что такое это «Прозрачное», но, судя по запаху, что-то алкогольное. Дух Зоны сжал ладонь левой руки в кулак и оттопырил два пальца. Потом стал лить на них свое «Прозрачное». Лил он долго. Очень долго. Наверное, уже литров десять из бутылки вылилось, но она все еще была полной. На полу растеклась большая вонючая лужа. В какой-то момент мне показалось, что Дух заснул. Я осторожно кашлянул.

— Ах да! — спохватился призрак, бутылка исчезла, а пальцы он вытер о живот. — Так вот, в Зоне все должно быть строго по правилам. После «Прозрачного» надо смотреть стриптиз и есть бутерброд с салом.

— Нам стриптиз нельзя, мы дети, — мрачно буркнул Толик.

— Да не страшно. На самом деле откуда он тут возьмется? Какой может быть стриптиз, если в Зоне всего две женщины, и их знают уже лет пятнадцать.

Я не очень понимал, о чем вещал Дух Зоны, но, видимо, для него это было важно.

— А потом, когда все выполнено — учтите, юноши, все должно быть выполнено, — надо идти в Зоне в схрон.

— Схрон? — переспросил Толик. — Это что-то вроде землянки у бандеровцев?

— Нет, это тайное место лежки сталкера, какие вы темные! — Дух продолжал нас просвещать, все больше становясь похожим на школьного учителя.

— И что надо тогда делать?

— Надо расставить мины вокруг лежки, иначе придет кровосос и с ним придется драться. А это не всем удастся хорошо. Некоторые не побеждают.

— И что? Гибнут?

— Да, гибнут, но не главные сталкеры. Главные сталкеры никогда не гибнут. — Тут Дух вдруг стал бормотать что-то совсем тихо и неразборчиво.

— Вам нехорошо? — испуганно спросил Бэрик.

— Нет, мне хорошо, это я с духами говорю, — ответил призрак.

— А тут много духов Зоны?

— Нет, я один, но могу же я хоть с кем-то, кроме вас, поговорить? — искренне удивился Дух.

Чем дальше я разговаривал с Духом, тем больше мне он казался сумасшедшим.

— Так, это что тут за съезд нечисти? — раздался голос от двери.

За разговором мы и не заметили, как пришел Тимур. Он стоял на пороге комнаты и сердито смотрел на Духа Зоны.

— Пошел вон отсюда, тебе понятно было сказано — к людям не приставать и с ними не разговаривать! — Тимур решительно подошел к Духу, взял его за шкурку и вышвырнул вон.

Я никогда не думал, что духа или, там, призрака можно вот так взять за шиворот и выкинуть.

— А что это было? — спросил Толик, выглянув в коридор, чтобы проверить, пропал ли гость окончательно.

— Да ерунда, не обращайтесь внимания. Бродит, самоутверждается, слабаков пугает.

— Мы слабаки, да? — уныло протянул Юрка, обидевшись.

— Вы слабаки? — Тимур засмеялся. — Да я боюсь, что круче вас еще никто в Зоне не появлялся. А Зона от таких визитов меняется. Сильные личности меняют ее, делают больше похожей на то, что они увидели. Так. Нос не задирать!

Глава тридцать вторая

Время устало и встало...

И ничего не стало.

Олег Григорьев

Мы пошли на карусели
И устроили веселье —
Покатались дружно все
На огромном колесе.

Лариса Самонина

Тимур выглядел больным. Вернее, не больным, а человеком, который недавно болел и только-только выздоровел. Словно похудел за пару дней, и синяки под глазами появились. И почему-то на плече у него висел автомат. Он висел так, как будто был там тысячу лет, — аккуратно и ладно. Я когда с автоматом шел, то ничего, кроме сбитой прикладом задницы, не чувствовал, и оружие все время сползало с плеча. Но, несмотря на болезненный вид, Тимур был веселый и сразу сказал:

— Ну что, подпольные миллионеры, рассказывайте, как полнолуние пережили?

Он уселся в кресло и положил ноги на стол, как американец. На ногах у него были легкие сандалии.

Мы подробно рассказали, как нас сюда Редактор привел, как ночью я видел схватку сталкеров со страшным монстром на улице, как к нам потом приходил Черный Сталкер и Дух Зоны и какая классная вещь — саморазогревающаяся тушенка. Тимур слушал внимательно, но, когда я рассказал про Черного Сталкера, помрачнел.

— Странно это все...

Он встал и прошелся вдоль комнаты туда-сюда и остановился возле окна.

— Так и сталкер Редактор сказал, — согласился я.

— Ну, приходил он, это дело такое, захотелось — и пришел. Вот только то, что он просил на колесе покататься, это... — Тимур нахмурил лоб, и на нем пролегли несколько глубоких вертикальных складок.

— Он еще говорил ось починить, — добавил я. — А может, вы сможете ее починить?

— Он же не меня просил, — покачал головой Тимур. — Если он тебя просил, то чинить ты и должен. Но я думаю, мы про это забудем. Нам уходить сегодня, так что собирайтесь! А то так до ночи проболтаем.

А нам и собираться особо было нечего. Раз уходим, можно только деньги взять, всякое ненужное оставить. И котелки, и консервы, и все, что уже не понадобится. Какой смысл тащить с собой тяжести, если денег вон сколько. Деньги мы разделили поровну на три части и положили в рюкзаки, завязав крепко-накрепко. Тимур смотрел на нас, чему-то улыбаясь. А вот жилетку спасательную мне было жалко оставлять. Сколько раз я думал, что она вот-вот сработает, а оказалось, ни разу. Так что я ее просто на себя надел, чтобы не выбрасывать. В общем, мы собрались и пошли вслед за Тимуром. На площади с колоннадой было тихо, даже ветерок не шевелил листья деревьев.

— Ну что, потопали? — то ли спросил, то ли скомандовал Тимур.

Но нам не удалось сделать ни шагу. Раздался неприятный окрик:

— Стоять на месте! — Кричали откуда-то с площади, скорее всего из-за кучи плиток, которые кто-то выдрал и сложил стопками.

Тимур, не раздумывая, перехватил автомат и шепнул нам:

— Бегите за ДК, я их остановлю.

Нас просить не надо было, и мы чесанули изо всех сил под колоннаду слева от входа в «Энергетик». Сзади застучал автомат, я на ходу оглянулся и чуть не растянулся. Тимур поливал из своего «калаша» кого-то, кто прятался за деревьями. Мы забежали за угол дома культуры и обогнули его, выскочив на тот самый городок ржавых аттракционов, который мы видели из окна. Здесь было спокойно.

Сил бежать дальше не было, колело в бок. И мне показалось, что мы уже никогда не выйдем из Зоны. До нас доносился шум боя, значит, Тимур держался. А потом внезапно настала тишина. Если бы после того, как затихло, из-за угла показался Тимур, я бы понял, что победил он. Но никто не появился. Мы стояли в полной растерянности и не знали, что делать дальше. Ожидание затянулось. Мы боялись вернуться и не знали, куда идти дальше. И никого рядом не было, чтобы нам подсказать.

Я не зря взял спасательную жилетку, наверное, настал тот самый момент, когда надо просить о помощи. Я снял жилетку и дернул тросик, который надо было дергать в случае опасности. Внутри что-то пикнуло, и из-под подкладки вылез на тросике пластиковый цилиндр. Я понял, что это одноразовая ракетница, я видел такие. Почти хлопушка. Я направил ее в небо и дернул за шнурок, который болтался на торце. С воем в небо унеслась красная ракета, оставляя белую вертикальную полосу дыма за собой.

— Вот и все, теперь надо ждать помощи, — сказал я, сам не веря, что получилось все так грустно.

— Откуда она придет? — Толик вдруг заорал так, словно собирался заплакать. — Куда мы сейчас пойдем? Ведь мы же...

Он не смог договорить. Оглушительный грохот раздался откуда-то сверху из-за здания ДК. Этот звук нельзя было перепутать ни с чем, так грохочут только вертолеты. Я понял, это за нами! Сработал красный сигнал. Но на фоне рокота раздалось несколько хлопков, после этого звук стал подниматься выше, и мы увидели, как громадная тупорылая машина, вся в камуфляжной окраске, поднялась над крышей ДК «Энергетик». У вертолета сбоку были подвески с круглыми барабанами для ракет. Видимо, эти ракеты и грохнули над площадью, где только что стрелял Тимур.

Вертолет завис над городком аттракционов и потом медленно опустился на землю. Открылась боковая дверь, наверное, они у вертолетов называются люками, и из вертолета выскочил... Я его сразу узнал, хоть мы давно не виделись. Это был дядя Герман, товарищ отца. А вслед за ним я уже догадался, кто будет. Тетя Клава. Но они были одеты не так, как тогда, в Москве. Не было на Германе строгого костюма, а на тете Клаве пестрого платья. Они были в военных комбинезонах, за спинами на ремнях у обоих висели большие винтовки с толстым стволом и оптическим прицелом, наверное, снайперские. Клава направилась к нам, а Герман, дождавшись, когда из вертолета выйдет еще один человек, мне незнакомый, бросился за ДК, туда, где оставался Тимур.

Клава подбежала, обняла меня и, стараясь перекричать шум двигателя, спросила:

— С тобой все в порядке? С вами. — Она посмотрела на моих друзей.

Юрка с Толиком, все еще не веря в спасение, заорали: «Да-а-а!» И запрыгали от радости.

А я сказал на ухо тете Клаве: «Я не нашел папу».

И вдруг я понял, какой я дурак. Ведь это же из-за нас сюда прилетел вертолет, там, на площади, может, погиб Тимур, а я... я ведь ничего не сделал, чтобы найти отца. И теперь маму и дядю Сашу оштрафуют, я ведь знаю, что всегда, если детей надо спасти вертолетами или пожарными, штрафуют родителей. Правда, деньги у меня есть. На что я, глупый, надеялся, что они у меня останутся? Это же не отцовские две тысячи, которые бабушка передала. И уже никогда я не смогу найти отца. Меня, наверное, посадят в детскую комнату милиции или отправят в интернат.

И тут я опять понял, что надо делать. Тетя Клава, все еще улыбаясь, держала меня за плечо, я вырвался и побежал к колесу обозрения. Как сказал Черный Сталкер, так пусть и будет. Клава что-то закричала мне вслед, но я даже не оглядывался. Я уже давно заметил, что на трубе, на которую опирается колесо обозрения, есть ступеньки, как на башенном кране. Колесо-то не на одну трубу опиралось, а на несколько, но ступеньки я увидел только на той, что была ко мне ближе всего.

По лестнице я поднимался с большим трудом. Лестница была железная, просто ступеньки, приделанные к опоре колеса. И чтобы не упасть, приварены большие обручи. Я поднялся немного и посмотрел вниз. И мне стало страшно. Я ведь высоты боюсь. И я заставил себя вниз не смотреть, стал смотреть только на металлические трубы опоры. Ее давным-давно красили, краска превратилась в мелкую шелуху, которая делала поверхность колонны шершавой. А ступеньки были тоже ржавые, и мне приходилось крепко держаться руками за эти ступеньки. И все время я говорил себе: «Не смотри вниз, не смотри вниз».

Один раз мне показалось, что я сейчас потеряю равновесие и упаду. Внизу затих рокот вертолетного винта, видимо, выключили мотор. И стало совершенно тихо. Я думал всегда, что наверху свистит ветер. Вот, бывало, смотришь, на земле тихо, а кроны у деревьев качаются. А я уже выше крон поднялся. Еще подумал, а как же я буду чинить эту ось. Ведь у меня инструментов нет. Но с другой стороны, всегда надо сначала посмотреть, что случилось, а потом уже думать, как чинить.

Я слышал, как снизу кричали: «Спускайся, брось!» Но я не хотел смотреть вниз. Лестница кончилась. Я был у самой оси. И тут начиналось самое страшное. Мне надо было вылезти на эту самую ось. Иначе никак нельзя было добраться до ее середины. Снаружи она была нормальной, но если что-то и сломалось, то только в торце. Я осторожно на животе переполз на ось. Она была, наверное, полметра в диаметре, и получалось, что не сильно покатая.

Теперь надо было развернуться, чтобы лечь вдоль оси. Я долго собирался с силами. Ведь как только я так развернусь, то обязательно посмотрю вниз. Наконец я решился. Закрыв глаза и стал медленно-медленно перебирать ногами и руками, чтобы развернуться. Краска все время облущивалась от металла и летела в лицо, лезла в нос.

Вот вроде я уже лежу параллельно оси. Теперь надо было доползти до края и посмотреть, что там внутри. Вот моя правая рука нащупала конец оси. «Ну, — сказал я себе, — просто подползи поближе и загляни». Вниз, с самого края. Над пропастью. Я не мог. Я боялся. Я прополз еще немного и стал с закрытыми глазами ощупывать торец. Там ничего такого не было, металл, какая-то смазка, наверное, затвердевшая, потому что рукам было противно.

Я подполз еще ближе и, собрав все силы, заглянул в эту самую ось. Ничего там такого не было. Все вроде исправно. Какая-то штука лежала внутри, совсем не отсюда. Она была не привинчена, и не понятно было, откуда она могла бы выпасть. Я дотянулся до нее и сбросил вниз. Не знаю зачем. Зря я сюда лез. Во-первых, ничего тут не починишь, а во-вторых, ничего тут и не поломано.

Пятясь, выделявая ногами всякие кренделя, я полез обратно и из последних сил, не физических, а таких, которые сдерживают страх, выполз опять на лестницу. И стал спускаться. Вниз спускаться оказалось еще труднее. Все время надо было искать ногами ступеньку, и почему-то это было страшнее, чем когда лезешь вверх, хотя я все равно смотрел только прямо перед собой на ржавые железки. Но все когда-то кончается, и я спустился. На последней ступеньке меня подхватили чьи-то крепкие руки. Это был Герман. Он поставил меня на землю, а у меня вдруг задрожали колени. Я даже стал искать, где сесть, но не нашел и потому держался.

— Ну и что ты придумал? Ты решил от нас в небо убежать? — с улыбкой спросил дядя Герман.

Было видно, что он на меня сердится, но не подает виду.

— Нет, я должен был починить колесо, — ответил я. — Так Черный Сталкер сказал.

Но тут у меня вдруг потемнело в глазах. Совсем потемнело.

Я очнулся, наверное, сразу же, только не у колеса обозрения, а возле вертолета. Я лежал на пенке, и тетя Клава терла мне виски.

— Ну что, очухался? — спросила она.

— Я полез туда, потому что Черный...

— Да знаем мы, знаем, Тимур рассказал, — перебила меня Клава.

— А он жив? — Я обрадовался.

— Да что с ним сделается! — Клава даже засмеялась. — Ну, конечно, немного поцарапанный, но вон, видишь, сидит, и хоть бы что!

Тимур сидел в вертолете, свесив ноги в люк. Он сидел так, что один рукав рубашки был сброшен — у него было забинтовано плечо. Тимур помахал мне здоровой рукой.

— Ну и что ты там начинил? Неужели не мог с нами поговорить нормально? — не отставала от меня тетя Клава.

— Я думал, вы сейчас нас заберете, и я никогда уже не смогу найти отца.

— Ну, ты и сказал. Раз уж мы в Зону опять попали, то просто так не уйдем. Только вот тебе с ребятами надо домой. Ты бы знал, какой шум поднялся. Думаешь, зря нам вас выручать Ми-17 с экипажем дали? Спасибо Тимуру, что он сразу передал, что вы нашлись. Где вас только не искали!

— Но все равно на колесе надо прокатиться! — сказал я тете Клаве. — Раз так сказал Черный Сталкер, значит, надо.

— Какой же ты упрямый. Если так приспичило, то прокатись! Только не высоко! — согласилась Клава. — Гера, ты помнишь, как эта байда работает? По-моему, там привод до сих пор целый.

— Помню-помню. — К нам подошел дядя Герман. — А силенок у тебя хватит на аттракционах развлекаться?

— Да запросто! — Я подскочил, не обращая внимания на то, что Клава хотела меня остановить. — Пацаны, айда со мной!

Я увидел, что Юрка с Толиком сидят рядом на качелях и жуют шоколад. Они не очень охотно соскочили с качелей и подошли ко мне. Я, не давая им времени раздумывать, зашагал к колесу обозрения. Ребята пошли за мной. Только Тимур остался сидеть в вертолете. Мы быстро добрались до колеса, и я сразу же полез в кабинку, она скорее на лодочку была похожа. Кабинка была совсем ржавая, но без дырок и сломанных деталей. Просто ржавая. Я уселся, рядом со мной Толик и напротив Юрка.

— Тебе что, обязательно было этот цирк устраивать? — сердито спросил Юрка. — Чего мы ищем? Уже бы сто раз домой летели!

— Если Черный Сталкер сказал, значит, надо делать! — отрезал я.

— Ой, тоже мне, знаток Зоны нашелся. — Юрка соорудил недовольную физиономию и отвернулся.

Я видел, как Герман подошел к маленькой будочке возле колеса, порылся в ней и вышел, качая головой. Он что-то сказал Клаве, потом вернулся в кабинку.

— Так, ребята, внимание, запускаем, но учтите! Колесо разломано. Никаких полных кругов, только туда и обратно.

Загудел мотор, заскрипел стальной скелет колеса, будто страшный древний робот-трансформер, и кабинка, легко дернувшись, поехала вперед. Я задрал голову вверх, чтобы посмотреть, как колесо крутится, и вдруг увидел, что раздвоенное до сих пор сверху колесо соединилось! Оно опять было целым. Мы проехали несколько метров вперед, потом кабинка остановилась и двинулась назад.

— Так, следопыты, давайте вылезайте.

— Дядя Герман, Клава — оно восстановилось! — заорал я.

Все посмотрели вверх, куда я показывал рукой.

— Стоп, что-то не так. Само по себе колесо не может восстановиться, если оно разорвано пополам, даже здесь, в Зоне, — сказал Герман.

— Я думаю, надо запустить колесо, чтобы оно еще вертелось, и мы должны сделать круг. — Мне почему-то казалось, что это очень важно...

— Отставить панику. — Пока мы разговаривали, к нам подошел Тимур. — Вы уже покатались на колесе? Покатались. Наказ Черного Сталкера выполнили? Выполнили. И ось ты починил. Значит, все в порядке!

— Да ничего я не чинил.

— Ну а «пустышку» кто выбросил оттуда? — Тимур протянул руку. На ладони лежала именно та штука, что я вытолкнул из оси.

— Ну и выбросил, — согласился я. — А что это за хня?

— Андрей, ну как ты выражаешься? — возмутилась тетя Клава.

— Ой, извините. — Я покраснел.

И вправду я тут набрался всякой словесной шелухи.

— Это полная «пустышка», — объяснил Тимур. — Ну, сейчас она уже почти пустая. Это очень редкий артефакт. Его никто не видел практически. Я вот думаю, что не зря тебя туда Черный Сталкер посылал.

— Ну, артефакт, мы их столько уже... — вмешался Юрка.

— Этот артефакт может изменять пространственно-временной континуум, — задумчиво продолжил Тимур.

— А? — Никто из нас ничего не понял.

— Он позволяет перемещаться во времени. Причем не только вперед, но и назад. Вот что. Запускайте колесо. — Последние слова он сказал уже не нам, а Клаве и Герману.

Они втроем пошли к будочке управления. Через несколько мгновений колесо обозрения опять застонало и двинулось по часовой стрелке. Кабинки медленно опускались, проходили через площадку, на которой можно было в них забраться, и опять поднимались вверх.

Я много раз представлял, как я встречу отца в Зоне. Может быть, приду к нему на помощь, когда он будет сражаться с какими-нибудь уродами. Или, может, я войду в какой-нибудь бар, в книжках про Зону очень часто герои ходят в бар. Вот войду, и в дальнем углу в сумраке и табачном дыму будет сидеть мой отец, а я подойду и потрогаю его за плечо. А вот еще здорово, чтобы, когда я попаду в безвыходное положение, ну, вдруг меня какой-нибудь «Долг» или «Свобода» в плен возьмут, а отец на какой-нибудь суперской машине с пулеметами, как в фильме «Зеленый шмель», приедет и всех их убьет. В общем, мне казалось, что именно так и будет. А совсем не так, как вышло.

Тимур с Клавой вдруг побежали к кабинке, которая как раз опускалась на площадку. Они замахали Герману, чтобы он остановил колесо. Вытащили из кабинки человека, тот был без сознания. Клава побежала к вертолету, оттуда она вернулась еще с одним человеком. У него в руках был чемоданчик с красным крестом на крышке. А я боялся подойти. Я понял, кто это был. Его потом несли на носилках к вертолету, а я шел рядом и держал его за руку. И потом, уже в вертолете, сидел рядом и даже не слышал ни грохота мотора, ни разговоров вокруг.

* * *

Отец вел машину через Москву, в далекие Горки-10. Там мы должны были провести целую неделю в одном пансионате. Отца выписали только сегодня, но он уже был совершенно здоров. Только давно, когда я его видел последний раз, до того, как он пошел в Зону, волосы у него были почти совсем черные. А теперь белые. От этого лицо казалось темным, как будто загорелым.

— Пап, а что Тимур? Ведь нашли вакцину? — Я до сих пор ничего не знал про его группу.

— Да, нашли, но ты знаешь, он все равно в Зону вернулся. До особого распоряжения.

— А что за такое особое распоряжение?

— Это когда у нас появится новое задание.

— Пап, а правда, что колесо тебя унесло в прошлое? Или в будущее? А что ты там видел?

— Ну... — Отец задумался, но глаз от дороги не отрывал. — Может, это и было прошлое, я не могу сказать. Но настоящее не может проникать в прошлое. Считай, что я был нигде.

— А как же тогда исправить то, что сделал?

— Даже если ты попадешь в прошлое, ты не исправишь будущее.

— Тогда что... — Я даже не знал, что сказать. — Ничто уже не вернется назад?

— Почему?... Ничто и не уходило. Главное, мы вместе.